

Ирокезы, или светлая сторона индейского характера

Анна К. Джонсон

THE
IROQUOIS
OR
THE BRIGHT SIDE OF
INDIAN CHARACTER

MINNIE MYRTLE
1855

Электронная книга проекта "Гутенберг" об ирокезах, или светлая сторона индейского характера

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Ирокезы, или светлая сторона индейского характера

Автор: Анна К. Джонсон

Дата выхода: 5 сентября 2022 г. [Электронная книга № 68913]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: США: Д. Эпплтон и компания, 1855 г.

Кредиты: Йерун Хеллингман и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> / для проекта "Гутенберг" (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Библиотекой Конгресса)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИРОКЕЗЫ, ИЛИ СВЕТЛАЯ СТОРОНА ИНДЕЙСКОГО ХАРАКТЕРА" ***

ИНДЕЕЦ из ПЛЕМЕНИ СЕНЕКА в КОСТЮМЕ.

THE IROQUOIS;

OR,

The Bright Side of Indian Character.

BY

MINNIE MYRTLE.

NEW YORK:
D. APPLETON AND COMPANY,
346 AND 348 BROADWAY.
1855.

ИРОКЕЗЫ, ИЛИ Светлая сторона индейского характера.

АВТОР: МИННИ МИРТЛ.

НЬЮ-ЙОРК:
Д. ЭППЛТОН И КОМПАНИЯ,
БРОДВЕЙ, 346 И 348.
1855.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1855 году
Д. APPLETON & COMPANY,
В канцелярии окружного суда Южного округа Нью-Йорка.[5]

Посвящающее письмо ПОЛКОВНИКУ ТОМАСУ Маккенни И ФИЛИППУ Э. ТОМАСУ.

Без их ведома я осмеливаюсь посвятить свой первый том истории Индии тем, чьи имена я слышал наиболее часто, как друзьям краснокожего человека. Название первого указывает на то, что он был на тропе войны, в то время как другой принадлежит Обществу, члены которого являются в высшей степени миссионерами мира. Один из них в течение многих лет был замечен как общественный деятель, а другого видели только на самых уединенных прогулках, но они всегда были тесно связаны в усилиях по продвижению наилучших интересов индейцев любого имени и расы. “Добрые дела” одного в его официальном качестве и как автора хорошо известны, в то время как дела другого по необходимости оставались безмолвными и невидимыми, за исключением его друзей и тех, кто[6]были получателями благословений, которые он так щедро рассыпал; но, побродив по местам их трудов, я обнаружил, что они были соработниками, замыслы каждого сердечно одобрялись и продвигались другим, и их симпатии всегда были одинаковыми.

От имени индианки, которой каждое имя дорого как отец, защитник и друг, и как свидетельство ее собственного почтения и благодарной привязанности, эта небольшая дань уважения приносива

АВТОР. [7]

Содержание.

Страница.

Введение, 11

ГЛАВА I.

Национальные черты характера, 19

Зверства христиан,	21
Дома индейцев,	23
Цивилизованное варварство,	25
Король Филипп,	27
Гостеприимство,	29
Противопоставление христиан и индейцев,	31

ГЛАВА II.

Национальное правительство; или Длинный дом Лиги ирокезов, 32

Происхождение Лиги,	33
Проекта Лиги,	35
Черт индейцев,	37
Советов,	39
Вампум и Калумет,	41
Индийская женщина,	43

ГЛАВА III.

Религия ирокезов, 44

Анекдот,	45
Работа на Небесах,	47
Праздник клена,	49
Благодарность Великому Духу, [8]	51
Обращение к Хено,	53
Суккоташ,	55
Благодарственное обращение,	57
Угадывание снов,	59
Индийская вежливость,	61
Костер Совета,	63
Ирокезы не дикари,	65

ГЛАВА IV.

Обычаи и индивидуальные черты характера, 67

Похороны индейцев,	69
Религиозные обязанности,	71
Мсть индейцев,	73
Добром за зло,	75
Каннасатого,	76
Ханс Хансон,	77
Честность индейцев,	79
Красота индейцев,	81

ГЛАВА V.

Любовь, Музыка и поэзия, 83

Брачные переговоры,	85
Социальные привязанности,	87
Легенда об Ампатде Сапе,	89
Поэтические чувства индейцев,	91
Легенда о любви,	93
Индийское благородство,	95
Примеры цивилизации,	97
Характерные песни,	99
Перевозка детей,	101
Почтение благородным умершим,	103

ГЛАВА VI.

Легендарная литература, 105

Индийская легенда,	107
Лечебный праздник,	109
Охотничья легенда,	115
Приключения охотника Хо-ча-га,	116
Легенда о пигмеях,	121
Легенда о Джо-гоу-о, или Пигмеях, уничтожающих Чудовищных буйволов,	121
Легенда о войне,	123
Танец войны,	125
Дева войны,	126
Индийский очаг,	129
Мифологические легенды,	131
Легенда о Хе-но, Громовержце,[9]	131
Га-о,	133
Семи Звездах,	133
Трех Сестрах,	134
Духе Зерна,	135

ГЛАВА VII.

Жизнь пленника среди индейцев, проиллюстрированная жизнью “Белой женщины”, 136

Обращение с заключенными,	137
Уважение к женщинам,	139
История Мэри Джуисон,	141
Брошенный ребенок,	153
Место захоронения Миссии,	155

ГЛАВА VIII.

Красноречие ирокезов—Красная куртка, или Са-го-йе-ват-ха, 158

Красная куртка,	159
Мольба женщин,	161
Индийские суеверия,	163
Красноречие красной куртки,	167
Миссионеры,	171
Колдовство,	173

ГЛАВА IX.

Сарказм и пронизательность —Красная куртка, или Са-го-йе-ват-ха, 174

Интервью с Red Jacket,	175
Тщеславие Red Jacket,	185
Последние часы Red Jacket,	197
Смерть Red Jacket,	199
Могила Red Jacket,	201

ГЛАВА X.

Достоинство характера у ирокезов, проиллюстрированное жизнью брата фермера и молодого короля, 202

Брат фермера,	203
Щедрость к пленным,	205
Незнание денег,	209
Индийский фонд,	211
Американское варварство,	215
Молодой король,	217
Смерть молодого короля,	219

ГЛАВА XI.

Индийское великодушие, проиллюстрированное жизнью плантатора кукурузы, 220

Плантатор кукурузы,	221
Щедрость плантатора кукурузы, [10]	223
Моральный кодекс,	225
Обращение плантатора кукурузы,	229
Сын плантатора кукурузы,	235

ГЛАВА XII.

Утонченность и чувствительность индийского характера, проиллюстрированные в Жизни Логана, 237

Логан,	239
Ошибки Логана,	241
Речь Логана,	243

ГЛАВА XIII.

Самая мрачная страница индийской истории, 245

Отчет об индейцах,	247
Обращение индейцев,	249
Общество друзей,	251
Большой Кеттл,	252
Речь Большого Кеттла,	253
Речь Гаяшуты, обращенная к Обществу друзей,	257
Речь Черного Ястреба,	259
Манеры и обычаи,	261
Падчерица Красной куртки,	263

ГЛАВА XIV.

Образованный индеец, 266

Индийские речи,	267
Несправедливость по отношению к индейцам,	273
Индийская цивилизация,	275
Индийская речь,	279
Заключительные замечания,	283

ГЛАВА XV.

Будущее североамериканских индейцев, 284

Несправедливость по отношению к индейцам,	285
История Джеймса Макдональда,	287
Клеймо позора, наложенное на индейцев,	289
Непоследовательность,	291
Кусик,	293
Субботнее утро среди чиппева,	295
Гибель индейцев,	297

ПРИЛОЖЕНИЕ, 298 [11]

Введение.

“Книга об индейцах, кому какое дело до них?”

Это, вероятно, восклицание многих, кто взглянет на мой титульный лист, ибо тем, кто ничего о них не знает, целая книга об индейцах покажется делом весьма прозаичным. На них я ничего не могу ответить, поскольку они не доходят до моего предисловия, чтобы увидеть, *какую причину я могу привести* для этой кажущейся глупости. Но тем, кто готов слушать, я скажу, что индийцы - очень интересный народ, независимо от того, написал я о них интересную книгу или нет.

Антиквар, Историк и ученый долгое время изучали характер индейцев и предоставили нам множество информации об индейцах, но все это содержится в увесистых томах для библиотек штатов и колледжей и совершенно недоступно для множества людей. Те, кто берет в руки только те книги, которые можно подержать в руках, сидя у огня, все еще остаются в полном неведении о жителях, населявших леса до того, как нога сакса ступила на наш берег.

Существует также множество предрассудков, являющихся следствием [12]этого невежества и следствием представлений наших предков, которые соприкоснулись с индейцами при обстоятельствах, которые сделали невозможным беспристрастное и правильное суждение.

Это невежество и предубеждение я попытался развеять. Сначала я думал просто дать серию биографий индейцев, но без некоторых знаний о правлении и религии ирокезов жизнь их великих людей была бы невозможна понять или оценить. Исторические книги, которые читают в наших школах и из которых черпаются наши первые впечатления, все еще очень несовершенны в том, что они рассказывают об истории Индии, и большинство из них все еще наполняют умы детей и молодежи очень ложными идеями.

Я мало что знал о том, за что брался, когда начинал, иначе, возможно, отказался бы от этой задачи. По своему невежеству я думал, что очень маленькая книга охватит всю отмеченную мной область, но вскоре обнаружил, что она не охватит и половины, и я вынужден оставить "Жизни Брандта, великого вождя племени могавков", сэра Уильяма Джонсона и нескольких других интересных вождей и личностей, связанных с историей Индии, для другого тома. Если успех этих книг будет достаточно обнадеживающим, за ними могут последовать другие, посвященные южным индейцам, в томах, соответствующих по замыслу и характеру.

Хотя это и трудная задача, я нахожу ее очень приятной. Туман предрассудков и невежества рассеялся из моего собственного разума светом истины, и я был по-настоящему счастлив, когда, в воображении или наяву, сидел у индийского очага. Я [13]прочитал все, что смог услышать о том, что связано с моими предметами, но помимо книг пользовался особыми возможностями для продолжения своей работы. Учитель, которого я любил в детстве, стал миссионером среди сенека в Западной части Нью-Йорка. В соответствии с ее пожеланиями мы взяли в нашу семью маленькую индийскую девочку, которая была моей ученицей и компаньонкой два года и которую мы все научились любить. Ее отец был пасынком Красной Куртки, самого известного вождя ирокезов, и благодаря нашей переписке с миссионерами мы продолжили и углубили наш интерес к ее народу. У меня давно была любимая идея написать книгу о них, и когда я решил это сделать, я отправился в Каттараугус и провел там несколько месяцев, чтобы самому лучше познакомиться с индейцами и ежедневно общаться с теми, кто

прожил среди них более двадцати лет, а также получить доступ к книгам и документам, которых больше нигде нет.

При взгляде на оглавление книга может показаться фрагментарной, но вместо того, чтобы посвятить целую длинную главу сухим деталям “манер и обычаев”, я вплел эти обычно неинтересные материалы в Биографии, так что ни одну часть невозможно понять или оценить, не прочитав ее целиком.

Мой титул не будет так привлекателен для американских ушей, как если бы он относился к каким-либо другим неизвестным людям. Путешествие в Аравию, или Африку, или на Камчатку с гораздо менее важными и интересными материалами привлекло бы большее количество читателей, поскольку мы всегда проявляем больший интерес к вещам, находящимся вдалеке. [14]

Я мог бы исписать столько же страниц “зверствами индейцев”, но они были подробно описаны в других исторических книгах, так что знакомы каждому уху, а у меня не было ни места, ни желания даже мельком взглянуть на войну и ее мрачные хроники.

Я не написал *всей правды*, но то, что я написал, - правда в мельчайших деталях.

Мистер Кларк в “Онондаге” в двух больших томах изложил массу полезной информации о миссиях, жизни и характерах индейцев; а в “Истории Понтиака” Паркмана мы имеем яркую картину лесной жизни и живые портреты лесных жителей.

Шарлевуа, Ла Гонтан, Колден, Смит, Маколей, Морс и Бэнкрофт - хорошо известные историки, и их книги - это источники, к которым все прибегают за историческими знаниями.

Мистер Уильям Л. Стоун дал нам несколько биографий индейцев, которые являются наиболее интересными и правдивыми, представляя права и неправды индейцев в новом свете и отдавая должное индийскому характеру. Им я обязан некоторыми из наиболее ценных материалов моей книги.

Мистер Скулкрафт подарил нам мир удивительных вещей в своих многочисленных кварто и фолиантах, которые в будущем станут сокровищницей филологов, этнологов и антикваров всех мастей; а мистер Льюис Х. Морган написал одну из самых любопытных книг - “Лигуирокезов”, в которой правительство, религия и обычаи Шести народов изображены правдиво и в то же время так ярко, что возникает искушение сказать: “Зачем нам лучшее [15]способ?” Мало найдется людей, какими бы образованными они ни были, которые не были бы удивлены, прочитав его отчет об индийской “Церкви и государстве”. Зная его приверженность истине и точности, а также его возможности получить правильное представление о том, что он написал, я во всем, что я взял из книг о Конфедерации ирокезов, полагался на него. Ему я также обязан за критические замечания и предложения, которые избавят критиков от многих хлопот, хотя у них, вероятно, и так будет чем заняться.

Труды кол. Томаса Л. Маккенни, известного администратора по делам индейцев, содержат наиболее реалистичные и яркие картины индейского характера и наиболее правдивую оценку индийской жизни, поскольку он знал наших лесных предков дольше и видел их в большем разнообразии обстоятельств, чем это было возможно для другого; и он правильно понимал и индейцев, и белого человека, и способы их приспособления друг к другу.

Увы, его благородные планы по цивилизации и обращению в христианство красных рас Америки были расстроены, когда существовала не только надежда, но и самая обнадеживающая перспектива, что эта работа может быть завершена. Его план не был утопическим, но успешное осуществление его оказалось практически осуществимым. Но этому не суждено было сбыться. Он не смог спасти их; но благодаря его личным усилиям и влиянию как главы департамента у нас есть галерея индийских портретов, бесценных как образцы искусства и бесценных как единственно верные представители народа, так скоро ушедшего из жизни. Я в долгу не только перед книгами мистера Маккенни, но и перед ним, [16]за все, что было в его силах предоставить для получения информации и содействия успеху моего плана.

В стихотворении Альфреда Б. Стрит “Фронтенак” правительство, религия и праздники Длинного Дома объединены в одну прекрасную картину. Как стихотворение, оно является одним из самых художественных в нашем языке; но его индийский оттенок помешал оценить его по достоинству, и оно касается народа, столь малоизвестного и столь совершенно непонятого в прозе, что его описания подобны панораме без света. Я процитировал из него несколько песен, чтобы украсить свои мрачные страницы.

"Текумсе" Колтона публиковался дольше и более известен; а стихи Госмера знакомы читателям журналов, и не нужно, чтобы я их хвалил.

Я не хотел загромождать свою книгу *примечаниями и авторитетными*, и поэтому выражаю свои обязательства, называя таким образом основные источники моей информации из книг, и добавляю, что я почерпнул “здесь понемногу и там понемногу” везде, где мог найти что-либо подходящее для моей цели.,,

Мистер Райт, в семье которого я оставался, пока искал новые материалы, понимает язык Сенеки, а также многие другие, и охотно поделился со мной результатами своего долгого и близкого знакомства с жизнью в Индии; в то время как его жена, которая также бегло говорит на этом языке, благодаря наблюдательности, присущей исключительно женщине, и как высокообразованная интеллектуальная женщина, смогла оказать мне помощь, которую не смог бы оказать ни один мужчина, каким бы образованным он ни был.[17]

В моем списке друзей и помощников также много образованных индийцев. Доктор Питер Уилсон хорошо известен как высокоодаренный и образованный человек. Мистер Н. Т. Стронг и М. Б. Пирс - умные и образованные джентльмены. Я в большом долгу перед мистером Н.У. и Эли С. Паркером, поскольку их время и знания всегда были к моим услугам. Один занимается переводом Библии на язык Сенеки, получив образование в Обычной школе Олбани; а другой является одним из самых почетных и ценных служащих государства в качестве инженера. Их сестра - высокоинтеллектуальная и образованная молодая леди, каких часто можно встретить в любом обществе. Те, кого я упомянул, молоды и относятся к новому порядку вещей; но все еще живы пожилые мужчины и пожилые женщины, которые дают нам некоторое представление об индейце таким, каким он был. Я был в их домах и познакомился с их сердцами, и ни у кого из людей я не видел очагов, где любовь и дружба сияли бы ярче, а сердца трепетали с более искренним христианским сочувствием.

Я в полной мере ощутил их сердечное гостеприимство и привез знак уважения, которым они награждают только *избранных*. Способ, которым даруются имена, является одним из их особых обычаев и представляет собой довольно внушительную церемонию. Имя каждого ребенка

публично утверждается в Совете, чтобы стать законным именем; и когда он подрастает до *мужского статуса*, ему дается другое, которое подтверждается таким же публичным образом. В настоящее время, когда незнакомцу присваивают имя, [18]обычно это делается на Новогоднем Совете, независимо от того, присутствует этот человек или отсутствует.

Моя была вручена на частном общественном собрании, по этому случаю с речью выступил Шадди-но-ва (Джон Хадсон), один из их самых выдающихся людей, который принял меня в племя Медведя как свою племянницу. Этот знак уважения был впоследствии утвержден Национальным советом, и я всегда буду с гордостью подписываться этим именем. Это означает “тот, у кого новый стиль” или “рассказывает новые вещи”.

Гуи-и-ва-зай.

ИНДИАНКА В КОСТЮМЕ.

[19]

ИРОКЕЗЫ.

ГЛАВА I.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА.

Во всех ранних историях американских колоний - в рассказах о жизни индейцев и описаниях характера индейцев — мы видим этих детей дикой природы, изображенных дикими и варварскими, едва ли имеющими хоть какие-то положительные черты характера. И в умах значительной части общества все еще преобладает мнение, что они были кровожадными, мстительными и безжалостными — справедливо наводящими ужас как на друзей, так и на врагов. Детям импонирует мысль о том, что индейца едва ли можно назвать человеком, и его следует бояться так же сильно, как самого свирепого животного в лесу.

Романисты время от времени облачали некоторых в одежды, вызывающие наше восхищение; но редко кто был наделен качествами, которые мы могли бы полюбить, если только не говорили также, что от какого-нибудь пленника, захваченного в далеких войнах, он унаследовал более белую кожу и более светлую кровь.

Но я склонен думать, что не одни индийцы такие дикие - не одни варвары, бессердечные и безжалостные. [20]

Говорят, что они истребляли друг друга в ходе агрессивных и разрушительных войн до того, как среди них появились белые люди. Но войны — разумеется, агрессивные и истребляющие войны — не являются доказательствами варварства. Самый храбрый воин был самым почитаемым; и это всегда было верно для христианских народов; и те, кто называет себя христианами, до сих пор не перестали смотреть на того, кто смог наиболее успешно спланировать массовое истребление людей, как на наиболее достойного лавров своего короля и своей страны. Сколько времени прошло с тех пор, как затих пан во славу герцога Веллингтона? В каких войнах участвовала вся Европа с тех пор, как сохранились какие-либо записи о ее истории? Ради чего цивилизованные и христианские нации сейчас заливают свои поля кровью?

Говорят, что индеец был жесток с пленником и причинил невыразимые пытки своему врагу, взятому в бою. Но из того, что мы знаем о них, не следует делать вывод, что индейские вожди когда-либо были виновны в том, что заполняли темницы невинными жертвами или убивали сотни и тысячи своих соплеменников, единственным грехом которых было тихое несогласие с некоторыми религиозными догмами. По отношению к своим врагам они часто были безжалостны, и у них были веские причины смотреть на белых людей как на своих врагов. Они убивали их в бою, тайно строили против них заговоры и в нескольких случаях — сравнительно немногих — подвергали отдельных людей пыткам, сжигали их на кострах и, возможно, сдирали с них кожу заживо. Но кто хоть что-нибудь знает о заповедях и практике римско-католического христианского мира и цитирует эти вещи как доказательства абсолютного варварства? В то самое время, когда индейцы использовали томагавк и нож для снятия скальпелей, чтобы

отомстить за причиненные им обиды, мирные граждане в каждой стране Европы, где папа был человеком власти, были заключены в тюрьму ни за какие преступления, и^[21] были изобретены и применялись такие изощренные пытки, которые никогда не приходили в голову самому свирепому индейскому воину, бродившему по пустыне, чтобы причинить их человеку или животному. Мы очень мало знаем о тайнах инквизиции, и от этой малости у нас кровь стынет в жилах от ужаса; однако все это совершалось во имя Христа, Спасителя мира — Князя Мира; и не дикари, а цивилизованные, *христианские* мужчины смотрели не холодно, а радостно, в то время как женщины и дети корчились в огне и были залиты кровью!

Были ли зверства, совершенные в долине Вайоминг и Вишневой долине, беспрецедентными среди вальденских твердынь и гор Оверни? Кто читал "Книгу мучеников" Фокса и нашел что-нибудь похожее на нее во всех записях о войне с индейцами? Резня в день Святого Варфоломея, истребление евреев в Испании и шотландские ковенантеры были совершены в соответствии с указами христианских князей, да, и некоторые из них были придуманы христианками, которые утверждали, что служат Богу и советуются с Библией.

Говорят также, что индеец был вероломным, и ни одному договору нельзя было доверять в соответствии с его условиями. Но с наших отцов-пуритан нельзя полностью снять обвинение в неверии; а кто не краснеет, говоря об индейских предателях, когда вспоминает испанское вторжение и падение царственного и великодушного Монтесумы?

“Индейцы верили в ведьм и сжигали их тоже!” Разве святой Бакстер с Библией в руках не произнес это правильно? и разве индейцу не было позволено присутствовать при том, как тихая, безобидная женщина была брошена в огонь по постановлению пуританского совета?

Возвращаясь к более определенно христианским временам, мы^[22] все же призваны содрогнуться от откровений Говарда и мисс Дикс. Прошло не так уж много времени с тех пор, как в протестантской Англии повешение было наказанием за мелкую кражу, а долгое и безнадежное тюремное заключение - за незначительный проступок. Я думаю, что это в памяти тех, кто не является *старейшими жителями*, когда люди еще были готовы к тому, чтобы их забрасывали камнями и плевали в них те, кто претендовал на исключительное право называться гуманными и милосердными.

Опять же, говорят, что индийский способ ведения войны, без исключения, самый бесчеловечный и отвратительный. Но я не знаю, что те, кто умирает от зазубренной и отравленной стрелы, подвергаются более невыносимым мучениям, чем те, кто искалечен порохом и пулями. Томагавк быстро умерщвляет, а обычай снимать скальпы *схристианских убийц* спас бы тысячи людей от мучительных дней, а возможно, и недель, среди куч, покрывающих поля сражений победителей и заполняющих госпитали ранеными и умирающими! Но скальпирование не было изобретением исключительно индейцев. “Оно претендует, - говорит Прескотт, - на высокий авторитет или, по крайней мере, на древность”. Отец истории Геродот рассказывает об этом у скифов, показывая, что они проводили эту операцию и носили скальпы своих врагов, взятые в бою, в качестве трофеев точно так же, как наши североамериканские индейцы. Следы того же обычая встречаются также в законах вестготов, франков и даже англосаксов. Южные индейцы не снимали скальпов, но у них существовала система рабства, никаких следов которой нельзя найти среди обычаев, законов или легенд ирокезов.

Снова: “Они уводили женщин и детей в плен, и в своих долгих путешествиях по дикой местности они подвергались душераздирающим испытаниям”.

Войны христиан бросают сотни и тысячи [23]беспомощных женщин и детей в холодный мир, на тяжелый труд, попрошайничество, голодную смерть!

Это не такая яркая картина, какую обычно рисуют людям, написавшим законы и накопившим знания; но я не вижу, чтобы где-то окраска была слишком темной. Нет никакой опасности рисовать индейцев, чтобы они стали привлекательными для цивилизованных людей; и нет необходимости изображать их более отвратительными, чем они изображают самих себя.

В характере индейцев есть светлая и приятная сторона; и, думая, что об их войнах и жестокости, о жизни охотника и рыбака написано достаточно, я присел у их очага, послушал их легенды и попытался познакомиться с их домашними привычками, понять их более тонкие чувства и поистине благородные черты их характера.

Прошло так много времени с тех пор, как они были хозяевами нашей земли и грозными нашими врагами, — они настолько истощены и беспомощны, что мы можем позволить себе прислушаться к правде и поверить, что даже у наших врагов были добродетели. Человек был создан по образу и подобию Божьему, и не может быть, чтобы что-либо человеческое было крайне мерзким и презренным. Оставаться в невежестве и осуждении без знания легче, чем учиться и трудиться ради истины, но при нынешних возможностях для раскопок христиан нельзя простить за то, что они продолжают довольствоваться отбросами.

Те, кто всегда думал, что индейцы бродят по лесам, охотятся, ловят рыбу или воюют, возможно, посмеются над идеей индейских *домов и семейного счастья*; и все же, насколько нам известно, нет народа, среди которого в их первобытном состоянии семейные узы и взаимоотношения были бы более четко определены или более религиозно почитались.

Обращение, которому они подвергались со стороны белых [24]людей, которых они всегда считали незваными гостями, возбуждало и поддерживало в них все свирепые страсти, так что никто, кроме тех, кто общался с ними в качестве миссионеров или пленников, не видел их истинного характера — такими, какими они были друг для друга.

Почти на любом имеющемся у нас портрете индейцев они изображены с томагавком и ножом для снятия скальпов в руке, как будто они не обладали ничем иным, кроме варварской натуры. Христианские народы с равной справедливостью всегда могли бы быть представлены пушками, ядрами, шпагами и пистолетами как символами их занятий и преобладающих вкусов.

Подробности войн составляют слишком большую часть истории всех цивилизованных и варварских народов; завоевывать и убивать слишком долго было славой христианского народа; тот, кто добился наибольшего успеха в порабощении и угнетении, в уничтожении человеческих существ, слишком долго носил лавровый венец, слишком долго был объектом восхищения мужчин и любви женщин.

Мы устали от помпезности и обстоятельств войны - от княжеских пиров и веселых кавалькад. Время и пространство, которые мы уделяем королям и Дворам, и почтение, которое мы оказываем пустым титулам, недостойны нашего провозглашаемого республиканского духа и предпочтений. Давайте свернем с тропы войны и сядем у домашнего камня мира.

В описаниях, которые я приведу, я ограничусь главным образом ирокезами, или шестью нациями, народом, который не больше заслуживает названия "дикий", чем мы - "язычник", потому что среди нас все еще сохранились языческие суеверия и многие мнения и обычаи, которые не заслуживают лучшего названия!

Каннибалов некоторых островов Вест-Индии и Тихого океана можно с полным основанием назвать дикарями, [25]но такой народ, как ирокезы, у которых было правительство, установленные должности, религиозная система, в высшей степени чистая и духовная, кодекс чести и законы гостеприимства, превосходящие таковые у всех других народов, следует считать чем-то большим, чем просто диким или совершенно варварским.

Ужасные пытки, которым они подвергали своих врагов, сделали их имя наводящим ужас, и все же не так много было сожжено, повешено и заморено голодом ими, как погибло от этих средств среди христианских народов. Страдания, которые они причинили, были незначительны по сравнению с теми, от которых страдали сами, и когда люди из них приходят к нам, чтобы разоблачить варварство диких белых людей, деяния, о которых они рассказывают, равны всему, что мы знаем о жестокости индейцев. Картина цивилизованного варварства, которую дает индеец, оставляет отвратительные обычаи дикой природы совершенно на заднем плане. Мы испытали на себе их месть, когда предали их души и тела пытке и своей *огненной водой* свели с ума их мозги. В их вере была чистая и прекрасная духовность, и она влияла на их поведение в такой же степени, как и на любой другой народ, христианский или языческий.

Есть ли что-нибудь более варварское в летописях индейских войн, чем повествование об уничтожении индейцев Пекод? В одном месте мы читаем о внезапном нападении на индейский форт ночью, когда его обитатели спали, не подозревая об опасности. Когда они проснулись, их окутало пламя, а когда они попытались бежать, их застрелили, как диких зверей. От деревни к деревне, от вигвама к вигваму переходили убийцы, "будучи полны решимости", как благочестиво замечает наш историк, "с Божьей помощью окончательно уничтожить их", пока, наконец, небольшая, но доблестная группа не укрылась в болоте, "Пылая негодованием и помрачнев от отчаяния; с сердцами, разрывающимися от горя из-за гибели их [26]нации, и душами, раздосадованными воображаемым позором своего поражения, они отказались просить свои жизни у руки врага". оскорбил врага и предпочел смерть подчинению. С наступлением ночи они были окружены во время своего мрачного отступления, и на них обрушились ружейные залпы, пока почти все не были убиты или похоронены в грязи ". В темноте густого тумана, предшествовавшего рассвету, несколько человек прорвались сквозь ряды осаждающих и скрылись в лесу.

Опять же, тот же историк сообщает нам, что те немногие, кто остался, "стояли, как *угрюмые собаки*, готовые скорее быть убитыми, чем молить о пощаде; и солдаты, войдя в болота, обнаружили многих сидящими группами, когда они приблизились; и, положив ружья на ветви деревьев в нескольких ярдах от них, буквально наспиговали их тела пулями".¹ Но они были индейцами, и это было признано благочестивым делом. "Когда галлы вторглись в Италию, и римские сенаторы в своих пурпурных одеждах и парадных креслах неподвижно сидели в присутствии варваров-завоевателей, презирая бегство и в равной степени презирая мольбы о пощаде, этому аплодировали как благородному — как умирающему подобно государственным деятелям и философам. Но когда индеец, которому есть что терять и которого бесконечно больше провоцируют, сидит на зеленом холме под небесным сводом и отказывается просить

пощады у цивилизованных демонов, его клеймят как упрямого, бездуховного и угрюмого”. “Какое разное название имеет величие, облаченное в одежды христианских князей и восседающее под просторными куполами, великолепное благодаря изобретениям человека; и величие в простом одеянии природы, обездоленное и одинокое в пустыне!”

В характере Александра Македонского, который “покорил мир и плакал, что ему [27]больше нечего завоевывать”, нет ничего, что могло бы сравниться с благородными качествами короля Филиппа с горы Надежды; и среди его воинов есть длинный список храбрецов, которым нет равных в подвигах героизма ни в одной древней или современной истории. Но в какой стране и кем на них охотились, пытали и убили? Кто это был, собравшийся вместе, чтобы радоваться и благодарить за все виды жестокости, причиненные тем, кто сражался за своих жен и детей, свои алтари и своего Бога? Когда записывается, что “мужчины, женщины и дети без разбора были зарублены и горами лежали на снегу”, об этом говорится как о служении Богу, потому что номинально они были язычниками. “Прежде чем битва была закончена, вигвамы были подожжены, и в них столпились сотни невинных женщин и детей, которые погибли во всеобщем пожаре”, и за это на небеса возносятся благодарственные возгласы. Окровавленная голова Филиппа нанизана на шест и выставлена на всеобщее обозрение на улицах; но это делают не дикие воины и не толпа, которая улюлюкает при виде отвратительного зрелища, собираясь в субботу в пуританской церкви, чтобы послушать Евангелие, провозглашающее мир и любовь ко всем людям. Его тело буквально разрезают на куски, чтобы раздать завоевателям, и христианский город оглашается одобрительными возгласами.

Говоря об этом кровавом состязании, один из самых выдающихся “Отцов Церкви” говорит: “Они не могли перестать молиться Господу против Филиппа, пока не помолились о пуле, попавшей ему в сердце”. “Двадцать два индийских капитана были убиты и низвергнуты в ад за один день”. “Пуля попала ему в голову и в одно мгновение отправила его проклятую душу навеки среди дьяволов и богохульников в ад”.

Массасойт, отец Филиппа, был настоящим другом англичан, и когда он был при смерти, взял двух своих [28]сыновей Александра и Филиппа и с любовью вверил их доброте новых поселенцев, молясь, чтобы между ними были такие же мир и добрая воля, какие существовали между ним и его белыми друзьями. По простому подозрению, всего лишь некоторое время спустя, старейшина, сменивший своего отца на посту правителя своего народа, был затравлен в своем лесном доме и предстал перед судом, природу и цель которого он не мог понять; но унижение, которому его подвергли, и предательство тех, кто таким образом оскорбил его, так подорвали его гордый дух, что следствием этого стала лихорадка, от которой он умер. И это еще не все. Сын и жена Филиппа были проданы в рабство, как и многие другие индейцы, взятые в плен во время колониальных войн. “Да, - говорит выдающийся оратор,2 “они были проданы в рабство, в рабство в Вест-Индии! индийская принцесса и ее ребенок, проданные с прохладного бриза Маунт-Хоуп, из дикой свободы лесов Новой Англии, чтобы задохнуться под плетью, под палящим солнцем тропиков! ‘Горько, как смерть’, да, горько, как ад! Есть ли что—нибудь, я не говорю, в пределах человечества, - есть ли что-нибудь одушевленное, что не боролось бы с этим?”

И это на самом деле не все. Их родственницу, принцессу по праву рождения, Вет-а-мор из Покассета, преследовали и изводили до тех пор, пока она не упала в изнеможении в пустыне и не умерла от холода и голода. Там она была найдена мужчинами, утверждавшими, что они шокированы варварством индейцев, ее голова была отделена от тела, и ее, истекающую

кровью, несли на шесте, чтобы выставить на всеобщее обозрение на дорогах страны, где правят люди, которых почитают как святых и мучеников. “Позволь мне умереть среди моих сородичей”. “Похороните меня с моими отцами” - молитва сердца каждого индейца; и самая деликатная и благоговейная доброта в их[29]обращении с телами умерших считалась религиозным долгом. Во всех их обычаях не было ничего, что указывало бы на варварствоволь грубое и отвратительное, как эти действия, которые историки Новой Англии описывают без порицания, в то время как стенания, которые индеец испускает в своем горе, видя, как его сородичи обесчещены, а его религия поругана, клеймятся как дикие и дьявольские.

Если бы все или даже немногие из тех, кто служил среди них в святых делах, были подобны Элиоту, которого называют “апостолом индейцев” и который заслуживает того, чтобы его причислили к апостолам древности; или Киркленду, память о котором дорога каждому ирокезу, слышавшему его имя, то утверждение о том, что цивилизация и христианство уничтожили их, не могло бы стать пословицей или истиной.

Не один, а многие бессовестно называют их “собаками, волками, ищейками, демонами, воплощениями дьявола, адскими псами, исчадиями ада, чудовищами, бестиями”, всегда считая их низшими существами и едва ли позволяя им быть людьми. Однако один из них, который в то время был среди них пленником, представляет их как “добрых, любящих и щедрых”, а относительно того же самого чудовища Филиппа не сообщает ничего, что могло бы осудить его в глазах тех, кто верил в агрессивные и оборонительные войны и воздавал почести героям, мученикам и завоевателям.

Губернатор Джеймстауна отрубил руку мирному, безобидному индейцу, чтобы он снова внушил ужас своему народу, и благодаря великодушию дочери и короля того же народа эта колония была спасена от разрушения. Только благодаря своей любви и доверию Поухатан и Покахонтас потеряли свои лесные владения.

Гостеприимство было одной из отличительных добродетелей индейцев, и среди них не существовало такого понятия, как индивидуальный голод или нужда. Пока оставалась чашка [30]супа, его разделяли. Если приходил друг или незнакомец, его приглашали ко всему, что могли предоставить их вигвамы, и предлагать ему еду было не просто обычаем, поскольку с его стороны было нарушением вежливости отказываться от еды, каким бы сытым он ни был.

Из того, что их система не была похожа на нашу, не следует, что это не было системой. Мы могли бы заглянуть в вигвам или хижину и подумать обо всем в смятении; в то время как для обитателей там было место для каждой вещи и каждая вещь была на своем месте. У каждого был свой диван, который ночью заменял кровать, а днем - сиденье, и никому другому не пришлось бы в голову присвоить его, так же как у нас не было бы присвоено частных апартаментов.

Церемонии на их праздниках были такими же регулярными, как и в наших церквях; их правила ведения войны были так же четко определены, как и у христианских народов, а в их играх и атлетических состязаниях существовал кодекс чести, нарушать который было позорно; их брачные обеты были так же понятны, а вежливость так же формально соблюдалась на их танцах.

Характер индейца был во всех отношениях подобен характеру людей любой другой нации, и, оказавшись в тех же обстоятельствах, он проявлял те же страсти и пороки. Но в его лесной обители не было такого искушения совершить большие преступления или то, что обычно

называют меньшими - клевету, скандал и сплетни, - какое существует среди цивилизованных народов.

Они ничего не знали о жажде наживы, и поэтому любовь к накопительству не сделала их эгоистичными, и не было искушения украсть там, где у них было все общее; а их почтение к истине и верность обещаниям вполне могут посрамить все народы христианского мира.[31]

Я написал в духе, который характеризовал бы историю, написанную индийцем, но это не заслуживает того, чтобы называться индийской пристрастностью, а только справедливостью и духом человечности, или, если мне будет позволено это сказать, духом, с которым любой христианин должен быть способен оценивать характер и деяния своих врагов. Я бы не стал умалять добродетели наших предков. В то время им не было равных, но фанатизм и суеверия темных веков все еще витали среди них, и собственные опасности не позволяли им видеть порочность и жестокость средств, которые они использовали для защиты. Не сомневаюсь, что через четыре, а может быть, и через два столетия некоторые из наших догм покажутся такими же нехристианскими, какими кажутся нам их догмы; и я искренне надеюсь, что к тому времени наши войны будут казаться такими же варварскими, а фантастическая одежда наших солдат такой же нелепой, какой мы привыкли представлять войны и дикие одеяния лесных индейцев.

Как долго саксы и кельты становились цивилизованными и христианскими народами? Сколько времени прошло с тех пор, как были отложены в сторону шлем, кольчуга и боевой топор? Чтобы выглядеть более устрашающе, британец времен Генриха II натягивал поверх своих доспехов шкуру дикого зверя с головой и ушами торчком, садился на своего боевого коня и отправлялся вперед с криком “К оружию!”, “смерть захватчику!”. Раскраска и орлиное перо индейского воина едва ли были более варварским изобретением, а его боевой клич - более ужасным.

Это не просто сравнение индейца пятнадцатого века с христианином пятнадцатого века. Сравните его с варварами Британии, России, Лапландии, Камчатки и Татарии и представьте его так же верно, как были представлены эти народы, и он не пострадает от сравнения. [32]

1 Ирвинг. ↑

2 Эверетт. ↑

ГЛАВА II.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО; ИЛИ ДЛИННЫЙ ДОМ ЛИГИ ИРОКЕЗОВ.

Давайте заглянем на минутку в Длинный Дом индийской конфедерации и узнаем кое-что об управлении народом, который мы привыкли считать неуправляемым, совершенно незаконным и грубым.

В стране, простирающейся от Гудзона до озера Эри и от реки Святого Лаврентия до Саскуэханны, жили пять отдельных народов, о происхождении которых мы ничего не знаем и относительно которых все догадки тщетны.

О себе они могут сказать только то, что выросли из земли или выросли подобно деревьям в лесу. Они не могут вспомнить, когда они не были подобны песку на морском берегу для множества людей, и когда их законы, манеры и обычаи не были такими, как тогда, когда среди них появились белые люди.

У них не было письменности и, конечно же, письменных преданий; и на листах или пергаменте нет и следа того, что делали их отцы; но, изучая их легенды и басни, наблюдая и понимая их обычаи, мы можем легко представить, какими они были.

Пять народов, называемых французами ирокезами, датируют образование лиги всего несколькими годами до того, как [33]белый человек впервые высадился на их берегах, и, похоже, именно Колумба они называют первым захватчиком.

Они называли себя Хо-де-но-сау-не, или Людьми Длинного Дома; подразумевая, что они были одной семьей, укрытой под одной крышей.

Каждый народ был разделен на восемь племен или кланов, которые носили названия Волк, Медведь, Бобр, Черепаха, Олень, Бекас, Цапля, Ястреб, и при образовании Лиги эти названия были сохранены, а все их законы и обычаи были составлены со ссылкой на это разделение на племена.

Одна из исторических традиций, касающихся этого союза, гласит, что незадолго до его образования среди них появился самый необычный и грозный воин, То-до-да-хо, волосы которого представляли собой массу живых змей, а пальцы рук и ног также заканчивались живыми змеями, которые постоянно шипели и высовывали свои раздвоенные языки. Змей вычесал из его волос сахем-ирокез, которого впоследствии прозвали Ха-йо-го-ха, человек, который расчесывает.

То-до-да-хо сначала был против лиги, потому что, поскольку все сахемы должны были обладать равной властью, он был бы лишен своего значения. Но чтобы компенсировать ему отказ от абсолютной власти, которой он привык пользоваться, в его честь был назван первый пост верховного главнокомандующего, и этот титул переходил ко всем, кто впоследствии будет занимать тот же пост. И хотя тот, кто унаследует его, на самом деле обладает не большей властью, чем остальные, это имя означает для них сочетание более благородных качеств, чем любое другое, и к нему относятся с чуть большим почтением.

После первого образования лиги, по-видимому, мало что изменилось в правительстве или каких-либо связанных с ним институтах, хотя очевидно, что в их домашних привычках наблюдался постепенный прогресс и значительные улучшения в сельском хозяйстве. В дневнике[34]Де Нонвиля, который был послан французами в качестве командира экспедиции против Шести наций в 1607 году, говорится о больших деревнях, особенно среди сенека. В четырех городах общее количество домов составляло триста двадцать четыре, и только в этих четырех деревнях он уничтожил миллион двести тысяч (1 200 000) бушелей кукурузы, не считая большого количества фасоли, кабачков и других овощей. Примерно в пятнадцати милях от нынешнего города Рочестер находился также большой форт, имевший восемьсот шагов в окружности и расположенный на господствующей высоте, возвышающейся над обширной долиной.

Если бы вторжения саксов были отложены на столетие дольше, они могли бы основать в Нью-Йорке цивилизацию, столь же развитую, какую испанцы сформировали среди ацтеков. Их имя, *какобъединенного народа*, распространилось далеко и широко и пробудило ужас во многих сердцах.

“Далеко от Миссисипи Иллини уменьшился,

Когда на берегу был замечен след черепахи.

На холмах Новой Англии пекод побледнел,

Когда волчий вой усиливался по ночам во время шторма;

И "чероки" затрясся в своих зеленых благоухающих беседках,

Когда нога медведя топнула по его цветочному ковру”.

Поскольку тускарора были изгнаны, на момент образования лиги оставалось всего пять наций, но изгнанники вернулись и были приняты в качестве одной из семей Длинного Дома в 1715 году.

Первый костер совета был разожжен на северном берегу озера Онондага; и, выражаясь метафорическим языком индейцев, о нем говорили как *овсегда горящем*, чтобы указать, что люди всегда действовали согласованно. Могавки жили у восточной двери и следили за восходящим солнцем. Сенеки были западной дверью,^[35] и должны были защищать западную сторожку, чтобы ни один враг не вошел на заходящее солнце.

Онондаги были в центре, и им были вверены клеймо совета и вампум, и от них ожидалось, что они разберутся в ведении записей поясом вампум.

Было создано пятьдесят сахемств, причем все сахемы обладали равной властью — девять принадлежали к народу могавков, девять - к онейде, четырнадцать - к онондаге, десять - к каюге и восемь - к народу сенека. У них не было отдельной территории, над которой каждый правил, но на общем совете они занимались делами целого.

Раньше, когда их численность увеличивалась настолько, что их поля не могли давать кукурузы, а леса - дичи в таком количестве, группа отправлялась на поиски новых охотничьих угодий и таким образом терялась для своего народа и сородичей. Но теперь они должны были принадлежать конфедерации, где бы ни бродили, и сохранять свою верность.

Новое правительство было сформировано не с целью завоевания и порабощения, хотя они надеялись таким образом лучше защитить себя от своих пограничных врагов, тем не менее, они стали очень грозными в своей объединенной силе и вели войну на уничтожение среди всех окружающих народов, которые не хотели присоединиться к лиге или оставить их в покое.

“Теперь в лесу ничто не могло противостоять их мощи,

Ничто не могло противостоять их ударам конфедерации —

Объединенные силой и единой душой,

Они двигались своим курсом в соответствии с креном водопада.

Их имена были очень значимыми и, независимо от того, принадлежали ли они людям или местам, описывали что-то в их жизни или национальной истории.

Онондагам принадлежала привилегия называть [36]сахемов, когда была сформирована лига, и поскольку эти имена должны были перейти ко всем сахемам потомства, это было вечной честью для нации. На совете к ним обращались как к носителям имени Хо-де-сау-но-гата.

"Онондага" означает "*на холмах*", поскольку их главная деревня в то время, когда они стали известны, находилась на возвышенности с видом на прекрасную страну.

Онейды были *гранитным народом*, выросшим из камня, и они тоже жили на холме, с которого они могли видеть вдаль обширную и плодородную долину на границе озера Онейда. Камень, который был местом сбора людей, представляет собой огромныйвалун, отличающийся по геологическому строению от любого другого в радиусе ста миль. Впоследствии на совете их стали называть народом*великого дерева* из-за какого-то события, произошедшего в договоре под большим деревом. Оригинальный камень Онейда можно увидеть на кладбище в Утике.

Первое поселение каюгов находилось у подножия озера каюга, и их называли*людьми с грязной земли*. На совете их называли *людьми с большими трубками*. Традиция, касающаяся их, объясняет все индейские имена. *Идеалы* редко понимались теми, кто их интерпретировал. Когда говорят, что человек из этой нации, чей голос впервые прозвучал на совете, имел привычку курить большую трубку, это правда, но нам это не говорит ничего такого, что было бы понятно индейцам. Когда все вожди и сахемы расселись в зале совета, они начали курить, заново набивая свои трубки, когда должна была прозвучать речь, чтобы они могли слушать, не прерывая. У каюги была большая трубка, так что его табак держался дольше, чем у других, и, следовательно, он мог дольше слушать и лучше концентрировать свои мысли; сказать, что он любитель большой трубки, было то же самое [37], что сказать, что он был более вдумчивым и слушал более внимательно, он был лучше способен судить.

Орудием ирокезов были *кремь и сталь*, потому что они первыми предложили создать лигу и зажгли первый костер совета. На Совете их называли Да-де-о-га, люди *двух полисов*, потому что часть из них была за лигу, а часть - нет.

Сенека, стоявшие у дверей, были названы *первым огнем*; кайюги - вторым; а следующие по порядку - третьим и четвертым, после могавков, которые были пятыми. Поскольку у них не было ни водоемов, ни колодцев, они строили свои жилища на берегах рек, рядом с бурлящими источниками и на берегах озер. Границы между различными нациями были четко определены, и в своих охотничьих вылазках они ограничивались своей собственной территорией, находясь в пределах юрисдикции лиги, но за пределами своих объединенных границ они бродили безудержно, и все имели равную свободу на земле своих врагов.

Сейчас кажется любопытной проблема, как можно было объединить такой народ; но их бегуны были почти такими же быстроногими, как олени в лесу, и их тропы были связующими звеньями не только между деревнями, кланами и нациями, но и простирались далеко, до Миссисипи и Мексиканского залива, Атлантического океана и северных озер. Они представляли собой простую пешеходную дорожку, достаточно широкую, чтобы по ней можно было*пройти*, но иногда они были такими глубокими из-за множества следов, которые проходили по ним веками, что стены были глубиной в несколько дюймов. И эти тропы стали основным маршрутом нашей великой нации. В них индейцы петляли под горами и по долинам, неся на плечах легкие каноэ, в

которых они переплывали[38]самые широкие озера и самые глубокие реки, и были настолько знакомы со всеми связующими звеньями, что по самым темным закоулкам леса пробирались так же легко, как по улицам деревни, и почти так же быстро, как огненный паровоз, прокладывая свой путь по гладкой железной дороге. Я слышал, как один молодой индеец рассказывал, что его отец часто бегал от озера Эри до Мексиканского залива, причем по четыре-пять дней подряд, почти не останавливаясь по дороге, чтобы перекусить. И я слышал, как один пожилой индеец говорил, что в дни своей юности он *пробежал* расстояние между определенными границами, которое, должно быть, включало сорок миль, возвращаясь в тот же день, и считал это невеликим подвигом. Всего несколько лет назад было соревнование на скорость между индийским бегуном и несколькими всадниками или их скакунами в пополах, и бегун оставил всадников далеко в тылу. Но не только по этим магистралям можно проследить индейцев на всех наших границах. Их выразительные и музыкальные названия носят на каждом склоне холма, в каждой лощине; в пенящемся водопаде и на лоне широкого озера - от вершины горы до зеленого островка посреди волн, мы слушаем их серебристые голоса.

“Вы говорите, что все умерли,

Благородная раса и храбрецы,

Что их легкие каноэ исчезли

С гребня волны;

Это посреди лесов, где они бродили,

Не слышно криков охотников;

Но их имя написано на твоих водах,

Вы не можете его смыть.

Вы говорите, что их конусообразные хижины,

Которые сгрудились над долиной,

Исчезли , как увядшие листья

Перед осенним штормом; [39]

Но память о них живет на твоих холмах,

Их крещение на твоём берегу,

Твои вечно живые воды говорят

Их прежний диалект.

Несколько наций относились друг к другу и лиге почти так же, как несколько Штатов к федеральному правительству, и было сказано, что они подарили нашим Отцам идеюЕдиногo.

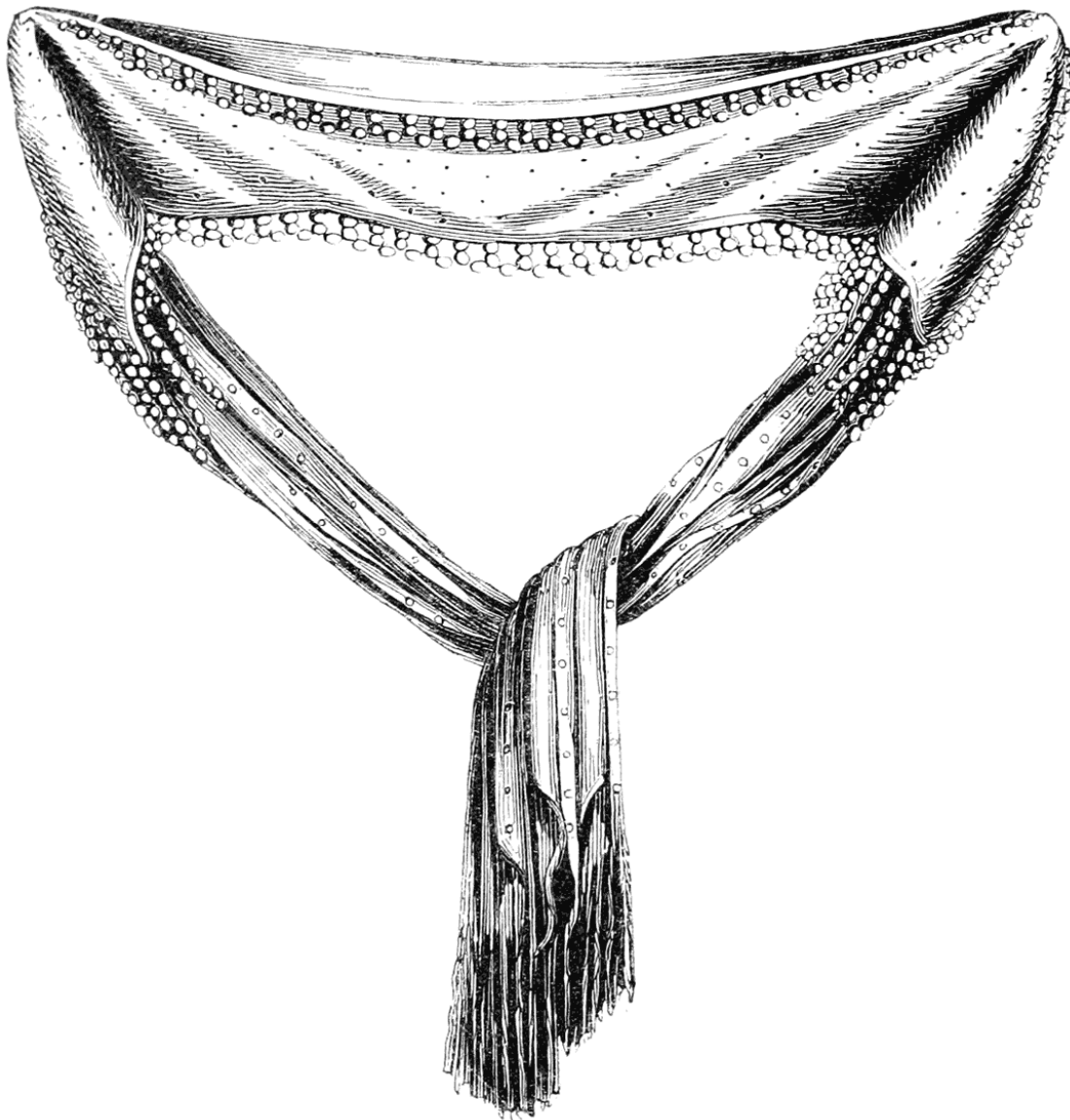
Их Советы были разделены на три класса. Гражданский совет с целью рассмотрения их внешних связей и ведения дел по иностранным делам; Траурный совет, созываемый в связи со смертью сахема для заполнения вакансии, если таковая возникала, или присвоения храбромu

воину титула и должности Вождя; и Религиозные советы, созываемые, как следует из названия, по религиозным обрядам.

Вожди не входили в первоначальный офицерский корпус, но были приняты позже, и, выражаясь их образным языком, были названы *скобками Длинного Дома*, потому что звание вождя было наградой за заслуги и присваивалось тем, кто “снискал честь на войне”, или тем, кто каким-либо другим способом заслужил отличие и стремился к славе. И это зафиксировано как любопытный факт в их истории, что все их великие ораторы были среди Вождей. За исключением трех из первых пятидесяти сахемов, никто не достиг каких-либо отличий до Логана, который был сыном вождя племени каюга и сам был сахемом. Сахемы всецело занимались мирными делами, и у них было не так много поводов для возбуждения их энтузиазма, как у тех, кто участвовал в волнениях войны. Ни один сахем не мог быть одновременно гражданским чиновником и воином; если он вступал на путь войны, он откладывал на время свои государственные обязанности. То, что[40]их Лига не была учреждена с целью развязывания войны, очевидно из того факта, что не было *военного министерства*, связанного с правительством. Все военные экспедиции были частными предприятиями. Нации, не принадлежащие к Лиге, считались врагами, и любой воин был волен сформировать партию, провозгласить себя лидером или капитаном и отправиться завоевывать; в случае успеха он удостоивался чести стать главнокомандующим и занять место в Совете, но никакой особой военной власти ему предоставлено не было, поскольку Индийская конфедерация, казалось, боялась военного превосходства так же сильно, как и наше собственное правительство.

Но между их правительством и нашим была такая разница — когда совет не заседал, не было управления делами. Если в каком-либо племени или народе происходило что-либо, требующее совета или обдумывания собравшихся сахемов, к ближайшему народу отправлялся гонец, а они посылали гонца к следующему, и так далее, пока все не были проинформированы.

Если, например, сенеки желали созвать совет, собирались сахемы этой нации и решали, достаточно ли важен вопрос, чтобы требовать созыва совета Шести наций. Если они приходили к выводу, что это так, они посылали *бегуна* с поясом вампума к каюгам. Кайюги сообщили онондагам таким же образом, а те - онейдам, а онейды - ирокезам. Если это было чем-то, что интересовало всех, эффект был подобен удару электрического тока; и не только сахемы, вожди и воины, но и женщины и маленькие дети собрались вокруг костра совета, приехав с самых дальних пределов своей территории, не обращая внимания на тяжелый труд или опасность в своем рвении к общему благу.

РЕМЕНЬ.

Ни одно послание не имело никакого значения, если к нему не прилагался пояс вампум. Первоначально он состоял из[41]маленьких ракушек, нанизанных на нитки из оленьей кожи. После знакомства с голландцами они использовали изготовленный вампум, который напоминал маленькие кусочки сломанного стержня трубки. Пояса состояли из нескольких сплетенных вместе нитей, некоторые из них были черными, другие - белыми. Процесс, с помощью которого они запоминали речи и события, был своего рода мнемотехникой и осуществлялся исключительно по ассоциации. “Этот пояс хранит мои слова” было обычным выражением в конце каждой речи или предложения, и каждая часть ассоциировалась с определенной частью пояса или бечевки, которую человек держал в руке. Когда гонцов отправляли от племени к племени или от нации к нации, пояс вампум был доказательством его подлинности, и без него ни один гонец не был услышан. Белый цвет был эмблемой мира, а черный - войны или опасности.

Калумет мира - еще один таинственный символ среди индейцев, не менее почитаемый, чем королевский скипетр. Это разновидность каменной трубки с тонкоотполированным набалдашником и *пером* длиной в два с половиной фута, сделанным из прочной тростинки. Наиболее почитаемы красные калуметы, которые часто украшены белыми, желтыми и зелеными перьями.

“Пока он высоко поднимал руку

Знак мира, калумет;

Столь священный для индийской души,

С тростниковым стеблем и темно-красной чашей,

Щеголяющий перьями — белыми, желтыми и зелеными.

Это *флаг перемирия* между индейскими народами, и нарушение его среди них столь же позорно, как оскорбление развевающихся звездно-полосатых флагов Соединенных Штатов или *Льва и Единорога*, когда эти национальные эмблемы несут в лагерь противника в знак того, что борьба может прекратиться.

Совместное курение калумета было залогом дружбы, [42]и часто использовалось как фигура речи для выражения дружбы. Их язык - это язык метафор, и его очень трудно перевести или интерпретировать на любой другой, и для них он полон *классических аллюзий*, поскольку каждое важное событие передается путем присвоения его какому-либо человеку в качестве имени или крещения им какой-либо горы, озера или ручья.

Ни одному сыну или дочери какого-либо племени не разрешалось вступать в брак с человеком, принадлежащим к племени с тем же названием в его собственном или любом другом народе. Олень из племени Сенека мог жениться на своей собственной Черепахе, или на черепахе племени ирокезов, или каюга, и так на каждой из остальных. Но Волк не мог жениться на Волчице, а Цапля - на Цапле.

Дети принадлежали к племени матери. Если она была из племени Оленя, то все ее дети были из племени Оленя. Они называли ее матерью, а также называли матерью ее сестер, а детей ее сестры - братьями и сестрами; отсюда и возникла невозможность жениться в их собственном клане. Они смотрели на всех, принадлежащих к нему, как на одну семью, и брак в пределах этих степеней кровного родства был в их глазах таким же позорным и отвратительным, как брак с нами между настоящими братьями и сестрами.

Также должности, сахемы и т.д. наследовались по материнской линии. Таким образом, будет видно, что к женщинам относились с таким же уважением, как и среди христианских правительств, и хотя они обрабатывали поля и в некоторых отношениях были слугами мужчин, их труд был очень легким, и по свидетельству пленниц, которые долгое время жили среди них, их хозяева были неизменно добры и внимательны.

Символом власти, которую носил сахем, были *оленьи рога*, и если в каком-либо случае женщины не одобряли выборы или действия сахема, они имели право *удалить ему рога* и вернуть его к частной жизни. Их [43]должностные лица или *бегуны* от совета к совету избирались ими самими и назывались *женскими мужчинами*, и ими их интересы всегда были полностью

представлены. Если в какой-либо момент они хотели, чтобы какой-либо вопрос был рассмотрен с помощью их гонцов, они созывали совет в своем клане; если это был вопрос более общего интереса, существовал совет нации, и если требовалось мнение женщин или сахемов других наций, созывался большой совет, который с такой же готовностью учитывал их интересы, как и интересы мужчин. Таким образом, им был предоставлен способ иметь *право голоса* в делах нации, не подвергая опасности их *женскую сдержанность* и не подвергая их мужскому порицанию публичности или желанию присвоить должности и власть мужчин!

Не зафиксировано, чтобы они были более неразумны, чем люди, или более склонны к спорам, или чтобы они когда-либо злоупотребляли своими привилегиями! Мы также не находим, чтобы они когда-либо посягали на предоставленные им полномочия или “вмешивались в то, что им не принадлежало”. Они никогда не проявляли никакого желания стать воинами, сахемами или вождями; но, напротив, столетиями безропотно сажали кукурузу, выделывали оленье шкуры и изготавливали пояса вампум, и их бледнолицые сестры могли бы с большим удовольствием последовать их примеру, если бы к ним относились с таким же почтением!

Земля, по их словам, принадлежала воинам, которые ее защищали, и женщинам, которые ее обрабатывали, и которые также были матерями и женами воинов, и если бы мужчины не опустились до невоздержанности и не дали себя подкупить, чтобы действовать нечестно, и заключать договоры, противоречащие правилам их народа, и мнению *лучших* мужчин и *всех* женщин, их слава не померкла бы таким образом! [44]

ГЛАВА III.

РЕЛИГИЯ ИРОКЕЗОВ.

Пожар в муниципальном совете был лозунгом индийского правительства, индийской политики и индийской жизни. Вокруг него стар и млад собирались по всем поводам, представляющим общественный интерес, и с ним были связаны самые восхитительные ассоциации, воспоминания и легенды индийской истории.

Индийское красноречие было темой поэтов и историков, и именно у костра совета разгорелся энтузиазм оратора; здесь военная песня пробудила свое эхо; здесь было услышано

“Звуки ночного веселья”,

тогда победа наполнила их сердца ликованием; и здесь праздновались их торжественные праздники.

Собравшись вместе, они перевалили через гору и прошли через долину; пересекли серебристое озеро и текущую реку; послушали музыку ветра в лесных ветвях, пение птиц и журчание вод; и для их быстрого импульсивного духа все голоса природы были источником вдохновения.

Разжигание костра совета было сигналом к проявлению их красноречия, когда опасность угрожала со стороны их врагов, и их молодые люди, задыхаясь, готовились к тропе войны; и когда они возвращались, вокруг его тлеющих углей [45] пели скорбный реквием по тем, кто пал в битве. Здесь также возносились молитвы о том, чтобы они были приняты в “счастливый дом за

пределами заходящего солнца”; и здесь на каждом празднике возвращения благодарственная песнь возносилась к небесам вместе с горящими благовониями за добрые дары, которыми были осыпаны люди.

У индейцев было мало того, что мы называем общественной жизнью. Среди них были большие деревни, но не было улиц. У них были дома, и они занимали их в течение какой-то части года, сезон за сезоном, возможно, столетиями; но все же в какой-то мере они считались временными жилищами. Охотники покидали их на много месяцев зимой, отправляясь в свои походы в дальние леса, а воины часто отсутствовали неделями, а иногда и годами. Часто женщины сопровождали их на тропе войны и на охоте, и они возвращались в свои дома, как в место отдыха, пока снова не были готовы отправиться в путь.

Все они собирались на ежегодные фестивали, и это были времена общения, развлечений и религиозного просвещения.

Не так давно римский священник посетил небольшое индейское поселение с целью основания церкви. Люди собрались вместе, чтобы послушать разъяснение нового учения и церемоний; и после того, как они с почтением выслушали все, что сказал проповедник, встал пожилой вождь и намеренно и хладнокровно заметил, что он не видит необходимости менять их языческие обычаи и доктрины на те, которые были представлены ранее, поскольку они были так похожи. Итак, они пошли дальше по-старому, и священник не нашел опоры для своего худшего, чем языческое ряжение.

Ирокезы верили в состояние будущих наград и [46]наказаний, когда хорошее будет отделено от плохого; но они не опускались в глубины сердца, чтобы обнаружить грех или задуматься о мотивах поступков. Их моральный кодекс, так же как и религиозные убеждения, были очень просты; но все, что от них требовалось, они выполняли.

Они верили в единого Бога — Ха-вэнь-не-ю — Великого правителя и приписывали Ему все хорошее. Они также верили в Лукавого, который был похож на библейского дьявола, поскольку они верили, что он постоянно творит зло, “ища, кого бы ему пожрать”. Но они также предполагали, что он обладает творческими способностями, говоря, что как Бог сотворил человека и всех полезных животных, так и Злонамеренные создали всех монстров, вредных рептилий и ядовитые растения. Как один наслаждался добродетелью и счастьем своих созданий, так другой наслаждался раздором и несчастьем.

Были найдены люди, которые поклонялись видимым и осязаемым объектам; но, как народ, их религия была полностью духовной и в этом отношении отличалась от религии всех других языческих народов.

Автор “начал и сил” не мог более искренне верить в ангелов-хранителей и “князей воздушных сил”, чем эти простые люди, которые никогда не слышали об Откровении и чья Теология, хотя и систематическая и четко определенная, никогда не вызывала у них словесных войн или более “плотского оружия”. Не только они сами, но и все в природе, что было красиво на вид или годилось в пищу, обладало духом защиты. Там был дух огня, медицины и воды; дух каждой травы и плодоносящего дерева; дух дуба, болиголова и клена; дух ежевики, голубики и брусники; дух мяты перечной и табака; там был дух у каждого источника и у каждого бегущего ручья, и со[47]все они общались, олицетворяя каждую гору, реку и озеро. Поэт отдал им не более чем должное в следующих строках:¹

“Гве-у-гве прекрасная! Гве-у-гве яркая!

Наши сердца радуются твоему прекрасному зрелищу:

Ты слышишь наши ка-ве-яхи, мы купаемся в твоём потоке,

И когда мы алчем твоих щедрот, мы знаем.

“Теперь в мире раскинулась чистая равнина твоих волн,

Как девушки, которые бросают добрые взгляды на своих Храбрецов;

Но когда черная буря налетает со своим размахом,

Подобно Храбрецам на их тропе войны, яростная ярость бушует в твоих глубинах.

“Ты прекрасна, когда с неба срывается утро,

Ты прекрасен, когда полдень метает свои стрелы с высоты,

Ты прекрасна, когда закат ярко окрашивает твоё чело,

И в лунном и звездном свете ты всё ещё прекрасна.

“Гве-у-гве, Гве-у-гве, как бы нам было грустно

Если бы ты не рассеял мрак наших лесов,

Ха-вэнь-не-ю, казалось бы, отвернулся от своих сыновей,

Гве-у-гве, Гве-у-гве, тогда слушай нашу песню”.

Любому человеку, который приложил усилия, чтобы понять их характер или их веру, должно быть совершенно очевидно, что они были на редкость доверчивыми и любящими людьми. Их Бог был подчеркнута Богом любви. Им было нелегко понять, как Добрый Дух мог замышлять зло кому-либо из своих детей. Они смотрели на него с доверием и не только говорили и верили, но и чувствовали, что он слышит их и исполняет их молитвы.

Некоторые индейские народы рассчитывали охотиться и ловить рыбу в другом мире и заниматься всеми видами деятельности, которые их привлекают в этом. Но ирокезы более полно лишили его чувственной природы. Всё, что было[48]прекрасного в этом мире, их воображение перенесло в следующий; и хотя они верили, что обрели свои тела и сохранили все свои способности, это было для удовольствия, а не для тяжелого труда. Не было “ни брака, ни отдачи замуж”, но семьи признавали друг друга, и все жили в одном всеобщем братстве, куда не могли проникнуть ни разногласия, ни печаль, и где больше не было смерти. Ни один народ, о котором мы что-либо знаем, не проникнут столь глубоко религиозным чувством, хотя оно редко перерастало в энтузиазм. Это простое доверие и любовь, которыми пронизаны все их мысли и поступки.

У них не было правительственных чиновников, единственной обязанностью которых было регулировать общественные дела, и религиозных учителей, которые посвящали все своё время “духовным заботам” народа. Но были и такие, у кого были особые обязанности, которые они должны были выполнять, когда собирались на свои праздники, которых называли “хранителями

веры”, и, в соответствии с их всеобщим обычаем, продвигая женщин, они, так же как и мужчины, были удостоены этой должности.

Они открывали церемонии каким-нибудь соответствующим обращением, осуществляли общее руководство во время торжеств и председательствовали на пирах. Ни сахемы, ни вожди, ни воины, ни хранители веры не получали никакой компенсации за выполняемые ими обязанности и не носили никакой отличительной одежды.

В течение года было проведено шесть национальных праздников, на которых церемонии и обряды были почти одинаковыми; и все они носили явно религиозный характер и проводились таким образом, что на них смотрели как на время веселья, в котором все проявляли равный интерес. Не было класса религиозных и класса нерелигиозных людей — части, которая возносила свои сердца к Богу в знак благодарности и пела благодарственные гимны, и другой части[49], которая “не заботилась ни о чем из этого”; они были одной нацией, одной церковью и одним народом, с тем же правительством, тем же храмом и той же верой. И все же не было никаких наказаний за непослушание, никаких отлучений от церкви, никаких анафем и никакого обращения в свою веру. Они действительно были странным народом, и иногда возникает искушение усомниться, были ли они полностью людьми, но я думаю, что они определенно занимали бы место выше, а не ниже человеческой семьи! Тем, кто всю свою жизнь пытался разгадать и усовершенствовать сложный механизм *общества*, кажется удивительным, что целые нации могли существовать веками, в совершенстве воплощая заповедь Павла: “учиться быть довольными, в каком бы состоянии они ни находились”.

Сейчас среди них сохранилось много обычаев, которые, по-видимому, были унаследованы от миссионеров-иезуитов, которые со свойственным им рвением так рано появились среди них. Их нити вампума, с помощью которых они исповедуются в своих грехах, очень похожи на четки католиков, но, похоже, они понятия не имеют об искуплении грехов.

Первый фестиваль был проведен весной, когда начали течь соки, чтобы возблагодарить клен за его сладкие соки, а также Бога за то, что он дал их своим красным детям. Танцы составляли часть их религиозного культа, и они верили, что это было особенно приятно Ха-вэнь-не-ю. У них было тридцать два различных танца, и некоторые из них были чрезвычайно грациозны и красивы. Они танцевали весь этот мир и ожидали, что будут танцевать на Небесах. Они были склонны не столько молиться, сколько благодарить, и только один праздник был назначен для того, чтобы попросить благословения. Это было в сезон посева, чтобы умолять о том, чтобы “время посева и сбора урожая” было временем процветания и чтобы земля могла давать обильные урожаи для их пропитания.[50]

Клубника была одним из их деликатесов, и они верили, что смогут насладиться ею в другом мире. Некоторые из них действительно ожидали, что блаженство Небес будет заключаться в одном непрерывном клубничном пиршестве, и это то, от чего не откажется даже самый утонченный гурман, и это доказательство того, что их вкус был очень утонченным! Поэтому у них был особый праздник в благодарность за Клубнику; другой назывался фестивалем зеленой кукурузы, когда созревали кукуруза, фасоль и кабачки; еще один после сбора урожая и новогодний фестиваль, который был великим юбилеем Шести наций.

Церемонии на каждом фестивале были почти одинаковыми. Летом они собирались под зелеными ветвями и сначала готовились к большому пиршеству, на котором было все, что

только можно было найти в кладовой индейской жены, и которое проводилось в предельном порядке и торжественности.

После пира мужчины предавались различным видам спорта и играм, которые были испытаниями силы и мастерства, а затем был созван Совет, на открытии которого была произнесена речь, примером которой является нижеследующее.

Друзья и родственники: —Солнце, правитель дня, находится высоко на своем пути, и мы должны поспешить исполнить свой долг. Мы собрались, чтобы соблюсти древний обычай. Это учреждение, переданное в наследство нашими предками. Оно было дано им Великим Духом. Он всегда требовал от них благодарности за все благословения, которые они получают. Мы всегда старались жить в соответствии с этим мудрым повелением.

Друзья и родственники: —Именно для выполнения этого долга мы собрались сегодня вместе. Время, когда клен дает свои сладкие воды, снова вернулось. Мы все благодарны, что это так. Поэтому мы ожидаем, что все присоединятся к общему дню благодарения Maple. Мы[51]также ожидаем, что вы присоединитесь к благодарности Великому Духу, который мудро создал это дерево на благо человека. Мы надеемся и ожидаем, что порядок и гармония восторжествуют.

Друзья и родственники: — Мы рады видеть здесь так много людей и благодарим вас за то, что вы все хорошо подумали об этом вопросе. Мы благодарим Великого Духа за то, что он был так добр ко многим из нас, сохранив нам жизни для участия в праздничных мероприятиях сезона ”.

Во время заседания совета было произнесено несколько подобных обращений, сопровождавшихся советами, призванными внушить им желание жить так, как, как они знали, будет угодно Великому Духу; когда службы дня завершались танцем, названным “Танцем Великого Отца”, который был очень энергичным и красивым: ”для этого был предписан особый костюм, и в нем все объединились. После этого последовали другие танцы, а затем благодарственное обращение к Великому Духу, во время которого они постоянно подбрасывали табак в огонь, чтобы их слова могли вознестись к Небесам вместе с благовониями. Только обращаясь напрямую к Великому Духу, они использовали благовония.

“Великий Дух, обитающий наверху, послушай теперь слова твоего народа, собравшегося здесь. Поднимается дым от нашего подношения. Обрати доброе внимание на наши слова, когда они возносятся к Тебе в дыму. Мы благодарим Тебя за это возвращение посевного сезона. Дай нам хороший сезон, чтобы наш урожай был обильным.

Продолжайте слушать, ибо дым все еще поднимается (бросая на табак). Сохрани нас от всех пагубных болезней. Дай нам силы, чтобы мы не пали. Сохрани наших стариков среди нас и защити молодежь. Помоги нам с чувством отпраздновать церемонии сезона. Направь умы своего народа, чтобы они помнили Тебя во всех своих поступках”.[52]

Поэт передал эту молитву следующими словами:2

“Могущественный, могущественный, Ха-вен-не-ю, Дух, чистый и могучий! услышь нас,

Мы - твои собственные Хо-де-но-сонны, будешь ли ты всегда рядом с нами!

Поддерживайте горение священного пламени! направляйте нашу погоню, лелейте наши насаждения.

Пусть наши сердца воинов станут еще выше! пусть наши враги погибнут раньше нас!

Будьте добры, следите за нашими обильными урожаями! углубляйте мудрость каждого Сахема!

О наших стариках! о наших женщинах, о наших детях будь хранителем!

Могущественный Ха-вен-не-ю, Чистый и могучий Дух, услышь нас!

Мы - твои собственные Хо-де-но-сонны, будешь ли ты всегда рядом с нами!

“Могучий, могущественный, Ха-вен-не-ю, ты, Дух, чистейший, величайший,

Люби своих Хо-де-но-сонн, ты так же ненавидишь их врагов.

Сердце пантеры и орлиный глаз, лосиная лапа и хитрость лисы,

Ты даешь нашему доблестному народу, когда на тропе войны льется кровь!

Но глаз совы при дневном свете, нога черепахи, сердце женщины,

Тупой мозг медведя зимой - врагам нашего доблестного народа;

Могущественный, святой, Ха-вен-не-ю! Дух чистый и могучий! услышь нас.

Мы - твои собственные Хо-де-но-сонны, будешь ли ты всегда рядом с нами!

Да пребудет ты всегда рядом с нами! будешь ли ты всегда с нами?”

Если не было обильных дождей, так что кукуруза не расцвела после того, как ее посадили, они часто созывали другой совет и проводили другой фестиваль, чтобы помолиться о дожде. В это время они обратились к Эно, Громовержцу, в чьей власти было формировать облака и давать воду для обновления земли. Для индийца он был тем же, чем Юпитер для римлянина, и внушал ему такой же ужас. Он мог причинить великое зло, и его мести приписывали бедствия. Он был подчинен, как и все низшие духи, Ха-вэнь-не-ю, но все же был очень могуществен. Он представлен в виде человека, в костюме воина, с пером на голове, которое, подобно волшебной палочке[53]феи, оберегало его от влияния Злонамеренных и давало ему все, чего он желал. На спине у него была корзина, наполненная камнями, которыми он бросал в ведьм и злых духов, когда летел сквозь облака. Великого Духа умоляли позаботиться о нем, и на каждом праздникеЭно возносили благодарность и мольбы за его бдительность и доброту. Они называли себя его Внуками; и если земля была иссушена, а растения увядали, они встречались и излагали ему свои горести.

“Хено, наш Дедушка, теперь послушай слова своих внуков. Мы опечалены. Наши умы сильно обеспокоены. Мы боимся, что наши сторонники потерпят неудачу и навлекут на нас голод. Мы просим нашего Дедушку прийти и дать нам дождь, чтобы земля не пересыхала, и отказать нам в поддержке. Все твои внуки передают привет своему Дедушке”.

Опасаясь, что кто-то из людей поступил неправильно и именно из-за их грехов были отменены “ранний и поздний дожди”, они в то же время молились Великому Духу, бросая табак в огонь, чтобы их слова достигли его ушей и оказались приемлемыми.

“Великий Дух, прислушайся к словам твоих страдающих детей. Они приходят к тебе с чистыми умами. Если они поступили неправильно, они признались и изменили свой разум. Будьте добры к нам. Выслушайте наши жалобы и удовлетворите наши потребности. Прикажи, чтобы *Эно* пришел и даровал нам дождь, чтобы наши сторонники не потерпели неудачу и голод не пришел в наши дома”.

Те, кто привык считать индийцев безбожной, лишенной молитв и совершенно языческой расой, с удивлением прочтут эти излияния их сердец, полные совершенной любви и доверия, и их простую зависимость от Великого Дарителя во всем, чем они наслаждались. Если они поступали[54]неправильно, они *верили*, что Он простит их; если они поступали правильно, они верили, что Он одобряет и любит их. У них не было суббот, но они установили регулярные периоды богослужения и официальные церемонии. Эти периоды были указаны им природными событиями, и они прислушивались к голосу весны и сбора урожая и “смотрели сквозь природу на Бога Природы”.

На земляничном фестивале угощение состояло исключительно из клубники, которую ели с кленовым сахаром на подносах из коры; и только на этих праздниках они ели все вместе, а перед тем, как приступить к трапезе, они привыкли *читать молитву* так же набожно, как христиане.

Популярный поэт так произнес благодарственную молитву на фестивале клубники, которая повторялась каждый сезон, когда они встречались, чтобы выразить свою благодарность за этот восхитительный фрукт:³

“Земля, мы благодарим тебя! твое великое тело

Несет на себе камень, откуда мы пришли;

И бескрайний всепроникающий мрак,

Нашей славной лиги - Дома.

Ты сворачиваешь косточку клубники,

Ты держишься за его маленькие корешки,

Прежде всего плоды, которые произрастают

Подарки для нас в летние дни.

И еще спасибо, спасибо, что мы приносим тебе, смиренный

Ха-вен-не-ю, великий и святой!

Мудрый создатель! из всех создателей—

Земля и вода, воздух и огонь.

Вода, спасибо! мы благополучно скользим,

На твоей груди длинной и широкой;

Ты даешь клубничную лозу

Пейте, когда горячие солнечные лучи сияют,
Пока его листья не распустятся свежими и яркими,
И его белые бутоны распускаются. [55]
И еще спасибо, спасибо, что мы приносим тебе, смиренный,
Ха-вен-не-ю, великий и святой!
Мудрый создатель! из всех создателей—
Земля и вода, воздух и огонь.
Воздух, мы благодарим тебя за легкий ветерок,
Избавление от страшной болезни:
Ты приносишь ласковые дожди;
Ты охлаждаешь наши разгоряченные вены;
Ты целуешь цветок земляники,
Пока не появится маленький снежный венок
Распространяет свой аромат туда-сюда.
И еще спасибо, спасибо, что мы приносим тебе, смиренный
Ха-вен-не-ю, великий и святой!
Мудрый создатель! из всех создателей—
Земля и вода, воздух и огонь!
Огонь, мы благодарим тебя за твой мяч,
Со своей славой, озаряющей все;
И пламя, согревающее нашу кровь,
Зажигаем травку и готовим еду.
На твой взгляд клубника набухает,
С его созревающими частицами,
Пока плоды не окажутся у нас под ногами,
По своей красоте, насыщенный и красный.
И еще спасибо, спасибо, что мы приносим тебе, смиренный,
Ха-вэнь-не-ю, великий и святой:
Мудрый создатель! из всех создателей—

Земля и вода, воздух и огонь!”

На фестивале зеленой кукурузы угощение состояло в основном из суккоташа, который, как полагают многие, является *блюдом янки*, но его история насчитывает более веков и является чисто индийской, поскольку представляет собой суп из кукурузы и фасоли, сваренных вместе. Что угодно, кроме супа, едва ли может быть вкуснее.

Но великим индийским юбилеем был новогодний фестиваль, проходивший в феврале месяце.^[56]

Этот праздник длился девять дней, и церемонии начинались двумя лицами, обычно из числа тех, кого называют Хранителями Веры, которые заходили в каждый дом утром и вечером, одетые так, чтобы скрыть настоящих персонажей.

Они закутывались в шкуры буйволов или медведей, повязывали на головы венки из кукурузной шелухи и свободно ниспадали на тело или опоясывали чресла. Их руки и запястья тоже были украшены венками из шелухи, а в руках они держали кукурузные лепешки. Войдя в дом, они стучали в пол, требуя тишины, а затем произносили речь.

“Слушайте, слушайте, слушайте. Церемонии, которые Великий Дух повелел нам совершить, вот-вот начнутся. Готовьте свои дома. Уберите мусор, изгоните всех злых животных; мы хотим, чтобы ничто не препятствовало предстоящим праздникам. Мы призываем всех подчиняться нашим требованиям. Если кто-нибудь из ваших друзей заболеет и умрет, мы приказываем вам не оплакивать их и не позволять оплакивать кого-либо из ваших друзей. Но отложите тело в сторону и наслаждайтесь предстоящей церемонией вместе с нами; когда она закончится, мы будем скорбеть вместе с вами”.

Когда обращение было закончено, они спели благодарственную песню и разошлись, чтобы повторить церемонию в каждом доме.

И они были настолько щепетильны в выполнении этих церемоний, что, если человек умирал во время этого праздника, тело откладывали в сторону, и никаких признаков скорби не было видно до конца девяти дней, когда совершались обычные похоронные обряды и распевались траурные гимны, как будто бедствие только что произошло.

На все свои религиозные праздники они приносили только одно жертвоприношение, и это было в начале года.

Все белые животные считались посвященными Великому Духу, поскольку белый цвет был эмблемой чистоты и веры. ^[57] Но в жертву приносились только собаки. В первый день фестиваля выбирали одного, а иногда и двух, “без единого пятнышка”, и душили, тщательно избегая пролития крови или перелома костей. Затем его раскрасили красными пятнами и украсили перьями, а на шею повесили нитку вампума. Затем его подвесили в воздухе примерно в двадцати футах от земли, где он оставался до пятого дня, когда его сняли и сожгли на деревянном алтаре. Поскольку они не признавали никаких видов искупления, полагая, что добрые дела уравнивают зло, это не могло быть жертвой за грех, как предполагали поверхностные наблюдатели, и не было *козлом отпущения*, чтобы унести грехи людей. Их грехи не имели к этому никакого отношения. Собака была любимым животным, и они верили, что это

любимец Великого Духа, и поэтому сожгли ее, чтобы его дух мог вознестись на небеса с их прошениями, чтобы они могли обрести благосклонность в глазах Бога.

Когда они возложили его на алтарь, была произнесена великая благодарственная речь, в то время как в огонь постоянно подбрасывали табак, чтобы их молитвы могли возноситься в облаках дыма, и это любопытно как образец языческой молитвы.

“Радуйся! радуйся! радуйся! Слушай теперь открытым ухом слова твоего народа, когда они поднимаются к твоему жилищу в дыму твоего приношения. Смотрите на нас благосклонно сверху вниз.

“Продолжай слушать: объединенный голос твоего народа продолжает доноситься до тебя. Дай нам силу всегда с усердием и верностью совершать священные церемонии, которые ты даровал нам. Продолжай слушать: Мы благодарим тебя за то, что ты сохранил жизни стольким своим детям для участия в этих церемониях. Дай нашим воинам и матерям силы для совершения твоих священных церемоний.[58]Мы благодарим тебя за то, что ты сохранил их в чистоте до сего дня.

“Мы благодарим тебя за то, что жизни стольких твоих детей сохранены для участия в церемониях по этому случаю.

Мы благодарим нашу мать землю, которая поддерживает нас. Мы благодарим тебя за то, что ты заставил ее приносить так много плодов. Потому что в наступающем сезоне она, возможно, не откажется от своей полноты и никого не оставит страдать от нужды.

“Мы возвращаемся к рекам и ручейкам и благодарим тебя за то, что ты дал им жизнь, за наш комфорт и счастье. Даруй, чтобы это благословение продолжалось.

“Мы возвращаемся с благодарностью ко всем травам и растениям земли. Мы возвращаемся с благодарностью к трем сестрам. Мы возвращаемся с благодарностью к кустам и деревьям, которые приносят нам плоды. Мы благодарим тебя за то, что Ты благословил их и заставил плодиться на благо твоих созданий. Мы возвращаемся к благодарности ветрам, движение которых прогнало все болезни. Мы благодарим тебя за то, что ты так распорядился.

Мы возвращаем благодарность нашему дедушке Хено. Мы благодарим тебя за то, что ты обеспечил дождь, дал нам воду и дал возможность расти всем растениям. Мы просим тебя продолжать эти великие благословения.

Мы возвращаемся благодаря луну и звезды, которые дают нам свет, когда солнце уходит на покой. Продолжайте делать нам это добро. Мы возвращаемся к благодарности солнцу за то, что оно взглянуло на нас благим оком. Мы благодарим тебя за то, что ты в своей безграничной мудрости повелел солнцу регулировать времена года, распределять тепло и холод и заботиться о комфорте твоего народа. Дай нам мудрость, которая направит нас по пути истины. Сохрани нас от всех злых путей, чтобы солнце никогда не могло скрыть от нас свой [59]лик от стыда и оставить нас во тьме. Наконец, мы возвращаемся с благодарностью к тебе, нашему Создателю и Правителю. В тебе воплощено все сущее. Мы верим, что ты не можешь творить зла; что ты делаешь все для нашего блага и счастья. Будь добр к нам, как ты был добр к нашим отцам в давно минувшие времена. Внемли нашим словам, когда они вознеслись; и да будут они угодны тебе, нашему Создателю, хранителю и правителю всего сущего, видимого и невидимого”.

Все церемонии в эти праздничные дни не были строго религиозными, но состояли из различных спортивных состязаний и развлечений для развлечения. В один из дней все люди небольшими группами отправились на визиты. Один из каждой группы нес деревянную лопату и сразу же после входа в дом начинал ворошить золу, а затем немного разбрасывать по очагу, призывая благословение Великого Духа на семью.

Другим развлечением было организовывать небольшие группы, чтобы ходить и собирать материалы для застолья. От каждой семьи ожидался свой вклад. Если посланники входили в дом и ничего не получали взамен, у них было право взять все, что они могли, без того, чтобы их вовремя обнаружили. Если их не обнаруживали, им разрешалось унести свои сокровища; но если их обнаруживали, они были обязаны немедленно отказаться от них и попробовать снова. Благодаря их попрошайничеству и воровству был устроен пир, за которым последовали танцы.

Другим развлечением было гадание по снам. Какой-то человек ходил от дома к дому, рассказывая приснившийся ему чудесный сон и прося любого, кто пожелает, рассказать его. Правильно ли угадывали те, кто пытался, или нет, но сновидец через некоторое время признавал, что было дано истинное толкование, и тогда он был вынужден[60] *заплатить неустойку*, и все, что требовалось, он с радостью выполнял, какой бы большой ни была жертва.

Игр было великое множество, и замысел и эффект всех их празднеств заключались, помимо их духовного совершенствования, в том, чтобы способствовать развитию дружеских чувств и здорового возбуждения; и в этом дети тьмы были, безусловно, мудрее в своем поколении, чем *некоторые* из детей света! Те, кто считал необходимым для чести религии изгнать всякое веселье из домашнего и общественного круга, могли бы кое-чему научиться у лесного язычника, которого они имели обыкновение объявлять совершенно невежественным. Католики придерживались политики крещения в язычестве, куда бы они ни пошли. Вместо того чтобы требовать от язычников отказа от их национальных или религиозных церемоний, они привили их себе сами и таким образом устранили все препятствия на пути к тому, чтобы они стали христианами или назывались ими. Пуритане впали в другую крайность и не допускали ничего, что носило бы название удовольствия. Язычник должен отказаться не только от своей религии, но и от своего здоровья, чтобы стать верным слугой Господа. Все, что было естественным, было “плотским”, и таким образом религия стала отталкивающей и в глазах многих синонимом всего неприятного. В системе, которая отличалась от этой, они не могли видеть ничего хорошего и были, к сожалению, лишены знания человеческой природы и возможности стать всем для всех людей, чтобы таким образом спасти некоторых. Сбросив оковы суеверия, они едва ли опередили краснокожих людей дикой природы. Верования христиан и язычников в ведьм почти полностью совпадали, и способ их наказания был почти одинаковым. Истории о привидениях и домовых, которые я слушал в детстве и которые были рассказаны совершенно добросовестно, не менее [61] нелепы или более свидетельствуют о языческой слепоте, чем те, которые я слышу в вигваме.

Басни, сказки и сельские забавы наших саксонских предков никогда не были зафиксированы как свидетельство их неполноценности или как очень отвратительные проступки. Их потомки считали своим долгом почитать их и облекли их обычаи в одежды очарования; ни их свирепость, ни варварство, ни суеверия не вызывали презрения. Темная сторона картины была полностью скрыта от посторонних глаз. Страницы и тома были посвящены историками Олимпийским и Пифийским играм и “коронам победителей”; однако в них было не больше

света, или знаний, или мастерства, и гораздо меньше моральной чистоты, чем в национальных играх сынов леса. Индеец не носил лавровых венков, полагая, что достаточно отличиться; но его кодекс чести был столь же хорош, как у феодалов во времена рыцарства, и ни один индеец не осмеливался навлечь на себя порицание, нарушая правила вежливости. В их танцах женщины обычно сами выбирали себе партнеров, и ни одному воину не приходило в голову предложить руку девушке, пока она не даст понять, что это ей приятно!

Ацтеки были более развитыми во многих отношениях, чем ирокезы; но их богослужение представляло собой непрерывную серию кровавых жертвоприношений, лишенных какой-либо прекрасной духовности, которую мы видим у тех, кто приближался к Великому Духу не только устами, но и сердцем и признавал его заботу во всех событиях своей жизни.

Принесение в жертву собак было повсеместным среди всех североамериканских индейцев; но долгое время на это ссылались как на языческий обычай, без каких-либо попыток понять его значение. КоттонМазер говорит об этом, говоря: “Что индейцы в своих войнах с нами, находя большие неудобства из-за наших собак, принесли *собаку* в жертву *дьяволу*, после [62]чего ни одна *английская* собака не стала бы лаять на *индейца* в течение нескольких последующих месяцев”. Это означало бы, что у дьявола был переводчик, чтобы понять природу жертвоприношения и способ воздействия на собаку; ибо автор не ставит ему в заслугу быть настолько глубоким лингвистом, чтобы понимать самого себя, как явствует из следующего утверждения. — “Однажды обнаружив, что деймоны в одержимой молодой женщине понимают *латынь*, *греческий* и *иврит* языки, мое любопытство побудило меня попробовать этот *индийский* язык, и *деймоны*, казалось, действительно понимали не понимают этого”.⁴ И поскольку индейцев считали немногим меньше, чем самих демонов, ученому богослову было простительно не пытаться познакомиться с их языком или характером.

Но среди самих себя восстают те, кто сотрет это пятно со своей национальной чести и отстоят веру и обычаи своих отцов.

С тех пор как войны и слухи о войнах прекратились, предпринимались некоторые попытки понять характер и привычки индейцев, и было обнаружено, что они, по крайней мере, не хуже, чем у других языческих народов, которые были жителями классической Греции и Рима.

Евреи проводили три ежегодных праздника и несколько ежемесячных праздников; и один был в ознаменование *первых плодов*, другой - во время *сбора урожая*, а третий - в начале года.

У ирокезов не было особых церемоний очищения, но среди некоторых западных племен существовал обычай, похожий на иудейский, когда они использовали багряницу, кедр и иссоп.

Евреи не приносили в жертву собак, но это были единственные домашние животные, которые были у индейцев. После смерти [63]своего друга Патрокл принес в жертву двух собак чистой белизны, сказав: “Богам нужно предлагать самое чистое”. У греков и римлян был праздник, длившийся девять дней, церемонии которого были поразительно похожи на те, что сопровождали ежегодные благодарственные подношения, совершавшиеся в лесу и прерии, у озера и ручейка в американской глуши. Но когда мы читаем, что индеец украшал себя шелухой своего любимого зea-маиса и ходил с корзиной от дома к дому, чтобы собрать подношения от людей, мы называем это язычеством и варварством, в то время как история Цереры, богини кукурузы, голова которой была украшена снопами, а в руке она держала мотыгу и корзину, живописна и прекрасна!

Превращать танцы в часть религиозного праздника среди индийцев непочтительно и низкопоклонственно. В то время как нас учат читать с благочестивым волнением, как Мариам и ее служанки вышли с тимпанами и танцами, чтобы отпраздновать низвержение египтян, и женщины всех городов Израиля вышли с песнями и танцами и воскликнули: “Саул убил тысячи своих, а Давид - десятки тысяч”, и Давид, человек по сердцу самого Бога, “танцевал перед Господом”.

Священный огонь в храме Весты постоянно горел, и римляне рассматривали гашение пламени весталок как предзнаменование разрушения их города. Во всем этом нет столько поэзии, красоты или чистоты, сколько таилось в сердцах тех, кто разжег таинственный костер совета в сердце леса, чтобы тот горел вечно как символ любви патриотизма, которые горели в сердцах тех, кто сплотился вокруг него и назвал себя **ОБЪЕДИНЕННЫМ НАРОДОМ**.

Лесные нимфы и наяды Греции и Италии украшают каждую классическую песню, но [64]они не прекраснее духов-хранителей каждого дерева, листа и цветка, которыми воображение индейцев населило наши собственные лесные дебри.

Христианский оратор возвращается к тем мрачным дням невежества и суеверий *занамеками*, которые должны придать остроту и яркость его метафорам, и стихотворениями, основой которых является самая грубая из всех языческих мифологий, которые на протяжении многих лет остаются учебниками для студентов-христиан, чья миссия - проповедовать Евангелие всем народам земли.

Мы читаем об индийских женщинах, которые были *Хранительницами Веры*, и возмущаемся их заклинаниями и невразумительным бормотанием, но считается, что нашей деликатности ничто не угрожает от посвящения в тайны ЖрицАполлона, делийских оракулов и праздников Элевсинии.

Богатые девственницы Греции и Рима присутствовали с фруктами в золотых корзинах на вакханалиях, но их никогда не выставляли чудовищами, в то время как наши школьные учебники изобиловали любовными похождениями богов и богинь, которым нет места на самых мрачных страницах индийских преданий.

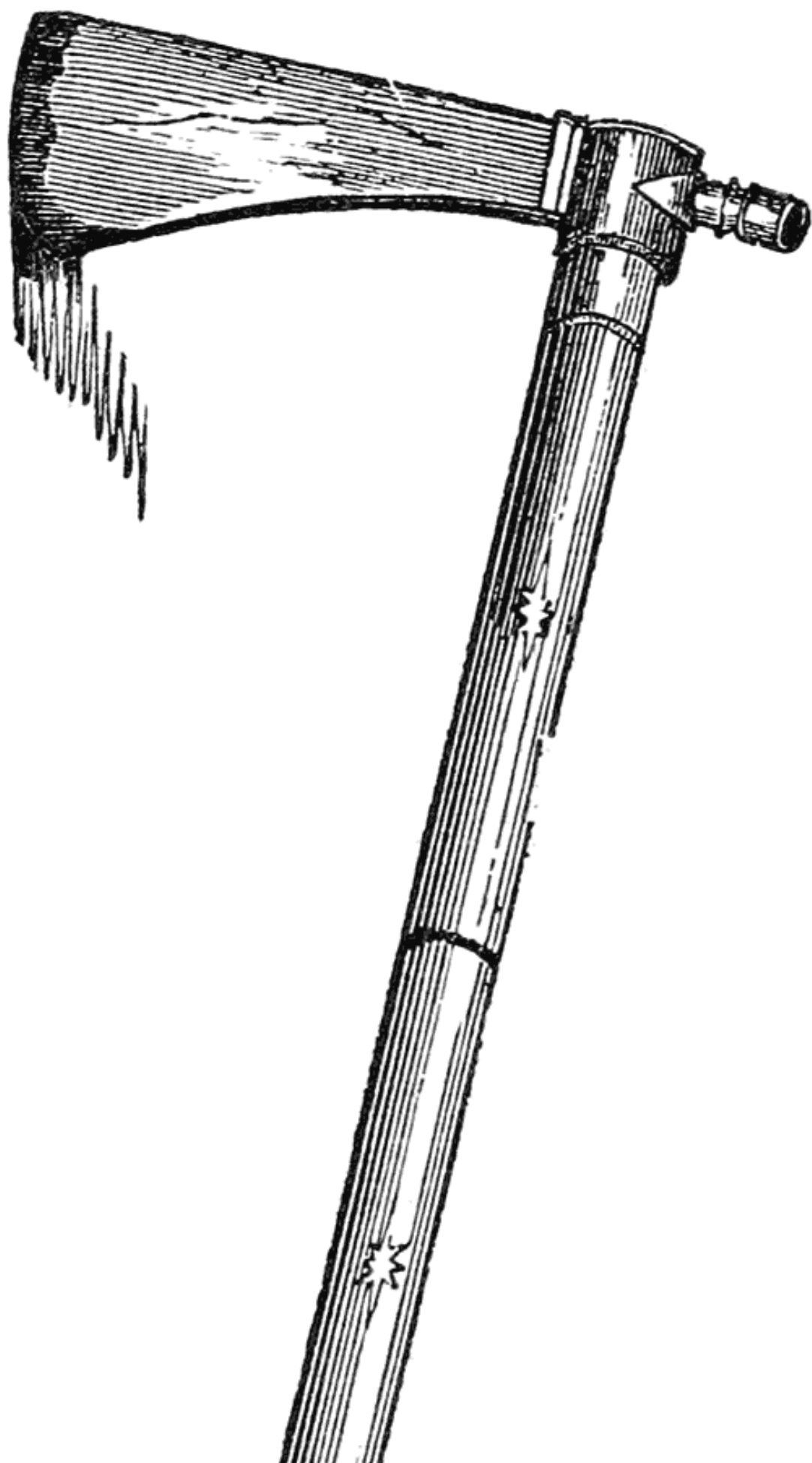
Мы слушаем историю о женщине с луны, которая постоянно занята плетением сети, которую кошка разрывает всякий раз, когда она спит, и о том, что миру придет конец, когда сеть будет закончена, и называем это нелепостью. В то время как история Пенелопы, ткущей свою пурпурную паутину днем, чтобы быть распутанной ночью и таким образом продлить отсутствие ее мужа Улисса, отправившегося на осаду Трои, - концепция, достойная того, чтобы быть расширенной до поэмы в тысячу строк и переведенной на все языки.

У индейца не было Купидонов или их представителей, чтобы заниматься сердечными делами, но у него были *чары*, которые завоевывали любовь любой прекрасной девушки, которую он желал, и *чары*, которые обеспечивали ему любовь жены во время его [65]долгого отсутствия на тропах войны и охотничьих вылазках, и делали все, что он мог сделать, ярким и прекрасным в ее глазах. И у них не было Вакха, который председательствовал бы на пьяных пирушках, потому что они “недолго задерживались у вина и не смотрели на него, когда оно было красным”. Но у них были духи, которые восседали у чистого источника, куда они в одиночестве отправлялись утолять свою жажду.

Человеческие жертвоприношения приносились ежегодно у ацтеков, но никогда у ирокезов. Но даже они не были полностью результатом варварства индейцев. “Человеческие жертвоприношения практиковались многими народами, не исключая самые утонченные нации древности”. “Они были частым явлением у греков, как известно каждому школьнику, и в Египте. В Риме они были настолько распространены, что требовали запрета специальным законом менее чем за сто лет до христианской эры — законом, записанным Плинием в очень искреннем восторженном тоне, несмотря на который, следы существования этой практики можно обнаружить в гораздо более поздний период”.⁵

Зурита был выдающимся юристом из Испании, девятнадцать лет прожившим среди ацтеков, и возмущен тем, что их называют *варварами*, говоря: “Это эпитет, который не мог исходить от человека, лично знавшего способности народа или его институты, и который в некоторых отношениях вполне заслужен европейцами”.

Если ацтеки не заслуживают термина *Варвары*, конечно, я думал, что только в отрицании этого термина *дикарь*, что принадлежат к племени ирокезов; и из их мифологии, если ничего другого, очевидно, что они были нищими ни гениальности, ни поэзии. Они были язычниками, но не дикарями, и прежде чем мы похвастаемся, что достигли [66] совершенства, давайте вспомним, что спиритуалисты и мормоны появились в девятнадцатом веке, и в Солт-Лейк-Сити направились толпы людей, получивших образование в церквях Новой Англии!

1 улица. ↑

2 улица. ↑

3 улица. ↑

4 Камня. ↑

5 Прескотт. ↑

ГЛАВА IV.

ОБЫЧАИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА.

Чем больше я читаю и чем лучше понимаю историю Индии, тем больше меня поражает несправедливость, которая была совершена по отношению к ирокезам, не только из-за лишения их наследства, но и из-за оценки их характера. Они были представлены, как видно из переходного состояния, наиболее неблагоприятными из возможных для правильной оценки.

В главе о национальных чертах характера я в двух или трех случаях цитировал Вашингтона Ирвинга и, возможно, снова позволю его мнению снять с меня обвинение в пристрастности.

Говоря на ту же тему, он говорит, что “нынешнее мнение об индейском характере слишком склонно формироваться на основе жалких орд, которые наводняют границы и оседают на окраинах поселений. Они слишком часто состоят из дегенеративных существ, развращенных и ослабленных пороками общества, не получающих пользы от его цивилизации. Гордая независимость, составлявшая главную опору туземной добродетели, была поколеблена, и вся моральная ткань лежит в руинах. Их дух унижен чувством неполноценности, а их врожденное мужество подавлено превосходящими знаниями и мощью их просвещенных соседей. Общество надвинулось на них подобно одному из тех иссушающих[68] ветров, которые иногда приводят к опустошению целого плодородного региона. Это ослабило их силы, умножило их болезни и усилило их первоначальное варварство низкими пороками искусственной жизни. Это дало им тысячу лишних потребностей, в то время как это уменьшило их средства к простому существованию. Она погнала перед собой охотничьих зверей, которые убегают от звука топора и дыма поселения и ищут убежища в глубине отдаленных лесов и еще нехоженных дебрей. Таким образом, мы часто обнаруживаем, что индейцы на наших границах представляют собой всего лишь обломки и остатки некогда могущественных племен, которые задержались поблизости от поселений и опустились до ненадежного и бродячего существования. Бедность, ропщущая и безнадежная бедность, язва ума, ранее неведомая им, разъедает их дух и губит все свободные и благородные качества их натуры. Они слоняются, как бродяги, по поселениям, среди просторных жилищ, изобилующих продуманными удобствами, которые только заставляют их осознавать сравнительную убогость их собственного положения. Роскошь расстилает перед их глазами свой обильный стол; но они исключены из пиршества. Изобилие разливается по полям; но они голодают посреди этого изобилия. Вся дикая местность превратилась в сад; но они

чувствуют себя рептилиями, наводнившими его. Насколько иным было их положение, когда они были бесспорными хозяевами земли! Их потребности были невелики, и средства их удовлетворения были в пределах их досягаемости. Они видели, что все вокруг разделяют одну и ту же участь, переносят одни и те же трудности, питаются одними и теми же продуктами, одеты в одну и ту же грубую одежду.

Тогда не было крыши, которая не была бы открыта для бездомного странника; дым не вился среди деревьев, но его приглашали присесть у костра и присоединиться к охотнику за трапезой.[69]

“Обсуждая индийский характер, писатели были слишком склонны предаваться вульгарным предрассудкам и страстным преувеличениям вместо искреннего характера истинной философии. Они недостаточно рассмотрели особые обстоятельства, в которые попали индейцы, и особые принципы, в соответствии с которыми они были воспитаны. Никто не действует более жестко, руководствуясь правилами, чем индеец. Все его поведение регулируется в соответствии с некоторыми общими принципами, рано внедренными в его сознание. Моральных законов, которые им управляют, немного; но он подчиняется им всем; белый человек изобилует законами религии, морали и манер, но сколько из них он нарушает?”

“В своих сношениях с индейцами белые люди постоянно попирали их религию и их священные права. От них ожидалось, что они будут кротко наблюдать, как у могилы отнимают ее сокровища, а кости их отцов оставляют белеть на поле боя. И когда они были раздражены жестокостью своих завоевателей и побуждены к свершениям мести, они очень мало понимали мотивы, которые повлияли на них, и не пытались смягчить их жестокость”.

У них был обычай хоронить вместе с умершими их лучшую одежду и различные принадлежности, которыми они привыкли пользоваться при жизни. Если это был воин, которого готовили к погребению, они клали его томагавк рядом с ним и его нож в его щит; с охотником - его лук и стрелы, а также принадлежности для приготовления пищи; с женщинами - их котлы и кухонные принадлежности, а также еду для всех. Табак клали в каждую могилу, ибо курение было для индейцев представлением о блаженстве в теле и вне его, и в этом не было такой большой разницы, как хотелось бы, между ними и джентльменами более светлого оттенка кожи.

Среди ирокезов и многих других индейских народов [70]было принято класть мертвых на построенные для этой цели помосты, от дерева к дереву или во временное укрытие, а под ними в течение нескольких дней поддерживался огонь.

Им, вероятно, были известны случаи оживления людей после того, как они считались мертвыми;и это привело к выводу, что дух иногда возвращался, чтобы оживить тело, после того как оно однажды покинуло его. Если в течение десяти дней не подавалось признаков жизни, огонь тушили, а тело оставляли нетронутым до тех пор, пока не начиналось разложение, после чего останки закапывали или, как это часто бывало, хранили в сторожке в течение многих лет. Если им приходилось покидать поселение, где они долгое время проживали, эти скелеты собирали у всех семей и хоронили в одной общей могиле с теми же церемониями, что и при погребении одного человека.

Они не предполагали, что дух мгновенно переносится с земли на небеса, но что он блуждает в воздушных областях в течение многих лун. В более поздние дни они выделяют только десять дней на его полет. Период их скорби продолжается только пока дух странствует; как только они

верят, что он попал на небеса, они начинают радоваться, говоря, что больше нет причин для печали, потому что теперь там навсегда пребывает счастье. Иногда жалобный плач продолжался каждую ночь в течение длительного времени, но они оплакивали только свою собственную тяжелую утрату, поскольку не боялись за судьбу тех, кто умер. Только когда они слышали о *Чистилище* от иезуитов или о *бесконечном горе* от протестантов, они стали смотреть на смерть с ужасом, а на жизнь - как на что-то иное, кроме благословения.

Иногда у них вошло в привычку обращаться к мертвым, как будто они могли слышать. Ниже приводятся слова матери, склонившейся над своим сыном, чтобы в последний раз взглянуть в его любимое лицо.^[71]

“Сын мой, послушай еще раз слова твоей матери. Ты появился на свет благодаря ее страданиям; ты был вскормлен ее жизнью. Она пыталась быть верной, воспитывая тебя. Когда ты был молод, она любила тебя как свою жизнь. Твое присутствие было для нее источником великой радости. От тебя она зависела в поддержке и утешении на склоне своих дней. Но ты опередил ее и ушел раньше. Так распорядился наш великий и мудрый Создатель. По Его воле я оставлен вкушать еще больше страданий этого мира. Твои друзья и родственники собрались вокруг твоего тела, чтобы в последний раз взглянуть на тебя. Они единодушно скорбят о твоём уходе из нашей среды. У нас тоже осталось всего несколько дней, и наше путешествие закончится. Сейчас мы расстаемся, и ты исчезаешь с наших глаз. Но мы скоро встретимся снова и посмотрим друг на друга. Тогда мы больше не расстанемся. Наш Создатель призвал тебя в свой дом. Туда мы и последуем.

Было сказано и написано, что у индейцев была привычка убивать стариков, чтобы убрать их с дороги. Возможно, раз в столетие имел место случай, когда, чтобы облегчить сильные страдания, пожилой человек был предан смерти. Если бы они были в долгом путешествии или испытывали большой дефицит, они могли бы сделать это из чистой доброты и великодушия, но не для того, чтобы избавить себя от неприятностей.

После принятия Лиги ирокезов, когда они жили вместе в деревнях, это стало одной из обязанностей, возложенных их религиозными учителями на их праздники— “Воля Великого Духа в том, чтобы вы почитали стариков, даже если они беспомощны, как младенцы”. А также “доброта к сироте и гостеприимство ко всем”.

“Если ты свяжешь одежду ребенка-сироты, Великий Дух заметит это и вознаградит тебя за это”.

“Усыновлять сирот и воспитывать их в добродетели угодно Великому Духу”. ^[72]

“Если незнакомец бродит по вашему жилищу, пригласите его в свой дом, будьте гостеприимны по отношению к нему, говорите с ним добрые слова и не забывайте всегда упоминать Великого Духа”.

После открытия их утренних советов была проведена церемония соболезнования и произнесена соответствующая речь в память о тех, кто погиб или был убит в бою со времени их последней встречи. Церемонии по этим поводам были очень торжественными, а их речи полны пафоса и нежности. На похоронах вождей, воинов и выдающихся женщин присутствовали главы племен и весь их народ; и уважение, с которым они относились к своим женщинам, подтверждается почестями, которые они оказывали им после смерти, такими же, как те, которыми они награждали вождей и воинов.

Их стенания по поводу того, что их увезли далеко от могил их отцов, были темой всех историков и путешественников.

Сказал индейский вождь, протестуя против договора, который должен был удалить остатки Шести наций за Миссисипи: “Мы не можем отправиться на запад и оставить могилы наших отцов на попечение незнакомцев. Неосвященные комья земли тяжело легли бы нам на грудь в той далекой стране, если бы мы сделали это”.

“Похороните меня рядом с моей бабушкой”, - сказал маленький мальчик семи лет за несколько минут до своей смерти. “Раньше она была добра ко мне”.

“Положите меня на церковном кладбище рядом с моей матерью”, - сказала маленькая девочка-сирота, находившаяся на попечении миссионеров, когда узнала, что не может выздороветь.

“Мне будет жаль, если нам придется уехать далеко на запад, - сказала пожилая женщина, которая пережила *восемьдесят зим*, - потому что я надеялась, что моя мать похоронит меня на том кладбище”. [73]

“В древние времена у них был прекрасный обычай ловить птицу и выпускать ее над могилой в вечер похорон, чтобы унести дух в его небесный покой”. И их стремление заполучить тела своих воинов, убитых в битве, и невозможность оставить престарелых и беспомощных умирать в одиночестве в пустыне были результатом веры в то, что души тех, кто не прошел погребальный обряд, бродили беспокойные и несчастные.

Легко представить, что люди, которые так любили свои дома и почитали могилы своих отцов, пришли бы в ярость от негодования и ярости, увидев, что с ними обращаются как с лишенными человеческих чувств, а священные реликвии умерших выкапывают и разбрасывают так же равнодушно, как камни или кости лесных лосей и оленей. Именно это чувство часто побуждало их к враждебным действиям, которые те, кто их испытывал, приписывали бессмысленной жестокости и варварству. Случай произошел в Новой Англии, когда с могилы матери Сахема украли шкуры, которые были положены туда для ее использования, и вождь собрал своих людей вместе и призвал их к мести. В нем это были побуждения сыновней почтительности и требования его религии. Он говорит так:

“Когда под этим шаром в последний раз разлился великолепный свет всего неба и птицы замолчали, я начал, по своему обыкновению, отдыхать. Прежде чем мои глаза крепко закрылись, мне показалось, что я увидел видение, от которого мой дух был сильно встревожен, и, дрожа от этого печального зрелища, дух громко воскликнул— ‘Смотри, сын мой, которого я лелеял, посмотри на груди, которые сосали тебя, на руки, которые согревали тебя и часто кормили. Можешь ли ты забыть отомстить этим диким людям, которые осквернили мои памятники, пренебрегая нашей древностью и благородными обычаями? Смотрите теперь, могила Сахема лежит подобно обычным [74]людям, оскверненным низменной расой. Твоя мать жалуется и умоляет тебя о помощи против этих вороватых людей, которые недавно вторглись на нашу землю. Если это будет перенесено, я не обрету покоя в моем вечном жилище”.

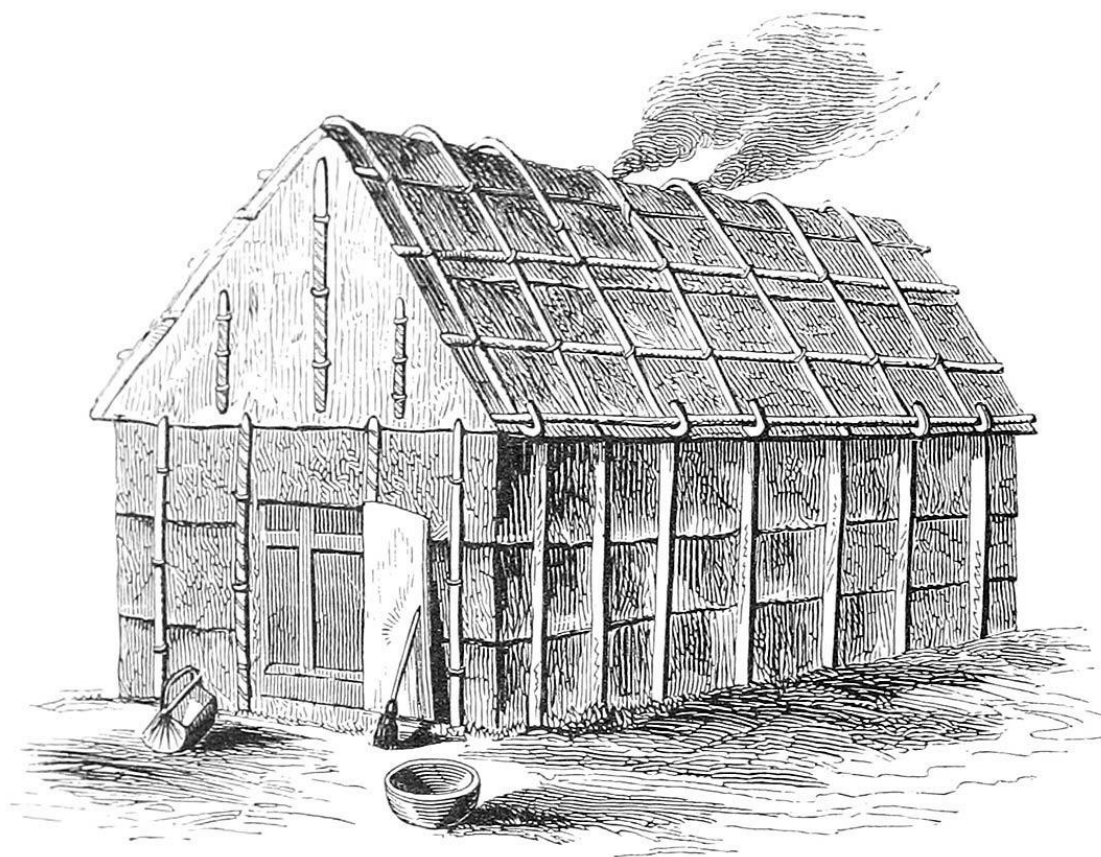
Известно, что одно племя посещало место, бывшее в прежние времена местом захоронения их соплеменников, хотя и давно покинутое, и проводило часы в безмолвных размышлениях; и только после того, как в их сердцах умирала всякая надежда или проливалась последняя капля

крови, они оставляли землю, которая покрывала прах кого-либо из их сородичей, по следам незнакомца.

Я часто упоминал об их гостеприимстве, и есть много анекдотов, иллюстрирующих эту черту их характера. Эгоизм, который они постоянно видели в тех, кто был жаден до наживы, был чем-то, чего они не могли понять.

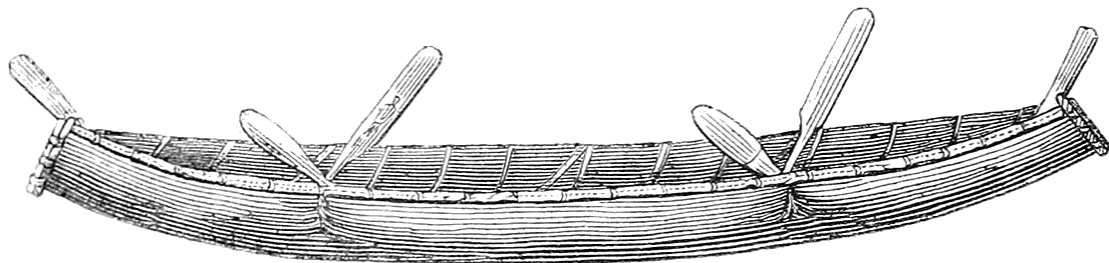
Во многих их деревнях был Дом Чужака — дом для чужаков, куда их помещали, в то время как старики ходили собирать шкуры для них, чтобы спать, и еду для них, не ожидая никакой награды.

Они называли очень невежливым, когда люди пляшут на них, когда они проходят по улицам, и сказали, что у них такое же любопытство, как у белых людей, но они не удовлетворили его, вторгаясь к ним и рассматривая их. Иногда они прятались за деревьями, чтобы посмотреть на незнакомцев, но никогда не стояли открыто и не смотрели на них. Их уважительное внимание к миссионерам часто было результатом их правил вежливости, поскольку частью индийского кодекса является то, что каждый человек должен быть *уважительно выслушан*. Их советы отличаются соблюдением приличий, и ни одного человека не прерывают во время выступления. Некоторые индейцы, почтительно выслушав миссионера, решили, что они расскажут ему некоторые из своих легенд. Но добрый человек не смог[75]сдержать своего негодования и назвал их глупыми баснями, в то время как то, что он им сказал, было святой правдой. Индеец, в свою очередь, обиделся и сказал: “Мы слушаем ваши истории. Почему вы не слушаете наши? Вас не учили общим правилам вежливости!”

ВИГВАМ.

Один охотник, отправляясь на охоту за дичью, забрел в глухие поселения Виргинии и из-за неблагоприятной погоды нашел убежище в доме плантатора, которого встретил на пороге. Ему было отказано в приеме. Испытывая голод и жажду, он попросил кусок хлеба и чашку холодной воды. Но на каждое обращение был ответ: “Нет, здесь вы ничего не получите. *Убирайся отсюда, индейская собака.*”

КАНОЭ ИЗ КОРЫ.

Несколько месяцев спустя тот же самый плантатор заблудился в лесу и после утомительного дня блужданий пришел к индейской хижине, в которой его радушно приняли. Расспросив дорогу и расстояние до поселения и обнаружив, что это слишком далеко для него, чтобы думать о том, чтобы отправиться туда этой ночью, он спросил, может ли он остаться. Заключенные очень сердечно ответили, что он волен остаться, и все, что у них есть, к его услугам. Они накормили его, развели яркий костер, чтобы подбодрить и согреть его, снабдили чистыми оленьими шкурами для ложа и пообещали проводить его на следующий день в путь. Утром охотник-индеец и плантатор вместе отправились в лес. Когда они приблизились к жилищу белого человека, охотник, собираясь уходить, повернулся к своему спутнику и сказал: “Ты что, не узнаешь меня?” Белый человек был поражен ужасом оттого, что он так долго находился во власти того, с кем так бесчеловечно обошелся, и ожидал теперь испытать его месть. Но когда он начал оправдываться, индеец прервал его, сказав: “Когда ты увидишь, как бедные индейцы падают в обморок из-за чашки холодной воды, не говори снова: “Убирайся прочь, индейская собака””, - [76] и повернул обратно к своим охотничьим угодьям. Кто больше всего заслуживает этого названия, Кристиан? и кому, скорее всего, будет сказано: “Поскольку вы сделали это наименьшему из них, вы сделали это и мне”?

КАННАСАТЕГО

Был вождem народа онондага. Доктор Франклин рассказывает о нем следующую историю: “Конрад Мейзес, переводчик, натурализовавшийся среди индейцев и говоривший на нескольких их диалектах, проезжал через страну с правительственной миссией и остановился в доме Каннасатега, который тепло приветствовал его. Для него расстелили чистые меха, на которых он мог сидеть, и поставили перед ним оленину и суккоташ, чтобы он мог поесть. Освежившись и раскурив трубку, вождь весело беседовал с ним, спрашивая о его здоровье и процветании с тех пор, как они встретились, и выражая неизменную дружбу к его старым знакомым, которые были известны обоим, пока обычные темы не были исчерпаны, после чего он возобновил разговор, спросив об обычаях белых людей, которых он не мог понять.

- Конрад, - сказал он, “ ты долго жил среди наших белых соседей и знаешь их обычаи. Я иногда бывал в Олбани и заметил, что раз в семь дней они закрывают свои лавки и собираются в *большом доме*; скажите мне, для чего это? — что они там делают?

“Они собираются там, - сказал Конрад, - чтобы послушать и научиться хорошим вещам”.

“Я не сомневаюсь, что они вам это говорят”, - сказал индеец. “Они часто говорили мне то же самое, но я сомневаюсь в правдивости этого; и я скажу вам причину. На днях я ездил в Олбани, чтобы продать свои шкуры и купить пороха,^[77]ножей, одеял и прочего. Обычно я торгую с Хансом Хансоном, но на этот раз решил обратиться к какому-нибудь другому торговцу. Однако сначала я пошел к Гансу и спросил его, сколько он даст за бобра. Он сказал, что не может дать больше четырех шиллингов за фунт, но что тогда он не мог говорить об этом, так как в тот день они закрыли свои магазины и пошли на собрание, чтобы послушать *охороших вещей*. Я подумал, что, поскольку я не могу заниматься никакими делами, я мог бы тоже пойти на встречу. Итак, мы пошли вместе. Там встал человек в черном, который начал говорить очень сердито. Я не мог понять, что он сказал; но поскольку он пристально смотрел на меня и Ганса, я подумал, что он рассердился, увидев меня здесь. Поэтому я вышел и сидел у двери, пока собрание не закончилось. Мне также показалось, что он сказал что-то о бобре и что это могло быть темой их встречи. Когда они вышли, я спросил Ганса, не решил ли он давать больше четырех шиллингов за фунт? “Нет, ” сказал он, “ я не могу дать столько; я не могу дать больше трех шиллингов и шести пенсов”. Затем я поговорил с несколькими другими дилерами, и все они пели одну и ту же песню —*три и шесть пенсов—три и шесть пенсов!* Это дало мне понять, что целью встречи было не узнать что-то хорошее, а посоветоваться, как обмануть индейцев в цене на бобра. Подумайте немного, Конрад, и вы увидите, что если бы они встречались так часто, чтобы учиться хорошим вещам, они, несомненно, узнали бы кое-что раньше. Но они все еще невежественны. Если белый человек, путешествуя по нашей стране, заходит в одну из наших хижин, мы все относимся к нему так же, как я к вам: мы вытираем его, если он мокрый; мы согреваем его, если ему холодно, и даем ему мяса и питья, если он голоден и хочет пить; мы расстилаем для него мягкие меха, на которых он может спать, и ничего не просим взамен. Но если я вхожу в дом белого человека в Олбани и прошу еды и питья, они говорят: “Убирайся, индейская собака”. Вы видите, что они^[78]еще не научились тем *маленьким* хорошим вещам, которым нас не нужно учить на собраниях, потому что наши матери учили нас этому, когда мы были детьми; и поэтому невозможно, чтобы их собрания проводились с какой-либо такой целью, как они говорят, или имели какой-либо такой эффект; они предназначены только для того, чтобы обмануть индейцев в цене на бобра!”

В проникательности и быстроте восприятия индейцы вовсе не испытывали недостатка, и в их натуре таилось много спокойного юмора.

Офицер вручил Вождю медаль, на одной стороне которой был изображен президент Вашингтон, *вооруженный мечом*, а на другой индеец *зарывал топор войны*. Вождь сразу понял, о чем идет речь, и саркастически спросил: “Почему президент тоже *незакопает свой меч?*”

Шведский священник, собрав нескольких вождей, рассказал им основные факты, на которых основана христианская религия: о вкушении яблока, о пришествии Христа для искупления, о его чудесах и страданиях. Когда он закончил, индийский оратор встал, чтобы поблагодарить его: “Все, что вы нам рассказали, - сказал он, ” очень хорошо. Есть яблоки действительно вредно. Лучше всего приготовить из них сидр. Мы очень признательны вам за то, что вы проделали такой долгий путь и рассказали нам о том, что слышали от своих матерей ”.

Что бы ни говорили о других нациях, ирокезы, безусловно, считали большим пятном на своем национальном гербе нарушение договора, и если какая-либо нация, входившая в их

конфедерацию, была виновна в этом нарушении чести, она подвергалась суровому наказанию. Делавары были поработенной нацией и не имели права вести войну без ведома и одобрения конфедерации. Был заключен договор с западной нацией, и делавары вторглись на их территорию, прекрасно зная, что они[79]находятся в мире с ирокезами и под их защитой. За это им объявили выговор, запретили в будущем вообще ходить на войну и лишили всякой гражданской власти, — по их выражению, *их сделали женщинами!* Это было большим унижением, поскольку только война могла дать им возможность отличиться, и только отличия могли обеспечить им почетное положение в правительстве. Они были очень храброй и воинственной нацией, но впоследствии так и не оправились от этого унижения.

Нет ни одного случая, чтобы Шесть стран нарушили договор, который был заключен на законных основаниях и который они прекрасно понимали. Они были верны своим британским союзникам и “проливали свою кровь, как воды”, а в ответ были покинуты и брошены на милость своих врагов. Только когда они увидели неверность тех, кому они доверяли и на кого полагались, они отвернулись от них.

Ложь и уклончивость не были частью изначального характера индейцев любого имени, и случаи воровства среди них были редки. Засовы и задвижки все еще являются чем-то необычным в их поселениях и среди нехристианствующих; все еще преобладает обычай класть пестик ступки на порог, когда вся семья отсутствует, и знаменитые замки, получившие приз на Всемирной выставке, не могли более эффективно *отпугивать всех незваных гостей*, чем этот простой сигнал. Ни одному индейцу и в голову не пришло бы войти в хижину, где на страже стоял пестик из ступки!

Пища индейцев состояла из мяса животных, убитых на охоте, и немногих овощей, которые они выращивали, а также кукурузы, которая была их основным продуктом; и их у них было три вида. Белый, красный и уайт-флинт. Если вы проедете через индейское поселение, то увидите сотни бушелей кукурузы, подвешенных за плетеную шелуху к шестам для просушки.

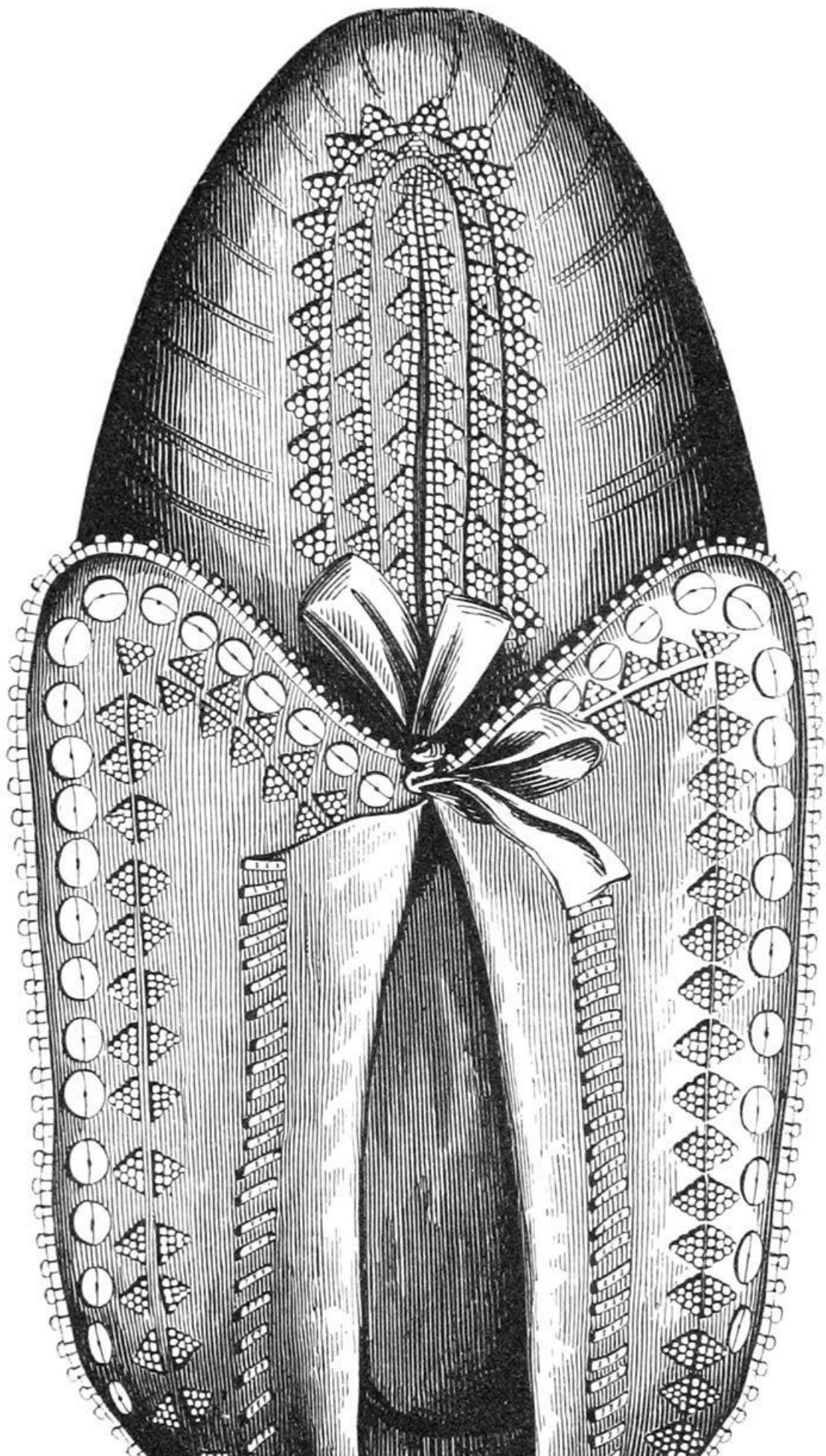
Когда[80]пригоден для употребления, его толкут в больших каменных или деревянных ступках, обычно двумя женщинами одновременно. Эта операция очень похожа по внешнему виду на взбивание в старомодной маслбойке в Новой Англии. Когда мука становится достаточно тонкой, чтобы ее можно было пропустить через крупное сито, из нее делают небольшие буханки *пресного хлеба* и варят в больших котлах, вмещающих по дюжине буханок за раз. Это очень вкусно и полезно. Мамалыга также была любимым блюдом индейцев, а сейчас настолько распространена повсюду, что не нуждается в описании.

От индейцев также получены знания о табаке, и в его употреблении “все нации любого племени, языка и народности” продемонстрировали свое понимание индийского вкуса и утонченности. Странно, что цивилизованные люди так широко переняли свою самую грязную и нецивилизованную привычку!

Кленовый сахар, должно быть, использовался среди них веками, “что подтверждается их фестивалем в честь клена”. Бобы и кабачки в диком виде произрастали по всей Америке, и их выращивание у ирокезов принесло им плоды. В долине Дженези первые пришедшие белые люди, о которых у нас есть какие-либо определенные сведения, обнаружили большие фруктовые сады, а в некоторых местах и персиковые деревья, выращенные индейцами.

Они готовили чай из тонких зеленых веточек болиголова, замоченных в воде, который я пил, когда был среди них, предпочитая любому другому.

У них было очень мало кухонных принадлежностей, и ведение домашнего хозяйства занимало у индийских матрон очень мало времени. Она возделывала землю, и, судя по простоте обработки, ее труд был очень легким.

МОКАСИНЫ.

Колыбель или детская кроватка, березовое каноэ и мокасины были самыми красивыми изделиями индейского производства, хотя со времени их общения с белыми людьми они[81]добавили бесконечное разнообразие шкатулок, мешочков и корзиночек, которые они богато и со вкусом расшивают. Действительно, я не знаю, могут ли женщины какого-либо народа превзойти их в причудливой работе. Там, где изготавливается какая-либо часть их костюма, приспособления всегда аккуратны и демонстрируют большое мастерство в смешивании цветов. Полное индийское платье очень богатое и дорогое, в основном из тончайшего сукна, расшитое бисером по краям и серебряными украшениями вокруг шеи и спереди. Первоначально они были одеты полностью в шкуры животных, но новые материалы сделаны в точности по старинке. *Килт* был очень похож на тот, что носили горцы, и богато расшит. *Штанины* были застегнуты выше колена и свободно ниспадали до верха мокасина, также украшенного глубокой вышивкой.

Было шесть танцев, на которые нужно было надеть своеобразный костюм. Головной убор воинов был украшен перьями, а пестрый разноцветный пояс был изящно перекинут через левое плечо, завязан под правой рукой на талии и свисал бахромой до колен.

Стиль красоты индийских женщин настолько отличается от стиля римских и греческих, черкесских и саксонских, что на первый взгляд трудно было бы назвать кого-либо из них красивой. Но как народ я склонен считать их более красивыми, чем саксы, хотя среди них нет таких красивых, как некоторые из нас.

Мисс Бремер описывает одну из тех, кого она встретила на берегах Миссисипи, которая могла бы принадлежать к такому же многочисленному классу индийских женщин, как городская красавица в толпе, в которой она вращается. Она говорит о ней— “Она была такой блестящей и обладала такой необычной красотой, что, казалось, буквально осветила всю комнату, когда вошла. Плечи у нее были широкими и округлыми, а осанка[82]обвислой, как это обычно бывает у индианок, которые с детства привыкли носить тяжести на спине; но красота лица была настолько необычайной, что я не могу не думать, что, если бы такое лицо увидели в одной из гостиных светского общества, оно было бы там расценено как тип красоты, доселе неизвестный. Это была дикая красота леса, одновременно меланхоличная и великолепная. Застенчивый блеск этих больших, великолепных глаз, затененных необычайно длинными темными ресницами, не поддается описанию, как и взгляд, и великолепный свет улыбки, которая временами озаряла лицо подобно вспышке, обнажая прекраснейшие белые зубы. Она была совсем молода и два года была замужем за храбрым молодым воином, который, как мне сказали, так любил ее, что не позволял ей таскать ношу, но всегда брал для нее лошадь, когда она отправлялась в город. Ее звали Перьевое облако.

Среди индийских красавиц нет того разнообразия, которое существует среди белых людей. У нас есть все оттенки, от самых светлых блондинок до самых темных брюнеток; но оттенок почти одинаков на лице каждой лесной девы. Волосы иссиня-черные, щеки полные, а глаза как смоль. Но у Природы все еще есть возможность проявить свое мастерство; хотя, возможно, мало найдется таких ослепительно красивых, как Облако-Перышко, мало найдется тех, кого нельзя назвать миловидными; и я видел многих, кто мог бы соперничать с блондинками и брюнетками в любой гостиной.[83]

ГЛАВА V.

ЛЮБОВЬ, МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ.

Историки в целом, а также почти все путешественники и студенты пришли к выводу, что североамериканские индейцы были совершенно лишены *прекрасной страсти*- что “о чудесной страсти, которая берет начало в более высоком развитии сил человеческого сердца и основана на культивировании привязанностей между полами, они были в полном неведении”. Я не буду пытаться опровергать ученых историков или философов, равно как и отстаивать иное мнение. И все же среди мудрых и думающих есть много тех, кто говорит, что этого не может быть.

Много читая и беседуя с теми, кто много лет прожил в лесу, я узнал много вещей, которые можно было бы привести в доказательство более приятной теории, но, возможно, это всего лишь *исключения из правил*, и поэтому я просто приведу факты, предоставив моим читателям самим строить теории.

В содержании этой главы я не ограничился ирокезами, но побывал среди всех северных народов и никоим образом не перенял всего, что было написано и сказано по этому вопросу.

У всех людей по эту сторону Средиземного моря сложилось впечатление, что все женщины Турции живут в гаремах; но наш министр, который только что вернулся из[84]четырехлетнего пребывания в Константинополе, говорит, что он никогда не встречал в этом городе *респектабельного турка, у которого было бы больше одной жены!* Таков закон Божий, и неподчинение ему противоречит природе. Среди индейцев иногда практиковалось многоженство, но оно ни в коем случае не было распространено и всегда считалось позорным. Их старики также настаивают на том, что до того, как они были развращены своими завоевателями, среди них едва ли было что-либо, что христианские принципы осудили бы как порок.

Чтобы преуспеть в ораторском искусстве, безусловно, требуется высочайшее развитие, и в этом ни один народ не превзошел ирокезов. Любовь во всей ее чистоте очень мало распространена даже среди христиан, и нечто гораздо худшее, чем полигамия, преобладает в самых культурных кругах цивилизованных наций.

Среди крестьян Европы не так много благородства от природы, как среди лесных индейцев; однако их способность любить и привязанность к дому не оспариваются, и только это делает жизнь сносной; если бы не это, они были бы головорезами, которых не смогли бы сковать или подчинить никакие оковы деспотизма. Но они - обитатели одного места, в то время как индеец - бродяга, совершенно независимый от дома и домашнего уюта.

Способ, которым заключались браки, делал невозможным ухаживание или длительные романтические связи среди детей дикой природы, а их образ жизни делал социальное общение почти невозможным. У юношей и девушек было очень мало возможностей познакомиться, и если в их сердцах зарождалась взаимная привязанность, ее нельзя было развивать без согласия друзей обеих сторон, и они настолько привыкли к повиновению, что мысль о том, чтобы бросить вызов тем, кто имел над ними власть,[85] редко или никогда не

допускалась. Я улыбнулся, услышав, как индийский юноша говорит о возможностях, которыми он воспользовался, вступив в брак, точно так же, как у нас молодые женщины хвастаются этим. И это может быть сделано без ущерба для деликатности тех, о ком идет речь, поскольку не предполагается, что наиболее заинтересованные стороны что-либо знают об этом деле.

Предложения делают бабушки, если они живы, если нет матерей, а когда матерей нет, тети или ближайшие родственники. Если считается желательным, чтобы сын или дочь женились на сыне или дочери из соседнего домика, у двери в корзинке оставляют какой-нибудь подарок. Это означает для всех внутри компании, что предполагается проведение переговоров о браке. Если это приемлемо, корзину приносят и, приняв ее содержимое, возвращают вместе с подарком, который указывает на то, что *путь* для дальнейших переговоров открыт. Если предложение отклоняется, корзина остается стоять за дверью, и та, кто ее принесла, приходит после того, как у нее будет время подумать, и забирает ее домой. Это решительный отказ. Если он возвращается пополненным, она посылает другой подарок другого рода, а вскоре после этого входит сама и консультируется с матронами семьи, с которыми она ищет союза, и если все довольны тем, что это должно состояться, каждая семья впервые информирует сына и дочь о предстоящих переговорах. Затем, если нет возражений, снова происходит обмен подарками, и проводится еще одно собрание матрон, на котором присутствуют дети. Им дается очень серьезный совет относительно их поведения и обязанностей мужа и жены, а затем в доме жениха и невесты готовится место, которое в будущем будет принадлежать исключительно им, и в присутствии всех они устраиваются на нем и отныне являются мужем и женой. Их свадебное путешествие - это [86]охотничья экскурсия, или, скорее, таков был обычай старины; сейчас обычно устраивается пир, а также есть акр земли, выделенный друзьями невесты в качестве ее брачной доли. Отец не проявляет никакого интереса к этому вопросу и просто информируется о браке, когда он совершается. Дети принадлежат к племени матери, как и дети детей до последнего поколения, и они также принадлежат к одной нации. Если мать - каюга, то и дети - каюги; а если ирокезка, то и дети - ирокезки. Если брак окажется несчастливым, сторонам разрешается разойтись, и каждая из них может вступить в повторный брак. Но мать имеет исключительное право распоряжаться детьми. Она оставляет их всех себе, если захочет, и для своего отца они всегда остаются просто чужими.

Что касается собственности, то жена также сохраняет все, что принадлежало ей до брака, отдельно от мужа, и может распоряжаться этим по своему усмотрению без его согласия, а если она разводится с ним, забирает это с собой, и при ее смерти, либо до, либо после развода, ее дети наследуют все, чем она владела.

Однажды белый мужчина упрекал индейца за то, что тот позволил так легко разорвать супружеские узы, на что индеец ответил: “Ты женишься на скво, она знает, что ты всегда содержишь ее, поэтому она ругает, ругает, ругает, но не готовит тебе оленину. Я женюсь на скво, и она знает, что я брошу ее, если она не будет хорошей. Поэтому она не ругает, а готовит мне оленину, и всегда приятную, мы долго живем вместе”.

Наказания за любые виды преступлений были невелики. Назвать что-либо *плохим* в индийских общинах обычно было достаточно, чтобы удержать от всего, что они считали злом. То, что мы осуждаем как преступное, они так не называли.

Степенный и дородный англичанин, никогда не общавшийся с [87]индейцами, чтобы завоевать их доверие или узнать их истинный характер. Их образ жизни вызывал у него отвращение, но

француз мог стать охотником и годами бродить по лесам, или жить в вигваме, и во всем соответствовать индейским обычаям с такой же *беспечностью*, с какой он мог ходить по гобеленам и возлежать на диванах. Именно по этой причине мы обычно получаем гораздо более приятные картины индийской жизни от французских торговцев, чем от английских. Маловероятно, что англичане станут *доверенными лицами* охотников или воинов или получат возможность слушать песни о любви индийских девушек.

Безусловно, удивительно, что люди, которые ничего не знали о физиологии и не имели ученых трактатов о физическом вырождении, так тщательно обеспечивали себя от вырождения законами, касающимися смешанных браков. Их вигвамы были построены для удобства нескольких семей. Был построен домик, и, когда в нем возникла необходимость, были сделаны пристройки, пока он не достиг ста или двухсот футов в длину и не стал пристанищем для небольшого количества людей, но все, кто занимал его, были в пределах степени кровного родства, запрещающей брак, — они были братьями и сестрами и относились друг к другу соответственно. Но споры и пререкания не являются частью детской комнаты в индийской хижине. Просто удивительно, сколько людей будут жить вместе в гармонии и любви.

Но я слышал о нескольких случаях самоубийства из-за разочарованной любви, которые по безрассудству и отчаянию могли бы сравниться с любыми описанными во французских или итальянских романах. Иногда случалось, что муж или жена, которых выбирали друзья, оказывались настолько неподходящими, что брачные узы разрывались почти сразу же после того, как завязывались. И когда это произошло, я полагаю, сторонам было предоставлено во второй раз самим выбирать. Иногда друзьям также становилось невозможно навязывать молодым[88]людям ярмо, которое, как они чувствовали, они никогда не смогут вынести. И часто, как в аристократических кругах придворного общества, один носил его некоторое время, а затем сбрасывал, оставляя другого безутешным и несчастным. Конечно, чаще всего бывает так, что жена оказывается брошенной.

Миссис Хеманс увековечила убитого горем человека, который погиб при падении Святого Антония несколько лет назад, как рассказал миссионер. Ее звали Ампатд Сапа.

Муж был успешным охотником, и они прожили счастливо вместе много лет, и у них родилось двое детей, которые играли у их костра и которых они были рады называть своими детьми. Постепенно многие семьи поселились вокруг них и построили вигвамы рядом со своими. Желая сблизиться с ними поближе, они объяснили охотнику, что ему следует иметь несколько жен, поскольку таким образом он приобретет большее значение и вскоре может быть избран вождем племени”.

Ему очень понравился этот совет, и он тайно взял новую жену; но, чтобы привести ее в свой вигвам, не вызвав недовольства своей первой жены, матери его детей, он сказал ей:

“Ты знаешь, что я никогда не смогу любить никакую другую женщину так нежно, как я люблю тебя; но я увидел, что забота обо мне и детях непосильна для тебя, и поэтому я решил взять другую жену, которая будет твоей служанкой; но ты будешь главной в доме”.

Жена была очень огорчена, когда услышала эти слова. Она молила его подумать об их прежней привязанности - об их счастье на протяжении многих лет — об их детях. Она умоляла его не приводить эту вторую жену в их дом.

Напрасно. На следующий вечер муж привел молодую жену в свой вигвам.[89]

“На рассвете следующего утра над Миссисипи раздалась песня смерти. Молодая индианка села в маленькое каноэ с двумя маленькими детьми и направила его по реке в направлении водопада. Это был Ампатд Сапа. Она жалобно пела о скорби своего сердца, об измене мужа и о своей решимости умереть. Ее друзья услышали песню и поняли ее намерение, но слишком поздно, чтобы помешать этому.

Вскоре ее голос заглох в грохоте падения. Лодка на мгновение остановилась на краю пропасти, а следующая была перенесена через нее и исчезла в пенящейся пучине”.

Индейцы все еще верят, что на ранней заре можно услышать жалобную песню, оплакивающую неверность мужа; и они воображают, что иногда можно увидеть мать с детьми, прижатыми к груди, в туманных силуэтах, которые возникают из-за водопада вокруг Острова Духов.

“Катись дальше; глаз моего воина взглянул на чужое лицо,

И мое исчезло из его души, как исчезает след лунного луча;

Моя тень не встает у него на пути, мой шепот его сну,

Он отбрасывает сломанную тростинку; катись еще быстрее, ты, поток!

Голос, говоривший о других днях, затих в его груди;

Но моя одинокая музыка преследует меня и не дает мне покоя.

Он поет тихую и скорбную песню ушедшей радости;

Я не могу жить без этого света — Отец Волн, катись дальше!

Не пропустит ли он стремительный шаг, который отвлек его от погони?

Сердце любви, которое сделало его дом вечно солнечным местом?

Рука, которая расстелила доску охотника и украсила его прежнее ложе?

Он этого не сделает!—катись, темный, пенящийся поток, к лучшему берегу!

И вот тебе, моя крошка! хотя рождена, как и я, для тяжелого женского жребия;

Улыбнись! этому опустошению сердца; свое я тебе не оставлю.

Там должен шептать какой-нибудь нежный ветерок, чье дыхание должно уноситься прочь,

Бремя тяжелой ночи, печаль дня”.

[90]

Слова принадлежат другому человеку, но чувство такое же, как у покинутого, и такое же, как у покинутого на берегах озера Эри. “Я больше не могу жить”, - сказала она и проглотила отравленный напиток, приготовленный ее собственными руками.

Сохранилось не так уж много образцов индийской поэзии, и все же они когда-либо пели.

У них было большое разнообразие мелодий, и, как говорят, они обладали хорошим восприятием времени. У них были не регулярные интервалы тонов и полутонов, а тысячи различных звуков, повторяющихся с такими же нерегулярными интервалами. Музыка и слова их песен часто были *импровизированными*, но военные песни были написаны обычными стихами и исполнялись во время танца.

Голос индейцев очень богат и способен к высокому развитию; и по мере того, как они становятся христианами, эта часть общественного богослужения доставляет им огромное удовольствие. В августе 1790 года итальянский дворянин, граф Адриана, посетил мистера Киркланда на его миссионерской стоянке в Онейде и был особенно очарован музыкальными способностями индейцев, сказав: “Мелодичность их музыки, мягкость и богатство их голосов, по его мнению, были равны всему, что он когда—либо слышал в Италии!”

Во время войны с Францией группа индейцев прибыла с дальнего северо-запада, чтобы посетить Квебек. По пути они остановились в Моравской миссии на берегу озера Верхнее, и там молодой алгонкин влюбился в девушку племени чиппева, которая столь же пылко ответила на его страсть. Уплывая в своем легком каноэ, она выражала свою любовь и печаль следующим диким напевом:

“Я пойду с тобой, мое милое сердце, мой Алгонкин”.

“Увы, — ответил я, - моя родина далеко, далеко, мое милое сердце, мой Алгонкин.” [91]

Когда я снова оглянулась назад, там, где мы расстались, он все еще смотрел мне вслед, мой милый, мой Алгонкин,

Он все еще стоял на поваленном дереве, упавшем в воду, мое милое сердце, мой Алгонкин.

Увы, когда я думаю о нем, когда я думаю о нем, именно тогда я думаю о нем — моем Алгонкине.

Ниже приводится другой сорт, почти такой же простой, но менее дикий и печальный:—

“Я посмотрел на другой берег,

Я склонился над ним и прислушался,

Я думала, это мой любовник,

Весло моей настоящей любви заблестело.

Радостное, таким образом, его легкое каноэ, разбудило бы серебряную рябь,

Но нет, это гагара одна, гагара на озере;

Ах, я! это гагара, одинокая гагара на озере.

“Я вижу упавший клен,

Там, где он стоял, развевался его красный шарф,

Хотя вода почти погребает

Сучья, которые они тогда просто ломали,

Я слышал его последнее прощание, эхом отразившееся от озера,

Но нет, это гагара одна, гагара на озере;

Ах, я! это гагара, одинокая гагара на озере.

Это буквальный перевод, но в нем присутствует истинный дух *покинутой любовью девушки* высокое развитие поэтического чувства. Лишь время от времени среди лесов появлялся странник, способный оценить или различить прекрасное, хотя в изобилии были написаны стихи и романы о жизни в диких лесах теми, кто описывал странствия своего воображения и фантазии. Яркая картинка была слишком яркой, а темная - слишком темной.

В военных песнях индейцев никогда не упоминается кровь и резня; и месть за преследование врага не выдвигается на первый план среди туземцев. Смелые и [\[92\]](#)подвиги поощряются как достойные подражания, а стойкость и героизм превозносятся как самые высокие добродетели. У них были характерные черты, порожденные их особенной жизнью, но в них нет ничего, что мешало бы им стать *похожими на других*. Белые люди жили среди них и научились предпочитать жизнь охотника. Индейцы научились отдавать предпочтение обычаям цивилизации и показали себя способными к образованию и утонченности, равным тем, которых достигла любая нация.

Когда дети, они обладают той же жизнерадостной натурой, тем же быстрым восприятием и проявляют те же черты характера.

“Когда ветка сгибается, дерево наклоняется”,

это так же верно для них, как и для бледнолицых детей.

Следующие строки являются переводом песни, услышанной группой детей чиппева, когда они играли в сумерках вокруг своих жилищ, и воздух был наполнен мириадами светлячков, которых они пытались поймать. Я видел немного более красивых вещей среди детских песен любого народа.

“Огненная муха, огненная муха, яркая маленькая штучка,

Уложи меня в постель, и я спою свою песню;

Дай мне свой свет, когда ты пролетаешь над моей головой,

Чтобы я мог весело лечь в свою постель;

Дай мне свой свет из травы, когда будешь красться,

Чтобы я мог радостно отойти ко сну;

Приди, маленькая огненная муха, Приди, маленький зверек-

Приходи! и я устрою тебе завтра пир.

Приди, маленькая свечка, которая летит, пока я пою,

Маленький сказочный жучок — маленький король ночи;

Пойдем, и я буду танцевать, пока ты ведешь меня вперед,

Приходи, и я заплачу тебе за своего жука песней”.

В их легендах часто встречается намек на *влюбленность* [93]*любовь*, причем то же самое событие происходит и среди других людей. Нижеследующее получено из очень достоверного источника и, безусловно, выглядит очень естественно:—

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ.

Ирокезы.

Над глубоким заливом, недалеко от озера Канандайгуа, нависает дикий и устрашающий обрыв, который с незапамятных времен известен индейцам под названием “Прыжок влюбленного”, поскольку здесь двое влюбленных предпочли умереть вместе, чем жить порознь.

Когда сенека и алгонкины были в состоянии войны, молодой вождь алгонкинов был взят в плен и приговорен к смерти. Пока он находился в “хижине смерти”, ожидая своей участи, юная и красивая дочь Сахема приносила ему еду. Он тоже был богат всеми теми мужественными качествами, которыми индийскую девушку учат восхищаться в воинах и вождях, и, хотя ее отец был врагом, она любила его и решила спасти ему жизнь.

Перед утренней вахтой, когда серый рассвет только-только пробивался из-за вершин холмов, она крадучись подошла к благородному пленнику и, перерезав связывавшие его ремни, задыхающимся голосом приказала ему следовать за ней.

Часовой, утомленный своими ночными дежурствами, заснул, но прежде чем они спустились по извилистой тропинке, ведущей к озеру, на нежной груди которого они надеялись отдохнуть, до их ушей донесся пронзительный боевой клич, и они поняли, что их преследуют. Подобно олененку или белке, они пробирались через густой лес и спускались по кручам к берегу озера, где их ждало легкое каноэ, и лихо гребли с отчаянной энергией тех, кто гребет всю жизнь. Но это[94]было напрасно; ближе раздался ужасающий вопль, а затем плеск дюжины весел, и столько же свирепых воинов быстро заскользили по воде на виду у беглецов.

Они достигли берега и побежали по лесистой тропинке через холмы; но, увидев, что храбрый юноша рядом с ней теряет сознание от все еще кровоточащих ран, девушка быстро повернулась и подошла к скале с плоской вершиной, возвышавшейся над заливом. Там, держась за руки, они остановились и спокойно посмотрели на группу внизу, которая мгновенно наполнила воздух криками, когда они увидели эту пару и поняли, что они в пределах их досягаемости. Девушка узнала своего отца по орлиному плюмажу, и когда он увидел свою жертву, то натянул лук и направил отравленную стрелу ему в сердце; но прежде чем тетива была натянута, красавица Вун-нут-хей встала между своим возлюбленным и суровым стариком и, упав к ногам воина, умоляла его пощадить юношу. “Нет, - сказала она, - лучше мы вместе бросимся в пропасть, чем один умрет, а другой будет жить”.

Но гнев теперь ослепил его к ее слезам и заткнул уши к ее мольбам; он приказал своим последователям схватить юношу, и воин за воином взбирались на утесы, повинаясь его приказу, но в тот момент, когда они протянули руки, чтобы схватить врага, влюбленные, заключенные в крепкие объятия, бросились друг к другу

“сорвался с отвесной скалы и погиб!”

Затем грудь отца была разорвана, но слишком поздно, чтобы спасти его ребенка. На дне пропасти, в ста пятидесяти футах от того места, где он стоял, лежали искалеченные тела этих двоих, и там он приказал похоронить их. Две впадины, похожие на затонувшие могилы, и по сей день считаются “местом захоронения влюбленных”. Это дикое, романтическое[95]пристанище, но сейчас здесь тихо, если не считать того, что ручей медленно журчит, словно напевая реквием по усопшим.

Полковник Маккенни, который в течение семнадцати лет возглавлял департамент по делам индейцев в Вашингтоне и который общался с индейцами всех наций и племен в самых диких и самых цивилизованных штатах, без колебаний подтверждает их утверждение, которое всегда можно услышать среди них самих, что они - *народ*. Он такой же истинный сакс, как и я, но готов отдать предпочтение краснокожим детям во всем, что по-настоящему благородно и хорошо. Ни среди одного народа, историю которого я читал, я не встречал примеров более сильной привязанности, будь то любовь, супружеская или родительская привязанность, чем он рассказывает; и самое сильное сердце растаяло бы, слушая трогательные случаи, которыми так полна его память; и то, что они полны пафоса и пробуждают нежнейшее сочувствие, теперь нельзя приписать юношескому энтузиазму рассказчика или его незрелым суждениям.

Его голова теперь поседела от многих зим, и он, должно быть, пользуется большим авторитетом; и он говорит, что ни у одного народа на всей земле нет таких теплых и искренних сердец, как у настоящего лесного индейца.

В ответах Джефферсона на теории графа де Бюффона относительно ухудшающегося влияния американского климата и почвы на животных и овощи он говорит, что между индейцами и европейцами нет разницы, за исключением той, которая обусловлена обычаями и образом жизни. Индейца учили считать войну самым благородным занятием. “Все, что он видит и слышит, как правило, внушает ему горячее желание воинской славы. Если бы молодой человек обнаружил привязанность к женщинам до того, как побывал на войне, он стал бы предметом презрения мужчин, а также презрения и насмешек женщин. Или, если бы он применил насилие к пленнику ради эгоистичного удовлетворения, он[96]навлек бы на себя несмыслимый позор. Их фригидность - следствие хороших манер, а не дефект природы. Кроме того, за прославленным воином женщины чаще ухаживают, чем у него есть возможность ухаживать; и это вопрос чести, к которому стремятся мужчины. Случаи, подобные случаю с Руфью и Воозом, среди них не редкость. Ибо, хотя женщины скромны и неуверенны в себе и настолько застенчивы, что редко поднимают глаза и едва ли когда-либо смотрят мужчине прямо в лицо, все же обычаи и манеры примиряют их со способами поведения, которые, по мнению европейцев, были бы сочтены несовместимыми с правилами женского приличия”.

“Когда Вооз поел и напился, и на сердце у него было весело, он пошел прилечь на краю кукурузной кучи, и тихо подошла Руфь, и раздвинула его ноги, и уложила ее”.

“Подобные случаи, ” продолжает тот же автор, “ среди них не редкость. Однажды я видел молодую вдову, чей муж, воин, умер около восьми дней назад, спешащую покончить со своим горем, рвущую на себе волосы и бьющую себя в грудь, пьющую спиртное, чтобы вызвать слезы, чтобы она могла сильно горевать за короткий промежуток времени и в тот же вечер выйти замуж за другого молодого воина. Старик, жены которых также преклонных лет, часто женятся на

молодых женщинах, хотя полигамия среди них не распространена. Не кажется, что они испытывают недостаток и в естественной привязанности. Я видел отцов и матерей в глубочайшем горе, когда их дети были опасно больны. Также говорят, что они испытывают отвращение к обществу и светской жизни. Может ли что-либо быть более неприменимым, чем это, к людям, которые всегда живут в городах или кланах? Или можно сказать, что у них нет "республики", что они ведут все свои дела в национальных советах, которые гордятся национальным характером, которые рассматривают оскорбление или рану, нанесенную[97]отдельному человеку, как нанесенную целому, и соответственно возмущаются этим?"

Я довольно подробно процитировал этого автора, поскольку он, должно быть, считается хорошим авторитетом и говорит, что пишет то, что знает. И поскольку это один из важнейших спорных вопросов, касающихся индейцев, между философами и историками старого и нового света, а также очень интересный вопрос, я счел, что он заслуживает больших усилий при изложении мнений. Ирокезов вовсе не по праву называли диким или варварским народом. Не все они были одинаковыми. В их жилищах царили порядок и опрятность, такие же, как у нас. Те, кто посещает грубые бревенчатые хижины белых поселенцев в дикой местности, вдали от комфорта и роскоши культурных кругов, возможно, будут потрясены не меньше, чем наши предки в вигваме. У них были правила этикета, и они были настоящими формалистами в управлении общественными делами. Не сказать "Я благодарю вас" после трапезы в доме друга или незнакомца считалось настоящим оскорблением, и они не считали вежливым войти в деревню, не сделав какого-либо объявления. В гораздо меньшей степени их следует характеризовать как лишенных жизнерадостности людей, которые побуждаются к действию или движению только по зову голода и жажды. Их танцы, от которых они получают такое удовольствие и которые для европейца были бы тяжелейшим упражнением, полностью противоречат этому.

Все индейцы Северной Америки имели обыкновение использовать различные символы для обозначения идей, и у некоторых это зашло так далеко, что заслужило название письма картинками. Если охотник был один в лесу, где бы он ни разбил лагерь, он отмечал на гладкой коре дерева герб своего племени, медведя, или цаплю, или оленя, что бы это ни было; форму луны в то время, чтобы указать день месяца; и настолько приятными были их наблюдения, [98]что они с поразительной точностью нарисовали четверти, половину и полнолуние; стрелку, указывающую направление, в котором он шел; прямые линии, обозначающие количество дней, которые он отсутствовал дома, и формы различных животных, которых он видел. был убит во время погони.

Если это был большой отряд, количество людей указывалось по нарисованным лицам или фигурам; если это был военный отряд, нож, проведенный поперек горла, указывал, сколько человек было убито.

У них была привычка отмечать свое племенное устройство, очень часто называемое *тотемом*, на дверях своих хижин, а иногда и на своих телах. Среди западных народов и индейцев Новой Англии использовались свитки из коры, и их символы были очень похожи на те, что использовались у восточных народов до изобретения письменности. События военной экспедиции были изображены настолько определенно, что они могли быть легко поняты теми, кто изначально ничего не знал об этом; и группы путешественников находили описания своих

передвижений на кусках коры, прикрепленных к шесту и установленных в лесу, так что это было легко распознано тем, кто знаком с их знаками.

Ниже приводится песня о любви, написанная таким образом, и любопытная только потому, что показывает, сколько они могли общаться и какие чувства они могли выразить с помощью рисунков:

“Именно моя форма и личность делают меня великим.

Услышь голос моей песни —это мой голос;

Я прикрываю себя тайными покровами.

Все твои мысли мне известны; красней!

Я мог бы увлечь тебя отсюда, будь ты на далеком острове;

Хотя ты был в другом полушарии;

Я обращаюсь к твоему обнаженному сердцу!”

[99]

Нижеследующее, по-видимому, является воображаемым обращением лягушек к хлопьям снега и льду весной, когда они устают от заточения и жаждут разорвать свои оковы и начать радоваться возвращению теплого солнца и сладкого дыхания весны.

Они интересны только как образцы индийского воображения и поэзии:

ПЕСНЯ ОКОГИСОВ, ИЛИ ЛЯГУШЕК, ВЕСНОЙ.

Посмотрите, как отжимается уайт—спирит-

Давит на нас — давит, тяжело и долго;

Прижимает нас к обмороженной земле;

Увы! вы тяжелы, вы, души такие белые;

Увы! тебе холодно, тебе холодно, тебе холодно.

Ах! прекратите сияние духов, упавших с небес;

Ах! перестаньте сокрушать нас и держать в страхе;

Ах! когда ты исчезнешь и вернется Сигвин?

ЯСТРЕБИНАЯ ПЕСНЬ САГИНО.

Ястребы проворно поворачивают головы;

Они оборачиваются, чтобы посмотреть назад на свой полет;

Духи солнечного места прошептали эти слова.

Они летят со своими посланиями быстро;
Они смотрят, как они боязливо уходят;
Они смотрят на самый дальний конец света,
Их глаза сверкают, а клювы предвещают беду.

Их военные песни в переводе не дают нам ни малейшего представления о том, чем они были для индейцев. Это верно для любой национальной вещи, независимо от народа, что только те могут понять ее истинное значение, у кого те же ассоциации; кто был подвержен тем же влияниям и чей энтузиазм пробужден теми же внушениями.

Для индейца в его диком доме, в его национальном костюме, окруженного воинами, готовыми отправиться в битву, и молодыми людьми, жаждущими славы, их военные песни[100]вдохновляли душу и разжигали энтузиазм, который трудно представить тем, кто не был свидетелем военных танцев и не слушал военную песню.

Ниже приведен экземпляр, но действительно ручной по сравнению с оригиналом:

Но кто мои враги? они умрут.

Они разлетятся по равнинам, как лисы;

Они будут дрожать, как лист во время бури,

Вероломные собаки — они поджаривают наших сыновей на огне.

Мы проведем пять зим на охоте,

Оплакивая погибших наших воинов,

Пока наша молодежь не выросла до мужчин

К боевому пути приучен,

Наши дни, как и дни нашего отца, закончатся.

Вы умерли, благородные люди! вы ушли

Мой брат, мой товарищ, мой друг!

На тропе смерти, по которой должны идти храбрые мужчины;

Но мы живем, чтобы отомстить тебе! мы спешим

Умереть, как умирали наши предки.

Орлы кричат в вышине;

Они точат свои раздвоенные клювы,

Поднимите, поднимите боевой клич,

Наш лидер стремится к славе.

Боевые птицы пикируют с неба,
Они жаждут сердца воина;
Они смотрят из своих кругов с высоты,
И презирайте всякую плоть, кроме храбрых.
Я падаю, но мое тело останется лежать,
Имя, которое скажет галантный кавалер;
Боги повторят это на небесах,
И молодые люди становятся храбрыми при этом звуке.
Услышьте мой голос, вы, герои!
В тот день , когда наши воины совершили прыжок
С криками на подлого врага, [101]
Справедливая месть, о которой горело мое сердце
О жестокой и коварной породе,
Бвоин—Лиса— Саук.
И здесь, на моей груди, у меня текла кровь;
Смотри—смотри! мои боевые шрамы!
Вы, горы, содрогаетесь от моего крика!
Я сражаюсь на всю жизнь.

ДЕТСКАЯ РАМКА.

Индийская мать, безусловно, изобрела самый удобный способ носить своего ребенка и убаюкивать его. Все младенцы почти одинакового размера, и никому не нужно говорить, какой длины или ширины делается детская оправа. Это прямая доска, иногда с боковыми элементами, и всегда с обручем над головой, на который можно подвесить занавеску для защиты маленьких глазок от солнца, и, таким образом, завернутые в одеяло и привязанные шнуровкой к раме, они носились на спине матери за счет упора, который надевался ей на лоб, и утомлялись гораздо меньше, чем на руках. Младенец находится в кадре большую часть времени, пока он младенец, и удивительно, насколько довольным он остается в своей маленькой тюрьме. Когда мать работает в поле, она подвешивает своего ребенка к низкой ветке дерева, где его раскачивает ветер. Когда она занята по дому, она подвешивает его на гвоздь или ставит в угол, а иногда вешает так, чтобы она могла размахивать им взад-вперед, проходя мимо, “напевая на ходу”.

Ниже приводится детская песенка, которая будет хорошо сочетаться с песнями аналогичного настроения у любого народа; и, как и в других случаях, перевод не так хорош, как оригинал:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ.

Раскачивание, раскачивание, колыбельная,

Спи, доченька, спи,

Это твоя мать наблюдает за происходящим;

Раскачиваясь, она будет продолжать раскачиваться

Колыбельная маленькой дочурки.

[102]

Это твоя мама любит тебя больше всех на свете,

Спи, спи, доченька, спи;

Раскачивается, раскачивается, все ближе и ближе,

Детка, детка, не плачь,

Колыбельная маленькой дочурки.

Раскачивание, раскачивание, колыбельная,

Спи, спи, малышка,

И мать твоя будет рядом;

Качайся, качайся, не один,

Колыбельная для маленького ребенка.

В качестве примера того, как высоко ирокезы ценили благородные качества сердца, их энтузиазм и почести, которые, по их мнению, не было ничего плохого в том, чтобы оказывать

женщинам, можно рассказать историю дочери Чернокожего вождя, которая была сахемом Сенека, проживавшей на Сквоки Хилл, в долине Дженеци:

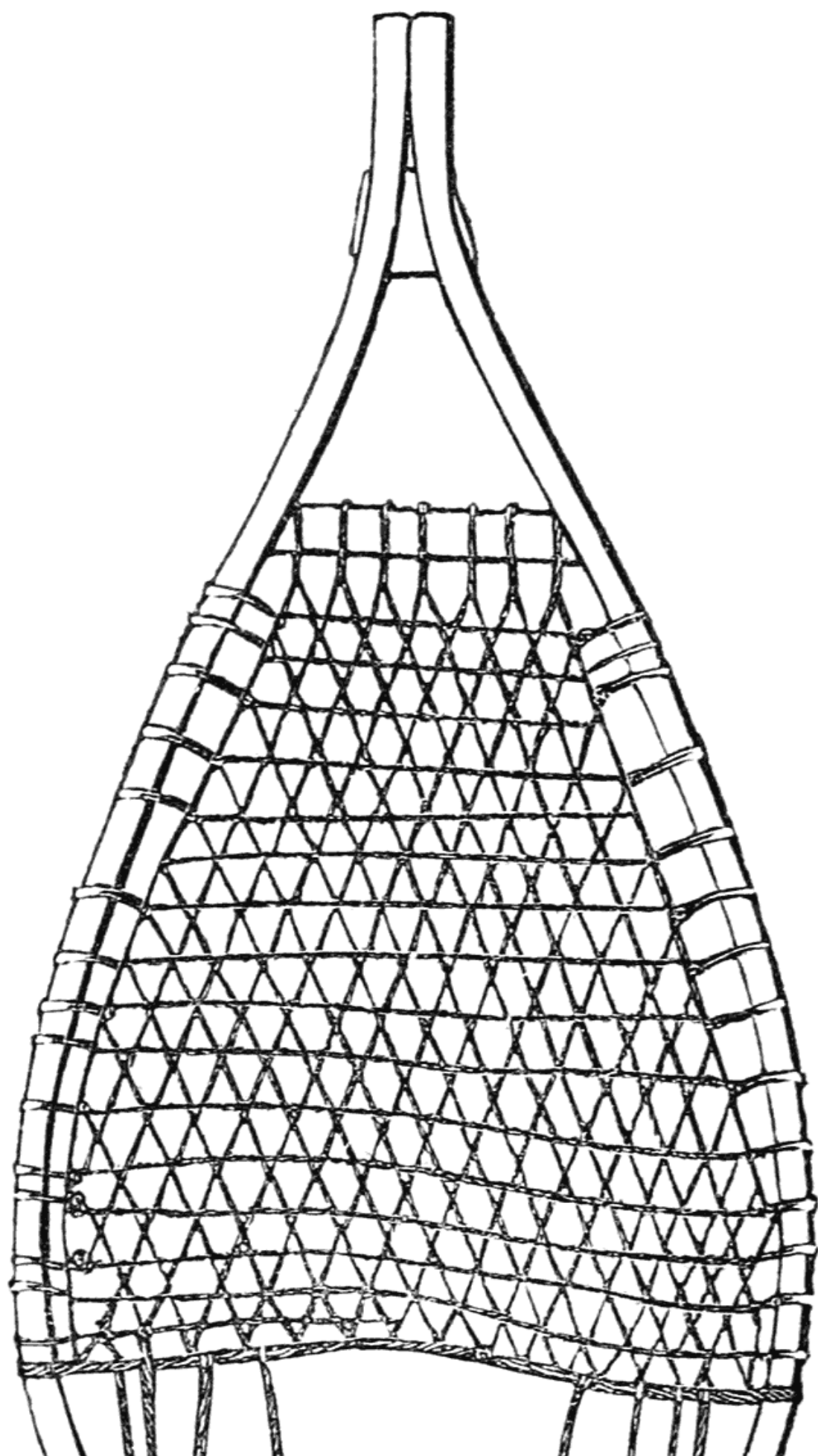
Черный вождь был одним из их храбрых людей во время войны, а также наделен всеми благородными, великодушными качествами, которые завоевывают любовь и почет в мирное время. У него была единственная дочь, которая пользовалась большой любовью своего народа, потому что, как и у ее отца, у нее была душа, всегда побуждавшая ее к великодушным поступкам. Она также была очень красива, обладала умом высшего порядка и была во всех отношениях одаренной, достойной быть дочерью Вождя. Когда умер ее отец, они почитали ее выше всех других женщин и дали ей титул и власть принцессы.

У них было суеверие, что при ее жизни ирокезы снова вернутся к своему древнему могуществу и займут место среди народов земли. Итак, к Великому Духу вознеслось множество молитв о долгой жизни их юной королевы. Они собирали цветы и усыпали ее путь, когда она выходила, и приносили ей к столу самую лучшую оленину и самые редкие фрукты. Оказанные ей почести не сделали ее надменной и властной, [103]но она оставалась нежной и ласковой, хотя прошло совсем немного времени, прежде чем она смогла принять эти знаки искреннего почтения. Великий Дух не считал нужным отвечать на их молитвы. В недобрый час мор охватил землю, и целые деревни были опустошены за одну ночь. Посреди своих бедствий они думали меньше о себе, чем о дочери своего любимого Вождя. Хотя рука разрушителя оставила ее невредимой, они не стали совершенно несчастными. Но когда их стенания стихли и здоровье снова принесло радость в их жилища, она была поражена, и свет, который был так прекрасен в их глазах, погас в кромешной тьме. Теперь вопли скорбящих вокруг ложа усопшего были искренними и душераздирающими. Они не построили для нее “Хижину Смерти”, но соорудили помост среди деревьев соседней рощи и, украсив его всем, что только могли придумать их умения или вкус, поместили ее на него в сидячей позе, и издалека и вблизи все люди собрались вместе, чтобы присоединиться к торжественным обрядам, которые должны были свидетельствовать об их любви к живым и их скорби по умершим. Ее безжизненное тело было увито розами и вьющимися лозами, а у ее ног были сплетены гирлянды цветов. Все, что индеец считал самым ценным — золотые початки его любимой кукурузы и самые дорогие меха, - было в изобилии разбросано вокруг нее.

Каждую ночь зажигались костры и расставлялись стражники, чтобы охранять ее тело от опасности, и каждое утро они снова собирались, чтобы выразить свое горе.

Траур продолжался много дней, и когда больше не было возможности сохранять ее в их поле зрения, ее похоронили, а на ее могиле была пропета торжественная панихида смешанными голосами огромной толпы, которые наполнили воздух такими жалобными воплями, какие могут исходить только из разбитых сердец. [104]

Я не могу не остановиться здесь, чтобы спросить, не заслуживают ли такие люди лучшей участи, чем уничтожение? если те, кто называет себя христианами, “сделали все, что могли”, чтобы настроить эти арфы пустыни в согласии с арфами херувимов и серафимов в хорах наверху?

ГЛАВА VI.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Если бы столетия назад какой-нибудь летописец-любитель мирно побродил среди североамериканских индейцев, познакомился с их языком и был радушно принят у их очага, чтобы послушать их легенды и записать их так, как их рассказывали в их семейных кругах, точно так же, как группы восточных странников привыкли упиваться арабскими сказаниями, мы могли бы иметь некоторое представление о поэзии, энтузиазме и ярких образах народа, чьи мысли и фантазии витали так свободно и необузданно и придавали их произведениям богатство и красоту, с которыми могут соперничать только на греческих равнинах и среди кельтских племен. барды.

Традиция гласит нам, что Гомер был слепым исполнителем баллад и что его бессмертные строки собирались тут и там среди людей еще долго после того, как он переспал со своими отцами.

Поэмы Оссиана были собраны в Высокогорьях Шотландии теми, кто пел их так, как пели их отцы, и были так же невежественны, как индеец в наших лесах, в правилах метрики и письменных знаниях, однако они вызывают восхищение поэтов и мудрецов и считаются непревзойденными ни в чем, чем может похвастаться цивилизация.

Долгими зимними вечерами индейские охотники собирались у своих очагов, чтобы послушать исторические традиции, [106]легенды о войне и охоте и их волшебные сказки, которые передавались от их отцов и праотцев с едва заметными изменениями на протяжении веков, разжигая энтузиазм воинов и вдохновляя маленького ребенка на желание когда-нибудь осуществить подобные мечты и передать свое имя потомкам как автор подобных подвигов.

Они суеверно боятся рассказывать сказки летом; только после того, как выпадет снег, они будут говорить о змеях, чтобы они не заползли к ним в постель, или о злых духах, чтобы каким-то образом не отомстить им.

Незнакомцу очень трудно правильно понять *мораль* их историй, хотя те, кто знает их лучше всех, говорят, что для них история всегда была иллюстрацией какого-то важного события или принципа.

Незнакомцам они предлагают все обряды гостеприимства, но не открывают своих сердец. Если вы спросите их, они расскажут вам историю, но это будет не та история, которую они рассказывают наедине. Они будут бояться ваших насмешек и подавят свой юмор и пафос; и они так основательно научились не доверять бледнолицым, что, даже зная, что присутствующий - друг, они все равно будут бояться впустить его в тайные врата своих душ.

И когда вы выучите все, что может передать язык, перед вами по-прежнему будут возникать тысячи образов, предположений и ассоциаций, связанных с индейцем, которые не смогут затронуть ни одну струнку в вашем сердце. Мириады голосов природы немые для вас, но для него они полны жизни и силы.

ЛЕГЕНДА СЕНЕКОВ ОБ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИИ.

Все легенды, рассказанные разными людьми, имеют небольшие вариации, но общие черты те же и сохранены с замечательной точностью, учитывая, что^[107] что они передавались устным способом на протяжении веков. Ниже приводится все, что могут сообщить сенеки об их происхождении.

Они росли на гребне горы, у истоков озера Канандайгуа. Гора, давшая им жизнь, называется Генун-де-ва-гаух, или Великий Холм. Поэтому их называют Народом Великих холмов.

Маленький мальчик во время своих прогулок по лесу нашел симпатичную змею, которую принес домой в качестве игрушки. Со временем змей стал очень большим и таким прожорливым, что пожирал всех, кто оказывался в пределах досягаемости его чудовищных челюстей. Наконец он обвился вокруг подножия горы, так что никто не мог пройти туда-сюда, не пав жертвой его ненасытного аппетита, и, кроме того, атмосфера была отравлена его зловонным дыханием. Но голод стоял у них перед носом, и люди решились на вылазку, надеясь уничтожить чудовище и спастись невредимыми. Змея была такой большой, что не было никакой надежды перепрыгнуть через ее тело, и не было другого выхода, кроме как попытаться проделать проход там, где соединялись голова и хвост. Все люди дружно бросились вниз, полные решимости победить или умереть, и все были уничтожены, за исключением маленького мальчика и его сестры, которые остались одни, чтобы бросить вызов чудовищу. Затем мальчику приснился приятный сон, в котором он должен был натянуть лук шелковистыми локонами своей сестры и выстрелить змее в глаз или под чешую. Ребенок повиновался, и стрела совершила свое смертоносное дело. В конвульсивных судорогах змея головы множества существ, которых он пожирал, были брошены на землю, и когда он развернулся, они скатились вместе с ним в озеро, где, окаменев от воды, они все еще остаются в форме круглых камней, которые покрывают дно озера по сей день! ^[108]

Это примерно так же чудесно, как сохранение Ромула и Рема, и демонстрирует ту же склонность объяснять то, что необъяснимо, и присваивать себе "местное жилище и имя". Она также не менее достоверна, чем многие истории, касающиеся ранней истории героев древней истории и басен, которые, по мнению каждого автора, пишущего о Греции и Риме, заслуживают упоминания и с удивлением читаются каждым ребенком.

ЛЕГЕНДЫ МЕДИЦИНЫ.

Следующие две легенды касаются основных лекарств, используемых ирокезами. Древний способ употребления их состоял в том, чтобы взять маленький деревянный кубок, подойти к бегущему ручью и, наклонившись к тому месту, где протекал ручей, наполнить кубок и, вернувшись, поставить его у огня, положив рядом немного табака. Пока табак бросают в огонь, возносится молитва, чтобы слова могли подняться над дымом.

Лекарство наносится на кусочек кожи рядом с чашей и, будучи очень мелко растертым, набирается деревянной ложкой и разбрызгивается по воде в трех местах, пятнами в форме треугольника, таким образом—*. Затем знахарь критически осматривает его, и если он растекается по поверхности воды и кружится, это признак того, что больной будет исцелен. Если он тонет прямо в тех местах, куда его положили — надежды нет — больной человек умрет, и его выбрасывают целиком.

Раз в шесть месяцев устраивается большой пир, осенью и весной, в сезон охоты. В ночь праздника, как только стемнеет, все присутствующие собираются в одной комнате, где запрещено зажигать свет или огонь, и, положив лекарство рядом с тлеющими углями, а табак рядом с ним, они начинают что-то петь[109], возвещая, что ворона прилетает на их пир, а также многие другие птицы и различные животные, мозг представителей которых входит в состав лекарства. В конце песни кто-нибудь подражает карканью вороны, пению птиц, вою волка и т. Д., Как если бы животные присутствовали рядом.

Три раза в течение ночи они возносят молитву, бросая табак в потухшее пламя, прося защитить людей от всякого вреда, а если они получают раны, то, возможно, лекарство поможет их исцелить.

В начале церемоний двери запираются, и никому не разрешается входить в дом или покидать его, пока они продолжаются. Также никому не разрешается спать, так как это может испортить лекарство. Пир начинается незадолго до рассвета. Церемониймейстер сначала берет голову оленя и, откусив кусочек, имитирует крик вороны и передает голову животного другому, который делает то же самое, пока все не попробуют и не подражают особому пению какой-нибудь птицы или животного.

Как только начинает светать, председательствующий берет утиный клюв и, до краев пропитав его лекарством, раздает каждому присутствующему, который заворачивает его в кусочек кожи и, завернув в несколько слоев, бережно хранит до следующего полугодового застолья. Для первого конверта предпочтительнее использовать шкуру пантеры, если ее можно достать.

Те, кто принимает участие в церемониях, являются ЗНАХАРЯМИ; Присутствовать разрешается вождям и всем остальным, кто был излечен от какой-либо болезни с помощью лекарства.

За пределами здания молодые люди собираются для веселья, и по окончании пиршества им раздают фрагменты пиршества.

Когда используется лекарство, описанное во второй легенде, поется мелодия, которая была услышана при его[110]открытии, как на церемониях праздника, так и во время его применения.

Они, похоже, считают, что церемонии эффективны для того, чтобы сделать целебные свойства соединения нетленными. У каждого знахаря есть большое количество, которое он хранит в мешочке, и, чтобы не израсходовать все, время от времени добавляет измельченные кукурузные корни, виноградные лозы и т. Д., И всякий раз, когда это вводится, несколько человек собираются и поют. Оба вида считаются особенно полезными при заживлении ран, полученных на войне.

При чтении первой легенды вы увидите очень юмористические намеки на повадки голубя, цапли и ворона, и в целом это любопытное изобретение, вселяющее веру в средства, используемые для исцеления, и я видел многих, кто утверждал, что они испытали чудесную силу каждого из них!

№ 1.

Когда-то жил человек, который был великим охотником. Его щедрость была предметом восхвалений по всей стране, поскольку он не только снабжал свою семью едой, но и раздавал

дичь своим друзьям и соседям и даже призывал лесных птиц и зверей отведать его изобилия. По этой причине он получил прозвище “Защитник птиц и животных”.

Он жил жизнью охотника, пока не разразилась война между его собственным и каким-то далеким народом, и тогда он встал на тропу войны. Он был таким же храбрым воином, как и искусным охотником, и убил великое множество врагов, пока все не лежали мертвыми вокруг него, кроме одного, который был *могучим доблестным человеком*, и в незащищенный момент охотник получил удар своим томагавком в голову, который свалил его на землю. Затем его враг снял с него скальп и сбежал.

Кто-то из его отряда видел, что с ним случилось, и, [111] решив, что он мертв, оставил его на поле битвы; но Лисица, забредшая сюда, сразу узнала своего старого благодетеля. Он действительно был опечален, обнаружив его убитым, и начал обдумывать какие-нибудь средства вернуть его к жизни. “Возможно,” сказал он, “кто-нибудь из моих друзей знает лекарство, с помощью которого можно залечить его раны и он снова сможет жить”. С этими словами он побежал в лес и издал *предсмертный вопль*, который послужил сигналом для всех животных собираться вместе. Они прибывали отовсюду, пока сотни и тысячи людей со всех имен не собрались вокруг тела охотника, жадно расспрашивая, что случилось. Лис объясняет, как он случайно прошел тем путем и обнаружил своего друга безжизненно распростертым на земле. Животные подходят ближе и рассматривают его более внимательно, чтобы убедиться, что жизнь вымерла. Они катают его снова и снова по земле и убеждаются, что он мертв — нет ни единого признака жизни.

Затем они проводят БОЛЬШОЙ СОВЕТ, спикером которого является Медведь. Когда все готовы слушать, он спрашивает, знаком ли кто-нибудь из присутствующих с каким-либо лекарством, которое вернуло бы мертвеца к жизни. С большим рвением каждый осматривает свою *аптечку*, но не находит ничего подходящего для этой цели. Потерпев поражение в своей благородной цели — вернуть своего друга, все присоединяются к скорбному вою - реквиему по погибшим. Это привлекло певчую птицу — иволгу, которая быстро прилетела, чтобы узнать причину скопления этого огромного сбора и их великий плач. Медведь рассказал о постигшем их несчастье, и, поскольку птицы чувствовали бы себя одинаково несчастными, он попросил Иволгу улететь и пригласить все пернатые племена собраться на совет и посмотреть, не сможет ли их объединенная мудрость изобрести средство, которое вернет их друга к жизни.

Вскоре собираются все птицы небесные, даже [112] Большая орлица ирокезов, которую редко заставляют появляться на земле, спешит засвидетельствовать свое почтение останкам знаменитого и доброжелательного охотника. Убедившись, что он действительно мертв, объединенный совет птиц и животных, который оставался созданным, решил, что его скальп должен быть возвращен, заявив, что любая птица или животное, которые пожелают, могут добровольно отправиться на эту священную миссию. Лис был первым, кто предложил свои услуги, и удалился, полный надежды, что его усердие увенчается успехом. Но через много дней он вернулся, сказав, что не смог найти следов человеческих шагов — *ницы пленок от ребенка* не принадлежали ни к одному поселению. Великая любовь, которую они питали к своему другу, побудила нескольких других отправиться на ту же миссию; и животным принадлежало первое право, поскольку они первыми нашли его. Но в конце концов птицам не терпелось показать свою преданность, и Ястреб-голубятник попросил разрешения совершить первый полет, поскольку у нее были более быстрые крылья, чем у кого-либо другого, и она могла облететь весь

мир за кратчайший промежуток времени. Они едва успели разминуться с ним, когда он вернулся. Он сказал, что облетел всю землю и не нашел ее; но они не сочли его путешествие удовлетворительным, так как он летел так быстро, что по дороге он ничего не мог отчетливо разглядеть!

Затем Белая Цапля предложила послать ее, потому что она так медленно летала, что могла видеть каждый пролетающий предмет! Во время своего воздушного путешествия она обнаружила равнину, покрытую лозами дикой фасоли, усыпанную восхитительными плодами. Цапля не смогла устоять перед искушением и спустилась, чтобы насладиться пиршеством. Она так ненасытно ела, что не смогла снова подняться с земли, и совет, после многих дней тревожного ожидания, вызвал замену. Тут Ворон вышел вперед и признал свою пригодность для такой должности,[113] поскольку он также медленно летал и *привык парить над поселениями* и различать их издали! и его никто не заподозрил бы в каком-либо особом замысле, если бы он задержался рядом с тем, где лежал скальп!

Воин, обладавший вожацкими сокровищами, знал, что птицы и звери держат совет на поле битвы, чтобы придумать способ вернуть его; но когда ворона приблизилась, он не встревожился. Дым от вигвамов указывал на поселение, и когда ворона лениво парила в воздухе на большой высоте над крышами хижин, он заметил растянутый для просушки скальп, который, как он знал, должен был быть тем, кого он искал.

После различных неудачных уловок он смог завладеть им и улетел, чтобы продемонстрировать свой трофей совету.

Теперь они пытаются приладить его к голове; но, поскольку оно сухое, это невозможно, и предпринимаются попытки найти что-нибудь, чем можно его смочить; но тщетно. Затем медленно выходит вперед Великая Орлица и просит их прислушаться к ее словам:

“Мои крылья никогда не распускаются; днем и ночью, годами и сотнями лет небесная роса собиралась на моей спине, когда я сидел в своем гнезде над облаками, и, возможно, эти воды обладают свойствами, которых нет ни у одного земного источника; посмотрим”.

Затем она оторвала перо от своего крыла и окунула его в росистый эликсир, который нанесла на сморщенную кожу головы, и о чудо! она стала податливой и свежей, как будто ее только что сняли. Теперь она подошла бы, но должна быть целительная сила, которая заставит плоть соединиться и снова пробудить жизнь.

Всем не терпится что-нибудь сделать в этом великом деле, и поэтому все идут вперед, чтобы принести редкие листья, цветы, семена и кору, плоть животных и мозги птиц для приготовления целебной смеси. Когда они возвращаются[114] средство готово, и, смоченное росой, наносится на кожу головы, и оно мгновенно прилипает и становится твердым. Они заставляют охотника сесть, и он в изумлении оглядывает своих многочисленных друзей, не в силах разгадать значение столь странного сборища.

Затем они велели ему встать на ноги и рассказать, как он был найден мертвым на равнине, и как велики были скорби всех тех, кто так долго испытывал его доброту, и какие усилия они приложили, чтобы вернуть его к жизни. Затем они дают ему состав, который был средством вернуть его к жизни, говоря: “Это был дар Великого Духа человеку. Он один руководил ими в

делах совета; послал орла добывать небесную влагу и дал им мудрость в приготовлении, чтобы они могли дать человеку лекарство, которое будет эффективно при любой ране ”.

Когда они закончили, животные разошлись по своим лесным убежищам, орлица снова взлетела к своему гнезду, а птицы небесные улетели в свои гнезда на высоких деревьях, все счастливые и радующиеся тому, что совершили это великое благо.

Охотник вернулся к себе домой и распространил повсюду весть о чуде и о знании чудесного лекарства, которое по сей день используется среди ирокезов, которые являются любимцами Великого Духа.

№ 2.

Охотник-индеец отправился на охоту, и когда он бродил по лесу, то услышал далеко среди деревьев мелодию прекрасной музыки. Он прислушался, но не мог сказать, откуда он доносился, и знал, что это не мог быть ни человеческий голос, ни какой-либо инструмент, который он когда-либо слышал. Когда он приблизился^[115], звук прекратился. На следующий вечер он снова вышел, но музыки не услышал, и снова, но тщетно.

Затем Великий Дух явился к нему во сне и сказал ему, что он должен поститься и мыться, пока не очистится, а потом он сможет выйти и снова услышит музыку. Итак, он очистился и снова пошел среди самых темных деревьев леса, и вскоре его ухо уловило сладостные звуки, и по мере того, как он приближался, они становились все прекраснее, и он слушал, пока не узнал их и не смог издавать те же сладостные звуки. Потом он увидел, что это растение с высоким зеленым стеблем и длинными сужающимися листьями. Он взял нож и срезал стебель, но не успел он закончить, как тот зажил и стал таким же, как раньше. Он снова порезал ее, и снова она зажила, и тогда он понял, что она излечивает болезни, и он отнес ее домой, высушил у огня и растер в порошок; и, приложив несколько ее частичек к опасной ране, как только она касалась плоти, она становилась целой. Так Великий Дух научил индейца природе лекарственных растений и указал ему, где их можно найти.

ОХОТНИЧЬЯ ЛЕГЕНДА.

Один из древнегреческих философов, жизнь и высказывания которого считаются достойными упоминания, однажды поразил людей, рассказав о приключениях, пережитых им во время долгого путешествия по многим странам, где он встретил “говорящие деревья, пигмеев, фениксов, сатиров и драконов”, и о многих других не менее удивительных вещах, о которых я не мог не вспомнить, когда услышал легенду об охотнике.

Об Анаксагоре, другом греческом философе, рассказывается как об одном из его предсказаний, что в определенный день с солнца упадет камень, и в назначенный день камень действительно упал с солнца в части Фракии, недалеко от^[116]реки Эгос. А Плутарх утверждает, что этот камень был не только показан, но и в свое время очень почитался пелопоннесцами. В другой раз утверждалось, что с неба упал большой камень, и Анаксагор сказал, что все небо состоит из камней, и что своими быстрыми вращениями они все удерживаются вместе, а когда эти вращения замедляются, они падают вниз.

В другой раз, когда погода была очень хорошей, он сказал, что будет сильный дождь и гроза, и отправился на Олимпийские игры в лохматой шкуре или кожаном платье, готовый к такой

перемене; и поскольку дождь действительно шел согласно его предсказаниям, люди чтили его так, как будто он обладал сверхъестественным знанием.

Но индийские философы рассказывают о чудесном опыте охотника, чтобы сделать преувеличение и ложь презренными и смешными.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОХОТНИКА ХО-ЧА-ГА.

Хо-ча-гах был известным охотником. У его жены было много оленины. В его палатке было много мехов и хороших шкур, и история его приключений дошла до многих поколений.

Он построил ему маленькую хижину на берегу озера, где темный лес спускался к своей серебристой границе и тянулся далеко за гору. Каждый день он брал свой лук и колчан со стрелами и отправлялся на поиски оленя или волка, а также в ловушку на бобра или выдру, но на этот раз ему это не удалось. Много месяцев он медлил в надежде найти что-нибудь, что вознаградило бы его за труды, но тщетно. Наступила весна, и он должен был вернуться домой. Но он думал, что, по крайней мере, у него будет что рассказать нового, поэтому решил спустить на воду новомодную лодку и посмотреть, куда она его приведет. Пищу [117], которую он не съел, он упаковал в мешки из скользкого вяза и опустил их в воду, чтобы они могли сохраниться, если он снова вернется охотиться на берегу озера. Себя он поместил в бутылку из того же материала и отправился в свою плавучую экспедицию.

Долгое время он плавно скользил по поверхности, но наконец испытал странное ощущение, как будто плыл по воздуху. Затем он наткнулся на камень, потом на другой и понесся вперед, как волна, пока снова не оказался на безмятежном ручье. Шум был подобен раскату грома, и он понял, что, должно быть, спустился с большой высоты вместе с пеной воды.

Вскоре его выбросило на берег, и теперь он хотел выйти из своего укрытия, так как чувствовал слабость от недостатка пищи. Но он не мог открыть свою тюрьму и боялся умереть, так и не рассказав о своих приключениях. Но однажды утром его разбудил звук, похожий на стук птичьего клюва о стенку бутылки, которая теперь была сухой и твердой, и вскоре пробился свет, и он увидел ворону, пробирающуюся к нему в надежде найти пищу.

Теперь он смог выпутаться, выбрался наружу и увидел, что благополучно преодолел Ниагарский водопад!

С этими словами он отправился домой и удивил своих друзей, которые смотрели на него почти как на высшее существо и верили, что он был чудесным образом сохранен Великим Духом.

Его любовь к приключениям не была удовлетворена, и вскоре он снова отправился в лес и разбил свой лагерь у озера, где до этого так неудачно охотился. Теперь он нашел много дичи, и когда наступила весна, он решил попробовать еще один способ путешествия — ему хотелось полетать по воздуху. Увидев над водой стаю гусей, он подумал, что, если привязать его к их ногам, он мог бы подняться вместе с ними и пронестись по воздушным пространствам, и посмотреть вниз на [118] долины внизу. Поэтому он взял полоски коры и украдкой прокрался в воду, и, плывя дальше, внезапно обвил их своей веревкой и привязал себя к их ногам, когда они с громким криком поднялись, и его понесло над горами, реками и долинами, где он увидел странных людей и равнины и услышал странную и прекрасную музыку. Через некоторое время его отнесло так высоко, что он едва мог дышать; затем он перерезал веревку и снова спустился

на землю. Спустившись, он обнаружил, что уютно устроился в дупле дерева. Он не пострадал, но не видел пути к спасению. В течение нескольких дней он был пленником и снова подвергался опасности умереть с голоду, когда слышал голоса и попытался заговорить. Шум, который он производил, привлек внимание прохожих, и, подумав, что это какое-то животное, они срубили дерево, и вот! к их изумлению, это был человек.

Как только его освободили, он продолжил свой путь и пришел к большому ручью, цвет которого был ярко-малиновым. Никогда прежде он не видел ничего более прекрасного. Он отпил глоток, и вкус у него был как у спелой клубники. Он последовал за ней к ее истоку и обнаружил, что она вытекает из одной из этих ягод, размер которых был изумителен, и дает начало неиссякаемому ручейку, который освежает охотника, когда он устает и не находит пищи.

Он снова продолжил свой путь и, блуждая по лесу, увидел нечто, похожее на большое облако. Он медленно плыл назад и вперед, а когда опустился, он увидел, что это была целая армия кузнечиков, каждый размером с каноэ. На них было страшно смотреть.

Он снова решил провести зиму на охоте и углубился в густой лес, где водились медведи и буйволы. Но напрасно он натягивал лук и расставлял ловушки. Все они ускользнули от его бдительности. Затем во сне ему было внушено *обаяние охотника*. [119] Он воспользовался этим, и к нему стеклись со всей страны все лесные звери, настолько близкие, что он мог дотронуться до них, и настолько ручные, что он мог спать среди них невредимым. Затем он построил ему хижину, чтобы вялить оленину, и хотя у него было достаточно мяса, он все еще был окружен. Все четвероногие и пресмыкающиеся наводняли его жилище, пока он не был вынужден бежать.

Он снова вернулся отсюда и рассказал о своих чудесных приключениях, которым теперь уже никто не верил, но он не был удовлетворен. Его жажда славы была ненасытной, а эгоизм неистощимым. Отсутствовал еще долгое время, он вернулся с еще большими животными.

Он перешел ручей насыщенного золотистого оттенка и, испытывая жажду, напился его вод и был поражен восхитительным вкусом. Проследив за ним, он обнаружил, что он вытекает из мандрагоры, которая была неиссякаемым источником и выделяла свои соки, чтобы освежить путника, чтобы он не упал в обморок в пустыне.

Продолжая свой путь, он увидел утку, плывущую по озеру с ямочками, и натянул свой лук, чтобы уничтожить ее; стрела прошла сквозь утку и, взглянув на воду, пронзила оленя, утолявшего жажду у источника; не израсходовав своей силы, стрела скользнула дальше и вошла в дерево, проделав отверстие, из которого потекла струя сочного меда. Здесь он отдыхал и наслаждался пиршеством. И снова, сидя под раскидистым ореховым деревом, он увидел, как орех снова и снова катается по земле; ударив по нему своим томагавком, в скорлупе образовался разрез, через который вышел медведь; затем еще и еще, пока шесть лесных чудовищ не расположились вокруг него, чьим домом была скорлупа грецкого ореха!

Медведи в скорлупе грецкого ореха напоминают нам фей в скорлупе лесного ореха, как воспел Дрейтон, наш старый [120] английский поэт, в “Дворе фей”. В страхе попасть в руки эльфов-хобгоблинов,

“Прыгай, и Протирай, и Роняй, так чисто,

Пип, Трип и Слип, которые были

Мэб, их суверенной возлюбленной,
Ее особые фрейлины;
Вывих, и Тибет, и Укол, и Булавка,
Тик, и Квик, и Джилл, и Джин,
Сидеть, и Нить, и Вап, и Выигрывать,
Поезд, который ее ждет.

“На Кузнечика, которого они поймали,
А что касается времени и рыси,
Ни изгороди, ни рва они не пощадили;
Но после нее они оставляют их.
Они набрасывают на себя паутину
Чтобы прикрыть ветер, если он подует,
Себя они мудро могли бы даровать,
Чтобы никто их не заметил.

“Наконец один из них случайно нашел орех,
В конце которого было прорезано отверстие,
Который лежал на корне орешника,
Там, разбросанные Белкой,
Который из полученных ядер был;
Когда эта фея сказала: "Дорогая королева, радуйся,
Пусть Оберон не будет таким безумным,
Я уберегу тебя от опасности.

“*"Иди весь в этот орех", - сказала она,*
"Подойди поближе, подчиняйся мне,
Здесь у каждого может быть свой выбор,
За место тебе не нужно бороться,
И вам не нужно быть вместе вдвоем",
Так один за другим они поползли туда,
И, улегшись, они крепко уснули

В безопасности, как в Замке!”

ПИГМЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Память каждого сына и дочери саксов сохранит множество сказок, соответствующих самым невероятным из тех, что рассказывают у индейских очагов. Не так давно я слышал, как маленькая девочка читала “Домашние истории” в переводе с немецкого, и когда она прочитала ей индийскую легенду, она воскликнула: “Ого, они похожи на мои истории”, и я сам был поражен сходством. The Истории о “Красном мальчике”, “Принце-лягушке”, “Трех человечках в лесу” и тысяче других веками радовали христианских детей, и ничто из того, что может рассказать язычник, не является более смешным, чем “Мелодии матушки Гусыни”. И все же они являются частью нашей национальной литературы. Ни один человек, каким бы мудрым он ни был, не считал бы себя образованным, если бы не мог сказать:

“Там была пожилая женщина, и она, и она,

И из ее локтя выросла яблоня”.

“Старая матушка Хаббард

Подошел к шкафу и все такое”.

“Сон в летнюю ночь” Шекспира или “Королева фей” Спенсера вызывали не меньшее восхищение не потому, что они были совершенно невероятны. Я не могу рассказать ничего столь прекрасного, как в индийских сказках, но те, которые я рассказываю, и сотни других, которые никогда не были рассказаны, чрезвычайно прекрасны на своем собственном метафорическом языке; и я почти сбиваюсь, пытаясь передать какое-либо представление об их творческих творениях на английском. Ниже приведены слабые копии оригинала:

ЛЕГЕНДА О ДЖО-ГО-О, ИЛИ ПИГМЕЯХ, УНИЧТОЖАЮЩИХ ЧУДОВИЩНЫХ БУЙВОЛОВ.

Пигмеи были *маленьким народцем*, который жил далеко на [122]севере среди расселин в скалах. Оте-хо-ве-гех, “холодные регионы”, обозначали место их обитания, потому что было так холодно, что они не могли расти. Таким образом, они были не более двух футов в высоту, но они были очень сильными и всегда были начеку, творя добро. В особенности они были друзьями краснокожего и знали, грозит ли ему опасность в какой-либо части страны.

До-ге-я-го-ва, или Большие буйволы, жили в земле и переходили с места на место по подземным ходам.

Трое из этих чудовищ были на пути к Соленым озерам юга, когда трое пигмеев, которые всегда воевали с великанами и чудовищами, змеями, ящерицами и всем, что вредит человеку, отправились их уничтожать. Оказаться в один день на севере, а на следующий - далеко, за тысячи миль к югу, было для них пустяковым подвигом, так быстро они плыли на своих сказочных каноэ.

Однажды индийская девушка черпала воду из маленького ручейка, впадавшего в О-хи-йо, и когда она наклонилась над ручьем, вода приобрела странный вид. Подняв глаза, она увидела трех пигмеев, которые как раз садились рядом с тем местом, где она стояла. Она сразу поняла,

что существует опасность, потому что в другое время они никогда не показывались на глаза смертным.

Эти чудовищные буйволы питались только человеческим мясом и поэтому наводили ужас, поскольку могли внезапно подняться из-под земли и уничтожить целые поселения, прежде чем у кого-либо появлялось время убежать. Пигмеи знали, куда они ушли и что они скоро вернутся, и велели девушке бежать сообщить своему народу, чтобы они были готовы к бегству, если им не удастся выполнить свою миссию; но сказали ей, что они снова встретят ее у ручья и сообщат ей, смогут ли они уничтожить их.[123]

Когда они закончили свое послание, одним взмахом весел каноэ взмыло в воздух и проплыло над верхушками деревьев на большое расстояние, а затем снова опустилось на воду, когда еще один взмах снова поднял его в воздух.

Когда они достигли места, где появились буйволы, они срубили самые большие деревья гикори и расщепили их на две части для своих луков, а стрелы сделали из самых высоких сосен в лесу. Ими они пронзали их и посылали стрелы с такой силой, что они проходили сквозь монстров, которые падали, сокрушая под собой целые леса. Из их крови произошли маленькие буйволы, До-ге-я-го, в то время как их кости оставались нетронутыми на протяжении бесчисленных веков.

Пигмеи, выполнив свою задачу, вернулись, чтобы сообщить об этом девушке у ручья, которая с восторгом выслушала их историю и побежала сообщить радостную весть своему народу, а затем отправилась в свой северный дом.

Все маленькие буйволята издалека и поблизости регулярно приходили потанцевать на месте, где были убиты их предки, и индеец, проходя мимо этого места, показывает частицу какой—нибудь мамонтовой кости, чтобы носить ее как талисман, приносящий ему все, что он пожелает, — любовь прекрасной девушки, успех на тропе войны или много дичи во время охотничьих вылазок.

ВОЕННАЯ ЛЕГЕНДА.

В этой истории раскрывается принцип, по которому велась война среди ирокезов. Месть за нанесенный большой ущерб стала причиной зарождения междоусобицы. Затем покорение ради мира, подобно древним римлянам, и ирокезов справедливо называли “Римлянами[124]Америки”. Было что-то в их гордой и достойной осанке, в их национальной политике и их воинских подвигах, как в людях, которые протягивали свое оружие ко всем цивилизованным и нецивилизованным землям.

Словами поэта, который придал метрическую красоту их легендам и добавил к их высокому энтузиазму свою собственную:

“Римские руины в Британии с их двойными линиями ограждения и друидическими кругами из покрытых мхом камней представляют для антиквара не больший интерес, чем могучие курганы запада или руины городов-крепостей в дебрях Висконсина. Что значат несколько разрушающихся аббатств и рушащихся башенок по сравнению с колоссальными остатками империй в Центральной Америке? Поэт и историк расточили свое мастерство описания погребальных обрядов Алариха, чьи кости покоятся в песчаном русле Бузентина, но не менее

впечатляющими были похороны Черного Дрозда, вождя племени Охама, который был похоронен верхом на своем боевом коне в усыпальнице на холме с видом на Миссури.

“Красная Куртка, сидящий в слезах на поваленном дубе и созерцающий расчищенные поля белого человека после бесплодной охоты на дичь в местах своей юности и поблизости от них, представлял собой более благородное зрелище скорби, чем даже Мариус, полулежащий среди руин Карфагена”.

И Джефферсон говорит: “Прежде чем мы осудим индейцев этого континента за недостаток гениальности, мы должны учесть, что среди них еще не было письменности. Если сравнить индейцев того времени с европейцами к северу от Альп, когда римское оружие и искусство впервые пересекли горы, сравнение было бы очень неравным, потому что Европа в то время кишела численностью; потому что численность порождает соперничество и умножает шансы на улучшение, а одно улучшение порождает другое. И все же я[125]могу смело спросить, сколько великих поэтов, сколько способных математиков, сколько великих изобретателей в области искусств и наук породила тогда Европа к северу от Альп? И прошло шестнадцать столетий после этого, прежде чем удалось найти Ньютона”.

Способ, которым легенда изображает индийского воина, встречающего смерть на костре, - это способ, которым умирал каждый индийский воин. Никакая утонченность или продолжительность пыток не могли вырвать у него ни стога. Вера христианского мученика поддерживает его в час испытания; но индеец превосходит его в том, что бросает вызов своим мучителям, опираясь только на свой собственный бесстрашный дух; он тоже скорее умрет, чем сдастся, хотя и знает, что попадет в руки тех, кто, глядя на него как на поверженного врага, проявит милосердие.

Говорят, что танец войны, так часто упоминаемый в индийских сказаниях, не поддается описанию и является самой захватывающей и вдохновляющей из всех театральных сцен. Это действие войны. Сначала поется песня, которая разжигает энтузиазм, с тем же мотивом и с тем же эффектом, что пробуждает воинственная музыка, она отдается эхом на *христианских равнинах*, а затем следует вся помпа и обстоятельства войны: стрелы летят густо и быстро, в руках томагавки, мертвые и умирающие устилают поле битвы, и с помощью различных приспособлений из краски и фальшивых скальпов сотни истекают кровью, когда раздаются победные крики и панихида по убитым. Те, кто был свидетелем этого, говорят, что тот, кто не является актером, не может понять, что это может быть чем-то меньшим, чем настоящая битва. Те, кто проходит процесс посвящения в воины в военной школе, могут представить влияние танца войны на тех, для кого война - единственное поле славы. Жаль, что я не могу передать в своей статье хоть что-то от энтузиазма, с которым индеец рассказывает эту легенду.[126]

ДЕВА ВОЙНЫ.

Жил один пожилой индеец почти один в лесу со своей женой и двумя сыновьями. Они никогда не слышали о войне или раздорах; тогда в лесу раздавалось только веселое пение охотника и сладкие мелодии птиц. Но отцу было явлено видение о будущем, когда народы будут ненавидеть друг друга, и пустыня огласится пронзительным боевым кличем, и среди его народа будут использоваться томагавк и нож для снятия скальпелей.

И он позвал своих сыновей и велел им выслушать его наставления. Он сделал лук и колчан со стрелами и научил их искусному обращению с ними. Он сделал боевую дубинку и сказал им, что если на них нападут, они смогут с ее помощью убить своих врагов. Он дал им нож для снятия скальпелей и сказал: “С его помощью вы сможете добыть трофеи своих побед”. Затем зазвучали боевые песни и танцы в знак ликования по поводу их триумфа. Дети жадно внимали словам своего отца, хотя и мало понимали суть его учения; они стали искусными в использовании всех инструментов, сделанных их отцом, и ежедневно предавались развлечениям, которые доставляло им это занятие, в то время как их мать с удивлением смотрела на все эти новые вещи, которые никогда прежде не видели человеческие глаза.

Однажды, когда старик и его сыновья были в лесу, к их хижине пришел незнакомец. Он сказал жене, что хотел бы встретиться с ее мужем, чтобы посоветоваться с ним, и если бы он подошел к маленькому ручью, который протекал через далекое поле, он увидел бы в воде большое дерево; он должен подойти и поставить правую ногу на дерево, а сам он поставил бы на дерево левую ногу, и таким образом они поговорили бы о вещах, которые он пришел сказать. Но прежде чем ее муж покинет[127]свой вигвам, она должна взять лук, который он мастерил, и почти обрезать тетиву, но ничего не говорить ему об этом, ибо великое зло постигнет ее, если она не будет во всем повиноваться его указаниям; и тут незнакомец очень свирепо посмотрел на нее, так что она задрожала и не посмела послушаться.

Когда ее муж вернулся, она передала ему послание, и прежде чем он отправился навстречу гонцу, она тайно перерезала тетиву его лука и не помышляла о зле.

Старик ушел, и они ждали весь день и ночь, но он не возвращался. Дети спросили: “Что стало с нашим отцом? Давайте пойдем и поищем его”. Тогда они взяли свои луки и колчаны и пошли к маленькому ручью, и там увидели тело своего отца, лежащее в воде, утыканное стрелами. Тогда они узнали, что он был убит и что незнакомец был их врагом. Когда они встретились на поваленном дереве, незнакомец толкнул его в воду, а когда он попытался пустить в ход свой лук, тетива лопнула, и враг одолел его. Он также забрал у него лук и колчан и теперь ушел далеко. “Мы должны отомстить!” - воскликнул старший из мальчиков. “Вот чему учил нас наш отец. Мы должны найти того, кто убил нашего отца, и снять с него скальп.

Они отнесли тело домой и оплакивали его много дней. Затем они с еще большим интересом принялись петь военную песню, исполнять танец и размахивать томагавком, и их мать сделала им выговор. Но они сказали: это то, чему учил нас наш отец, и мы должны это делать; и теперь мы должны идти и искать того, кто убил нашего отца. Мы должны быть отомщены.

Затем они наточили свои стрелы, натянули луки и отправились по тропе войны - не для того, чтобы снискать славу, не для того, чтобы завоевывать ради расширения своих владений, не для того, чтобы убивать, чтобы удовлетворить жажду крови; но[128], чтобы отомстить за семейную обиду. Они пошли тем же путем, что и их отец, и через много дней нашли людей чужеземца, к которым была возбуждена их ненависть, и застрелили первого человека, оказавшегося на расстоянии полета стрелы. В снятии скальпа они не были искусны, но преуспели в получении трофея, который должен был рассказать об их успехе, и, держа его на виду у своих врагов, воскликнули: “Следуйте за нами, но вы нас не догоните; так будет с теми, кто разрушает жизнь!”

Этого толпа не понимала и в изумлении смотрела на истекающий кровью символ своей мести. Они вернулись и положили скальп к ногам своей бабушки, потому что это был ее сын, который

был убит, и ей они принесли компенсацию — кровь за пролитую кровь. Затем они приготовили его, как велел их отец, и повесили на крыше своего жилища, как свидетельство своей доблести.

Но они не были довольны. Они вкусили азарта и снова рвались на тропу войны. Но теперь их враги были готовы, и один из них был взят в плен, но они не знали, что сделать, потому что у них никогда раньше не было конфликтов с врагами. Но юный воин вспомнил наставления своего отца относительно обращения с пленными и сказал им, что умрет в огне - его сожгут на костре. Поэтому он собственными руками сложил хворост, обмотал его вокруг своего тела и велел им зажечь факел. Они с ужасом смотрели на эту сцену и сочувствовали его страданиям и с радостью освободили бы его от такой пытки. Но он бросил им вызов, сказав, что не в их власти заставить его кричать от боли. Он умирал смертью воина и презирал сострадание. Затем он вскинул руки вверх и пел военную песню до тех пор, пока у него не перехватило дыхание, подавая таким образом пример всем, кто хотел завоевать честь.[129]

Теперь оставшийся брат должен снова искать мести. Он уговорил молодого товарища присоединиться к нему, и, оглашая воздух своим диким хором, они отправились убивать многих взамен того, кто попал к ним в руки. Их стрелы летели густо и быстро, в то время как они скрывались от глаз тех, кого преследовали, пока многие не пали; тогда они взяли пленника и вернулись домой.

Он тоже должен был умереть на костре, и хотя не был воином, он подражал примеру юноши, который жаждал славы, и радовался своим страданиям, распевая военную песню, пока оставалась жизнь.

Теперь его народ был в ярости и замышлял уничтожение своих врагов. Был послан гонец, чтобы пригласить вождей этого жаждущего войны народа встретиться с ними в условленном месте, чтобы уладить их трудности. Но молодой воин, чей брат прославился пытками, сказал, что боится их предательства и не допустит, чтобы вожди его народа попали в их руки. Нет, воины должны идти подготовленными к битве. Он обучал их в ожидании этого дня, и они были готовы к войне и к победе. Затем по всему лесу разнесся боевой клич, и они двинулись в боевом порядке, чтобы подстеречь своих врагов.

Они разбили лагерь на склоне холма, прибыв в назначенное время, но маленького отряда, который должен был встретить их, чтобы провести мирный совет, нигде не было видно. Они возвели частокол для своей защиты и начали празднества, которые были развлечением воинов. Какое зрелище представляли их враги, которые теперь впервые взглянули из своего укрытия на военный танец. Посреди леса горел большой костер, вокруг него тут и там группами сидели старики, в то время как молодые люди с накрашенными щеками, блестящими в красном свете факелов, и[130]ярким пламенем, поднимавшимся над их бровями, танцевали среди деревьев и пели волнующие песни, которые побуждали их к смелым поступкам и далеко прогоняли страх смерти из их сердец.

Но в разгар их веселья в воздухе просвистела стрела. Они не обратили на это внимания и продолжали свои песни. Раздается еще один, и еще, но веселье не прекращается; теперь слышится напряжение, ответом на которое является пронзительный боевой клич; все луки натянуты, и тысячи стрел, подобно быстрой молнии, летят обратно в захватчиков. Завязывается ожесточенная битва, многие воины гибнут. Враг бежит, и его преследуют. Воздух наполняется криками победителей. Земля покрыта мертвецами.

На следующий день каждый воин возвращается со скальпами, трофеями своей доблести, и юноша, мудрости совета которого они обязаны победой, собирает всех людей и объявляет, что его миссия выполнена. Он собирается покинуть землю. Он повторил им наставления своего отца. Они изучили все искусства войны и знают, как снимать скальпы со своих врагов. Он научил их песне и танцу и велит им не забывать умирать как воины, в битве или на костре.

На следующий день они ищут его, но он мертв.

Теперь эти народы научились воевать, и тропа войны становится проторенной тропой, поэтому они постоянно ходят туда-сюда, чтобы снять скальпы со своих врагов. Поэтому они делают траншею, и по закону, которому все согласны подчиняться, преследование не должно вестись через эту границу. Воин может прийти на территорию врага, но когда его отбросят назад, после того как он пересечет границу, он должен быть в безопасности. Там они часто стояли в большом количестве, на виду друг у друга, но ни шаги, ни стрелы не должны были проникать через траншею.[131]

Однажды, когда они преследовали врага, человек быстро взбежал на дерево, чтобы спастись, и когда они посмотрели, то увидели, что он превратился в медведя! Его клан с тех пор назывался Кланом Медведя. В другом случае убежавший человек спустился в глубокое ущелье и стал искать его, когда он поднимался по противоположной стороне, и вот, это был волк! таким образом, его клан получил титул Клана Волка. После долгих лет вражды и тысячи сражений было обнаружено, что эти кланы, которые так долго воевали, были одной нацией. Затем они закопали томагавк и выкурили трубку мира.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ.

Хе-но был Юпитером ирокезов, а Га-о напоминает нам Эола. Те, кто знаком с этими мифологическими персонажами индийского творения, используют их так же, как изучающие классику боги древних. Говорят, что когда бушует яростный шторм, Хи-но в ярости. Когда сильная буря сотрясает землю, говорят, что Га-о в ярости. Но для значительной части читающего сообщества эти намеки не имели бы никакого значения. Доскональное знание индийской истории, языка и легенд пополнило бы коллекции поэта и романиста множеством приятных образов, которые были бы насквозь американскими, и придали бы новый интерес к американской литературе.

ЛЕГЕНДА О ХЕ-НЕТ, ГРОМОВЕРЖЦЕ.

Молодая девушка, проживавшая в Га-у-гва, деревне над Ниагарским водопадом, в устье ручья Каюга, была выдана замуж за старика с уродливыми манерами и неприятным характером. Поскольку брак был ей ненавистен, а по обычаям народов спасения не было,[132]она решилась на саморазрушение. Спустив каноэ из коры на воду Ниагары, она направила его по течению, и вскоре его понесло над ужасной пропастью среди пенящихся вод. У него-но Громовержеца был свой дом за простыней, и, увидев, как она спускается, он подхватил ее, завернув в одеяло, и понес за водопад. Один из слуг Хе-но, привлеченный ее красотой, пожелал жениться на ней, против чего она не возражала, и голосом Громовержца они соединились.

За много лет до этого народ Га-у-гва ежегодно подвергался эпидемии, которая уничтожала огромное количество людей и причину которой они не могли установить. В конце года Он-но открыл девушке причину и отправил ее обратно, чтобы рассказать людям о средстве. Он

сказал, что под деревней обитает чудовищный змей, который питается телами мертвых, и чтобы добыть свой годовой запас, он раз в год выходит и отравляет реку Ниагару и ручей Каюга, так что все, кто пил из них, погибают.

Людам было приказано переехать в Буффало-крик, а молодой жене было поручено воспитывать сына, матерью которого она вскоре станет, на пенсии, и не вмешиваться в военные распри. С этими наставлениями она отправилась выполнять свою миссию.

Когда великий змей снова отравил воды, земля не принесла ему пищи, и, высунув голову, чтобы выяснить причину, он увидел, что деревня опустела. Он сразу же почуял след, по которому ушли люди, и последовал за ними к их новому дому. Но, проходя по узкому каналу, Он-но выпустил в него мощную молнию, которая нанесла смертельную рану. Сенека до сих пор указывают на место в ручье, где берега были полукруглыми, что было сделано змеем, когда он повернулся, чтобы убежать. [133]

Его тело поплыло вниз по течению и остановилось на краю Водопада, протянувшегося почти поперек реки. Бушующие воды, сдерживаемые таким образом, прорвались сквозь скалы позади, и, таким образом, весь край Падения, на котором покоилось тело, был низвергнут вместе с ним в бездну внизу. Таким образом, гласит легенда, образовалось Падение Подковы.

Перед этим событием за простыней был проход с одного берега на другой. Он был не только разрушен, но и дом Хе-но разрушен, так что он перенес свое жилище далеко на Запад.

Сын девы вырос до отрочества, и было обнаружено, что он обладает силой метать молнии по своему желанию. Однажды, подвергшись грубому нападению со стороны товарища по играм, он был поражен ударом молнии. Хе-но немедленно перевел его на облака и сделал помощником Громовержца!

Г.А.О.

Га-о был Духом ветров и представлен в виде человека с лицом, изборожденным морщинами от возраста, сидящего в одиночном заключении, а вокруг него постоянно клубятся разноголосые ветры; когда он спокоен, в лесу и на море слышен шум могучего ветра. От его движений зависят накат волн и ярость бури. Он приводит вихрь в движение и приказывает ему снова успокоиться. Когда он совершенно спокоен, тишина царит над всей землей, и нежное движение колышет мягкий веющий ветерок. Но Га-о подчиняется Великому Духу и всегда помнит о его воле.

СЕМЬ ЗВЕЗД.

Семь маленьких мальчиков попросили своих матерей разрешить им [134] устроить пир; но им было отказано. Все еще преисполненные решимости достичь своей цели, они пошли одни и раздобыли маленькую белую собачку для жертвоприношения, и пока они танцевали вокруг костра, какой-то невидимый дух внезапно унес их по воздуху. Их матери с безутешной тоской смотрели им вслед, пока не увидели, что они заняли свое место в небе среди звездного воинства, где они все еще танцуют, как семь звезд Плеяд.

Древняя мифология гласит, что эти звезды - дети Атласа и Плейоны, которые были таким образом изменены и которым было позволено сиять вечно из-за их дружелюбных добродетелей и взаимной привязанности.

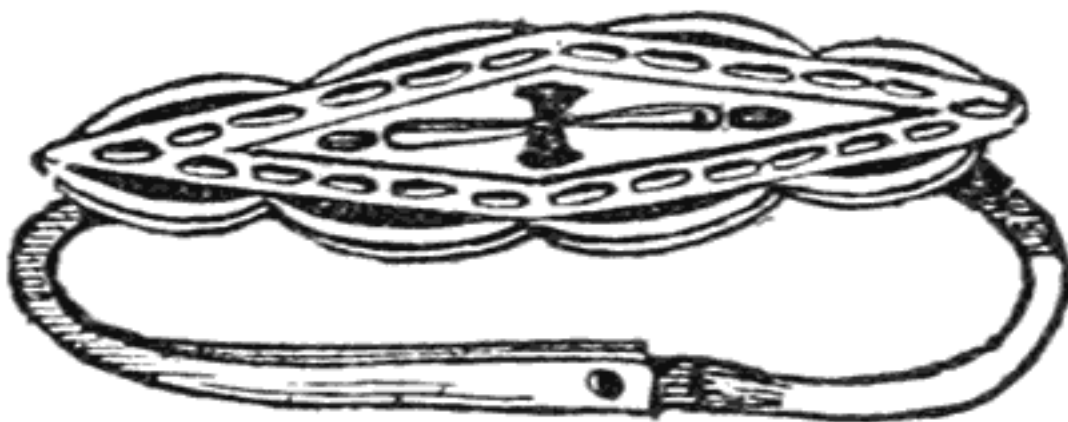
ТРИ СЕСТРЫ.

Из всех духовных творений индийцев нет более прекрасного, чем то, в котором рассказывается о стражах, которые, как они воображают, управляют их любимыми овощами, кукурузой, фасолью и кабачками. У каждого из них есть дух, но каждому духу не дается отдельное имя. Они имеют формы прекрасных женщин и представлены любящими друг друга как сестры, живущими вместе в совершенном единстве и счастье. Лозы этих овощей растут в одной почве и часто на одном холме, с любовью обвиваются друг вокруг друга и, таким образом, являются истинными представителями тех, кто за ними присматривает. Девы вечно юны и одеты листьями растений, среди которых они обитают. Та, кто является духом-хранителем кукурузы, украшена длинными заостренными листьями кукурузы, украшенными шелковыми кистями, которые также сплетены в венки вокруг ее лба. Та, в чьи обязанности входит охранять фасоль, также носит одежду из ее листьев, сплетенных тонкими усиками, а на голове у нее корона из бархатных стручков, перемежающаяся цветами, которые предшествуют плодам. [135] Дух кабачков также облачен в плоды виноградной лозы, за которой она особенно ухаживает, и все лето они порхают среди растений и называются Де-о-ха-хо, Наша Жизнь или Наши Сторонники.

Кукуруза, говорят индейцы, когда-то была легкой культурой и давала гораздо больше урожая, чем сейчас, поскольку зерно было очень богато маслом. Но Злой Дух, завидуя этому великому дару Ха-вэнь-не-ю человеку, вышел на поля и распространил по ним всеобщую заразу. С тех пор его стало труднее возделывать, и он утратил свое первоначальное богатство.

Когда шелестящий ветер колышет листья кукурузы, издавая скорбный звук, набожному индейцу кажется, что он слышит дух кукурузы, в ее сострадании к краснокожему человеку все еще оплакивающий с бесплодными сожалениями ее загубленную плодородность.

Я привел здесь лишь несколько из бесчисленных легенд, которые можно найти у ирокезов, надеясь когда-нибудь в будущем полностью посвятить этому предмету целый том. Возможно, это не такой интересный или ценный вклад в литературу, как “Мифология фей Кейтли”, и может пройти много лет, прежде чем такое произведение будет по-настоящему оценено даже антикваром и ученым; но оно все же может оказаться *крупницей* в огромной сокровищнице традиционных знаний, и когда-нибудь его сочтут не совсем недостойным места рядом со сказочными замками Веселой Англии, лесистыми храмами Шотландии и гротами итальянских нимф.

[136]

ГЛАВА VII.

ЖИЗНЬ ПЛЕННИКА Среди ИНДЕЙЦЕВ, ИЛЛЮСТРИРУЕМАЯ ЖИЗНЬЮ “БЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ”.

Попасть в плен к индейцам среди первых колонистов считалось самым ужасным из всех бедствий; и действительно, было страшно стать жертвой их мести. Но те, кто испытывал настоящие страдания пленников или еще больше страдал от ужаса перед неизвестным злом, мало думали о провокации, устроенной нашим собственным народом. Невинные часто страдали из-за виновных, и какими бы настойчивыми ни были усилия правительства быть справедливым, в зачаточном состоянии, в дикой неизвестной стране, было невозможно контролировать беспринципных мародеров. Белые люди впервые совершили какой-то зверский поступок, который побудил индейца к ответным действиям, и, думая, что все бледнолицые одинаковы, он не стал ждать, пока настоящий преступник попадет к нему в руки.

Когда белые люди впервые пришли сюда, индейцы смотрели на них как на высших существ. Они были готовы боготворить Колумба и его маленькую группу, и на всем побережье, пока их простое доверие не перешло границы дозволенного, они радушно принимали незнакомцев — давали им еду, когда они были голодны, и укрывали их, когда им было холодно. Только после того, как их посягательства стали тревожными, индеец заявил о своих правах, и если бы во всех случаях с ним поступали так же справедливо и любезно, как с квакерами Пенсильвании, не было бы столь мрачной летописи грехов[137], несправедливости и пыток. Если бы никто, кроме принципиальных людей, не заключал с ними договоров и все, чьим долгом было соблюдать их, сохранили бы свою веру, месть не проявилась бы так ярко в характере индейцев.

Но не в соответствии с национальной политикой те, кто был взят в плен в бою, подвергались пыткам, сжигались и сдирали кожу. Шесть наций никогда не считали необходимым строить тюрьмы и рыть подземелья для своего собственного народа. Если человек совершал убийство, они иногда решали, что он должен умереть, а иногда приказывали ему бежать далеко-далеко, где никто из тех, кто его знал, никогда не мог взглянуть ему в лицо. Но преступления были

настолько редки, что у них не было уголовного кодекса, иногда они побеждали своих врагов, они либо усыновляли их и относились к ним как к друзьям, либо немедленно предавали смерти.

Белые люди иногда предавали индейцев смерти, а еще чаще сажали их в темницы, где они умирали от истощения и голода, но в их обычаи не входило усыновлять их и называть братьями! Если бы они иногда делали это или беспрепятственно отправляли их обратно к их друзьям целыми и невредимыми, они могли бы примириться там, где это только усугубляло отчаяние.

Когда семьи теряли близких, они стремились отомстить тем, кто лишил их жизни; и когда воины возвращались с битвы, пленных передавали друзьям, которые пострадали. Только им оставалось решать судьбу тех, кто попадал к ним в руки. Если они хотели, они усыновляли их вместо убитых мужей и братьев; и если они так решали, их предавали смерти любым способом, который они указывали.

Если способ, которым были убиты их друзья, вызывал у них отягчающее обстоятельство и сильную ярость, они, весьма вероятно, решались на пытки и применяли их таким образом, чтобы причинить как можно больше страданий. Но даже в таких случаях [138]они иногда проявляли большое великодушие и “отвечали добром на зло”.

Очень часто детей усыновляли и с помощью торжественной церемонии принимали в то или иное племя, где с ними всегда обращались как с одним из их собственных людей. Мы привыкли слушать душераздирающие истории о жестоком обращении с пленными, но с усыновленными пленниками никогда жестоко не обращались. Те, кто был немедленно предан смерти, испытывали сильные страдания в течение нескольких часов, а те, кто был спасен, подвергались лишениям, которые казались им невыразимыми, но они были такими, какие неизбежно присущи индийской жизни. У них не было письменных хроник, чтобы рассказать всем будущим поколениям о несправедливости и пытках, которым они подвергались, но у того, кто сидит с ними у их очагов, может застыть кровь от ужаса при виде рассказов о цивилизованном варварстве.

И есть один вид несправедливости, на который не приходилось жаловаться ни одной плененной женщине ни одной нации, когда она была брошена на милость индейских воинов. Среди всех темных и ужасных записей, которые их враги с удовольствием выставляют напоказ, нет ни единого примера надругательства над той деликатностью, которую женщина с чистыми помыслами лелеет ценой своей жизни и не приносит в жертву никаким видам простых животных страданий. О какой другой нации можно написать, что их солдаты не были более ужасны у очага своих врагов, чем на поле битвы, когда в их распоряжении были все яростные орудия войны? Каким бы мотивом это ни объяснялось, пусть это, по крайней мере, останется на страницах индийской истории как вечный памятник их чести. Небольшая книжка, которая утверждает, что была написана с единственной целью зафиксировать и увековечить зверства индейцев, и останавливается на них с бесконечным восторгом, ссылаясь на эту искупительную черту в характере индейцев, но пытается приписать ее влиянию[139]суеверий, как будто необходимо найти какой-то злой или порочащий мотив для всего благородного или приятного в характере индейцев. Я не сомневаюсь, что это было довольно отвратительно для общего настроения в индийской общине - смешивать свою кровь с кровью народа, на которого они смотрели как на расу злых духов, выпущенных на волю, и я удивляюсь, что они когда-либо принимали их, как они часто делали, в свои семьи, в свою закадычную дружбу и доверие. Но эта ненависть у других народов побуждает к тому самому проявлению, в котором индеец никогда не был виновен. Их

обращение с пленными из числа индейских народов было таким же, и я не знаю, было ли какое-либо удовлетворительное решение проблемы, которая была обнаружена только у одной другой цивилизованной, христианской или варварской нации. Странник среди западных племен однажды спросил индейца, почему они так почитают своих женщин, и тот ответил: “Великий Дух научил их и накажет, если они этого не сделают”. Среди немцев существовало такое же уважение к женщине, пока они не стали цивилизованными. Возможно, существовал некоторый суеверный страх, смешанный с сильным руководящим принципом, но от этого не становится менее чудесным, что целые нации, состоящие из миллионов человек, были настолько воспитаны в религиозном или домашнем плане, что никакая красота или очарование, находящиеся под их опекой, хотя и на расстоянии сотен миль в уединении дикой природы, не могли отвратить их от строжайшей чести и самой утонченной доброты.

Мэри Джуисон восемьдесят лет прожила среди сенека, и в начале того времени в лесах было мало вырубок, а удобства и пороки белых людей почти не встречались среди них. Она родилась на берегу океана, с волнующимся морем в качестве колыбели и бурей в качестве колыбельной. Ее родители эмигрировали из Англии в эту страну в 1742 году и поселились в несчастливой долине^[140] в Вайоминге, где и появились ее первые воспоминания о несчастьях, обрушившихся на ее семью, — стенания убитых горем и разрыв сердечных струн.

Последним ужином, который они ели вместе, был завтрак, после которого отец и трое старших братьев отправились в поле, а Мэри с другими маленькими детьми играла недалеко от дома. Внезапно они вздрогнули от пронзительного крика и поняли, что это, должно быть, их мать. Вбежав в дом, они обнаружили девочку в руках двух индейцев, которые крепко держали ее. Маленький мальчик побежал звать своего отца и обнаружил, что он тоже связан другим членом отряда, а его старший брат лежит мертвый на земле. Двое других бежали в Виргинию, где, как впоследствии узнала Мэри, у них был дядя, а те, кто остался, были взяты в плен и поспешно уведены в леса.

Весь день они были вынуждены маршировать гуськом по неровной, холодной земле, не имея ни времени, ни разрешения на разговоры, и часто применяли плеть, чтобы ускорить их шаги. Ночь застала их в самом сердце дикой местности, в окружении их странных похитителей, и все ужасы индейской жизни или индейской смерти предстали перед ними во всей красе. У них не было никакой надежды на милосердие, независимо от того, были ли им позволены жить или приговорены к смерти.

Мать подумала, что, возможно, они пощадят детей, но не стала из-за этого набираться храбрости, ибо ей казалось, что лучше им умереть, чем жить, чтобы стать товарищами такого народа и, вполне вероятно, вырасти такими же, как они. Мэри была единственной, кто был достаточно взрослым, чтобы понимать ее наставления, и ей разрешили поговорить с ней, прежде чем их разлучили на ночь и, как она боялась, навсегда.

Она сказала: “Дочь моя, я думаю, тебе позволят жить; но они лишат тебя твоих отца и матери и, возможно, твоих братьев и сестер, так что ^[141] что ты останешься одна. Но старайтесь во всем угодить индейцам, и они будут к вам добрее. Не забывай свой родной язык и никогда не забывай повторять свой катехизис и молитву Господню каждое утро и вечер, пока ты жив”. Она пообещала это сделать и, поцеловав свое дитя, скрылась с глаз матери, и никогда больше не видела никого из всей маленькой компании, которая была счастлива в маленьком домике всего несколько часов назад.

Мэри не разрешалось спрашивать о своих друзьях, и она узнала об их судьбе только по тому, что узнала их скальпы, готовые к сушке. Свою мать она узнала по длинным песочного цвета волосам, которые были аккуратно расчесаны и заплетены в косу. У ее младшего брата были мягкие льняные кудри, которые все еще сохраняли свой солнечный оттенок и блестящими волнами свисали с краев обруча, на который была натянута кожа. Она не могла сдержать слез, но не осмеливалась даже застонать о том, что ее так жестоко разлучили со всем, что она любила.

В то время ей, должно быть, было лет десять; но это было для нее менее печально, чем если бы она была старше, потому что теперь она могла легко приспособить свои вкусы к вкусам своих новых друзей и, естественно, скоро забыла бы свой дом и обычаи своего народа.

Впоследствии, когда она научилась понимать индейский язык, ей сказали, что они не стали бы убивать ее родителей, если бы похитителей не преследовали, и что маленький мальчик, который был сыном соседа и тоже был похищен, был передан французам, двое из которых были в отряде.

На индейских территориях существовал обычай задерживаться и *ивыковыривать* траву палкой после того, как отряд прошел мимо, чтобы скрыть все следы их шагов, так что преследование редко увенчалось успехом. Отклоняясь от прямого курса, чтобы не заблудиться, [142]они заметили мох на деревьях, который всегда рос гуще всего на северной стороне, поскольку южная сторона, наиболее открытая солнцу, быстрее всего высыхала. Они также обладали некоторыми знаниями о звездах и по положению определенных скоплений, которые можно было увидеть в определенное время года, знали, где восток, а где запад.

Мэри отнесли далеко вниз по течению Огайо, и оказалось, что ее похитители были из племени шаванцев, и они усыновили ее вместо двух братьев, которые пали в битве и по которым до сих пор не утихли стенания.

Церемония усыновления очень торжественная, требует обсуждения на совете и официального дарования имени, как своего рода крещения, с этого момента пленнику не разрешается говорить ни на каком языке, кроме индийского, и он должен во всем соответствовать индийским привычкам и вкусам.

Среди них существует обычай давать детям имя, соответствующее занятиям спортом и зависимости в детстве, а когда они достигают зрелости, менять его на то, которое соответствует обязанностям и занятиям мужчины и женщины. Первое имя дается родственниками, а затем публично оглашается на совете. Второй даруется таким же образом, и этим они впоследствии всегда называются, за исключением того, что становятся Сахемом, а иногда, став вождем или воином, берется другой, и каждый определенно обозначает новое положение. У каждого клана тоже были свои особые названия, так что при упоминании имени человека сразу становилось известно, к какому клану он принадлежит.

Любопытной особенностью индийского кодекса этикета является то, что крайне невежливо спрашивать у человека его имя или произносить его в его присутствии. В кругу общения и во всех частных беседах человек, о котором идет речь, описывается, если необходимо сослаться на него, как человек, который сидит [143]там, или который живет в этом доме, или носит такое платье. Если я спрашиваю женщину, чей муж присутствует, не мистер ли это П., она краснеет, заикается и отвечает: “Это отец моего ребенка”, чтобы не произносить его имя в его

присутствии, что могло бы его оскорбить. Когда человека спросили, как его зовут, он промолчал; не понимая причины, вопрос повторили, и он возмущенно ответил: “Вы что, думаете, я сова, чтобы *выкрикивать* мое имя повсюду?” название совы у Сенеки, в точности соответствующее ноте, которую он постоянно произносит.

Когда Мэри Джуисон официально называли *Де-хи-ва-мис*, они называли ее дочерью и сестрой и обращались с ней во всех отношениях, как будто она родилась среди них и в ее жилах текла та же кровь; или, скорее, они привыкли быть более добрыми к пленницам, чем к собственным детям, потому что те не были приучены к таким же лишениям. Не было никакой разницы в даруемых ласках, о ребенке не делалось никаких намеков, как будто он принадлежал к ненавистной расе, и он никогда не испытывал недостатка в привязанности.

Мэри сказала, что ее задачи всегда были легкими, и все делалось для того, чтобы завоевать ее любовь и сделать ее счастливой. Время от времени она тосковала по уюту своего домика и плакала при мысли о жестокой смерти матери, но постепенно научилась любить свободу леса и свободно и весело резвиться со своими товарищами-индейцами. Когда ей дали имя, они сбросили с нее платье, одели ее в оленьи шкуры и мокасины и раскрасили ее лицо в истинно индейском стиле. Она никогда не говорила по-английски в их присутствии, поскольку они этого не позволяли; но, оставаясь наедине, не забывала наказ своей матери и повторяла свою молитву и все слова, которые могла вспомнить, таким образом сохранив достаточно языка, чтобы она могла легко[144]вспомнить его, когда ей снова придется вернуться в цивилизованное общество, на что она постоянно надеялась путем обмена пленными.

Но когда ей исполнилось четырнадцать лет, ее мать выбрала для нее мужа, за которого она вышла замуж по индийскому обычаю. Его звали Ше-нин-джи, и хотя она не была знакома с ним раньше и, конечно, не испытывала к нему никакой привязанности, он оказался не только дружелюбным и превосходным человеком, но и близким по духу товарищем, которого она преданно любила. Он обладал всеми благородными качествами индейца, был красив, и храбр, и щедр, и добр, и к ней всегда был нежен и привязан.

Теперь она полностью примирилась с жизнью индейцев, и самым большим ее горем были вынужденные отлучки мужа на тропу войны и охотничьи вылазки. Она следила за занятиями женщин и обрабатывала поля, выделявала шкуры и собирала топливо для зимних костров; и хотя нам этот труд кажется неженским, они выполняли его на досуге и занимали у них очень мало времени.

Когда охотники возвращались, они были усталыми и пассивными и редко придирались, а индейская женщина так хорошо знала свой долг, что ее мужу не приходилось сообщать о своих желаниях. Повиновение требовалось во всех отношениях, и там, где царили гармония и привязанность, они с радостью уступали; и зная, что разлука будет следствием пренебрежения долгом и недоброжелательности, там действительно было больше самоконтроля и заботы о мелочах, чем среди тех, кто связан на всю жизнь богатством и горем, любовью и ненавистью, добротой и жестокостью. Они не соглашались жить вместе из-за добрых или злых слухов, но только пока они любили друг друга и доверяли друг другу; и поэтому они были[145]осторожны, чтобы не растратить легкомысленно это доверие и привязанность.

Работа в поле выполнялась настолько систематически и с таким тщательным и мудрым разделением труда, что не было никакой зависти, которая существует среди тех, кто хочет

накопить и стремится преуспеть в стиле и снаряжении; и до того, как среди них появилисьогненная вода разногласия любого рода были почти неизвестны. Это было плодотворным источником всех их бед.

Только когда Мэри стала матерью, она оставила всякую тоску по цивилизованному обществу и оставила всякую надежду снова вернуться в обитель белых людей. Теперь у нее были узы, связывающие ее, которые невозможно было разорвать. Если бы она нашла своих друзей, они не узнали бы ее мужа-индейца и не сочли бы ее законно вышедшей замуж; они не хотели бы быть связанными кровными узами с народом, который они презирали. Ее ребенок не был бы счастлив среди тех, кто считал ее неполноценной, а у нее самой не было образования, которое позволило бы ей общаться с белыми людьми. Она посмотрела на свою маленькую дочь и сказала: “Это принадлежит Шенинджи, это для меня дороже, чем все остальное. Я не мог вынести, если бы к ней относились с отвращением или пренебрежением”.

Но ей недолго было дано это счастье — ее дочь умерла, когда она была еще младенцем, и когда Шенинджи был в отъезде. Снова чувство опустошенности охватило ее юный дух, но все вокруг всячески утешали ее и стали более чем когда-либо милы ее сердцу. После долгого отсутствия вернулась Шенинджи, и она снова была счастлива в течение многих месяцев. У нее родился сын, и она назвала его в честь своего отца, против чего ее индийские друзья не возражали, и ее любовь к мужу превратилась в идолопоклонство. В ее глазах он казался[146]всем благородным и добрым, — она оплакивала его уход и жаждала его возвращения, ибо его привязанность побуждала его относиться к ней с нежной и подкупающей добротой, которая присуща только истинной любви.

Но снова наступила разлука, и ей пришлось провести еще одну долгую зиму в одиночестве. Охота была любимым занятием индейцев, и хотя они получали от нее удовольствие, боль разлуки с женой и малышами превратила это занятие в жертву и омрачила долгий период его жизни. И вот теперь Мэри действительно стало темно, потому что она долго ждала, а Шенинджи так и не пришел. Она навела порядок в его маленьком жилище — выделала новые шкуры для его ложа и коптила оленину, чтобы понравиться ему; она разжигала огонь, чтобы поприветствовать его, надеясь каждый вечер, ложась спать с ребенком на груди, что еще до восхода солнца муж и отец порадует их своей улыбкой, но тщетно; прошла зима, наступила весна, а затем пришла печальная весть о его смерти. Она была вдовой, а ее ребенок остался без отца. Очень долго и глубоко оплакивала она Шенинджи, ибо ей казалось, что нет никого, подобного ему; но снова симпатии его народа создали новые узы, связавшие ее с ними, и она сказала, что не смогла бы любить мать или сестру более нежно, чем она любила тех, кто поддерживал с ней такие отношения, и успокаивал ее их любящими словами.

Только через четыре года ее снова заставили выйти замуж, и за это время произошел обмен пленными, и у нее появилась возможность вернуться к своим сородичам. Ей было предоставлено делать все, что ей заблагорассудится. Они сказали ей, что она может уйти, но если она предпочтет остаться, она по-прежнему будет их дочерью и сестрой, и они отдадут ей землю, где она всегда сможет жить. Она снова подумала о предубеждении, с которым ей приходится повсюду сталкиваться, и о том, что она никогда не сможет терпеливо выслушивать упреки в адрес[147]людей своего мужа. Никто не поверил бы, что он благородный, потому что он индеец, — у нее не должно было быть близких родственников, а те, что у нее были, могли бы отвергнуть ее, если бы она обратилась к ним. Итак, она пришла к окончательному выводу и

никогда больше не вздыхала о преимуществах и радостях цивилизованной жизни. Она приехала с братьями из Шенинджи на берега Дженеси, где прожила оставшиеся семьдесят два года своей жизни.

Своего второго мужа, Хиокату, она так и не научилась любить. Он был вождем и воином, храбрым и бесстрашным, но, хотя он всегда был добр к ней, он был человеком крови. Он восхищался жестокими поступками и с удовольствием рассказывал о них, а теперь огненная вода стала обычным делом, и хорошие стали плохими, а плохие еще хуже, так что в семьях и по соседству возникли раздоры, и счастье, которое было почти без примеси, больше не было известно этим простым людям.

Она присоединяет свое свидетельство к свидетельствам всех путешественников и историков о чистоте их жизни, поскольку сама никогда не получала ни малейшего оскорбления от индейца и едва ли знала о случаях неверности или безнравственности. Но когда они однажды попробовали сводящий с ума напиток, жажда стала ненасытной, и все, что у них было, они отдали бы за стакан чего-нибудь, что лишило бы их рассудка. Теперь они действительно превратились в демонов и фурий и продали себя на быстрое уничтожение. Хиокату не колебался ни перед каким преступлением и получал удовольствие от всего темного и ужасного, но это было небольшое испытание по сравнению с теми, которые миссис Джуисон пришлось вынести из-за опьянения и безрассудства ее сыновей.

Ее старший, сын Шенинджи, был убит Джоном, сыном Хиокату, который впоследствии убил своего собственного брата Джесси и сам пришел к такой же насильственной смерти [148] от рук других. Когда они оказались посреди искушения, не существовало никаких сдерживающих принципов, и даже после того, как они выросли, ее дом был ареной ссор и неразберихи из-за их неумеренности, и она не знала покоя из-за страха какого-нибудь бедствия из-за потакания их необузданным страстям.

Вожди племени Сенека, к которому принадлежал ее второй муж, подарили ей большой участок земли, и когда стало необходимо закрепить его за ней по договору, она присутствовала на совете и отстаивала свое собственное дело. Уполномоченные, не задавая особых вопросов относительно размеров ее *участков*, позволили ей провести границы, и когда документ был подписан и она оказалась в твердом владении, выяснилось, что она является владелицей почти четырех тысяч акров, которых ее мог лишить только акт, составленный ее собственной рукой. Но хотя она была богата, она трудилась не менее усердно и не отказалась от *сферы деятельности женщины*, ведя домашнее хозяйство; а также, верная своему индийскому воспитанию, она сажала, пропалывала и собирала урожай, сохранив свою индийскую одежду и привычки до дня своей смерти.

Во время войны за независимость ее дом стал местом встреч и штаб-квартирой британских офицеров и индейских вождей, поскольку ее симпатии были полностью на стороне ее краснокожих братьев, и дело, которое они поддерживали, было тем, которому она предпочитала помогать. В ее силах было посочувствовать многим одиноким пленникам; она всегда помнила свои собственные страдания от перспективы провести жизнь в дикой местности, в обществе индейцев, и хотя она научилась любить их, а не бояться, и знала, что они, как народ, заслуживают уважения и высочайших почестей, она понимала чувства тех, кто их не знал.

Ее мольбы многих освободили от[149]пытток, а ее щедрая доброта одела нагих и накормила голодающих.

Участок за участком, акр за акром индейцы продавали свои земли, и в конце концов прекрасная долина Джenezи перешла в руки белого человека, за исключением владений “Белой женщины”, как ее всегда называли, которые нельзя было отдать без ее согласия. В момент продажи она отказалась расстаться со своей долей, но после того, как индейцы ушли в резервацию буффало и она осталась одна, хотя и была хозяйкой поместья и окружена белыми людьми, она предпочла поселиться с теми, кого теперь называла своим народом. Наиболее настойчиво она перенимала язык Руфи в древние дни— “Умоляй меня не оставлять тебя и не возвращаться, чтобы не следовать за тобой, ибо, куда ты пойдешь, туда пойду и я, и где ты поселишься, я поселюсь; твой народ будет моим народом, и твой Бог - моим Богом. Там, где ты умрешь, умру и я, и там я буду похоронен”.

Она была такой же отъявленной язычницей, как самый настоящий индеец, который никогда не слышал о Боге, и воскликнула вместе с ним, что их религия ей достаточно хороша и она не желает никаких перемен.

Ей было девяносто лет — восемьдесят лет она была изгнанницей из страны своего рождения — она забыла молитвы, которым учила ее мать, и ничего не знала о богослужении своих отцов, когда однажды утром она отправила посыльного сообщить миссионерам, что желает их видеть. Она и раньше отказывалась слушать их, если они приходили к ней домой, но они поспешили повиноваться зову, радуясь тому, что им будут рады, хотя и были совершенно не уверены в характере предложенной ею беседы. Она буквально иссохла. Ее лицо было едва ли крупнее детского и сплошь испещрено мелкими морщинками; зубов у нее совсем не было, а[150]рот настолько запал, что нос и подбородок почти соприкасались; ее волосы были не серебристыми, а снежно-белыми, за исключением маленькой пряди у каждого уха, которая все еще сохраняла песочный оттенок детства; ее фигура, которая всегда была хрупкой, искривилась, и конечности больше не могли ее поддерживать. Она восстановила знание своего языка с тех пор, как жила среди белых людей, но “О, - сказала она, когда дамы вошли, - я забыла, как молиться; моя мать научила меня и сказала, чтобы я никогда этого не забывала, хотя больше я ничего не помнила”. И тогда она воскликнула: “О Боже, смилуйся надо мной!” Это выражение она услышала в преклонном возрасте и теперь произнесла его от полноты своего сердца. Сквозь все темные тучи суеверий и языческой слепоты пробился проблеск света, и эта искра зажглась у камина того маленького домика, и она упала в ее сердце из материнских уст, а теперь ожила при воспоминании о материнской любви и ее предсмертном благословении. Прошло восемьдесят лет с тех пор, как она видела лицо этой матери, когда та в муках выдыхала свою душу, склонившись над ней в безмолвных глубинах пустыни, — восемьдесят лет с тех пор, как она слушала “Отче наш, иже еси на Небесах” из уст христианина, и теперь тихий тихий голос, который так долго был приглушен, заговорил громко, и она вздрогнула, как будто ее позвал ангел. Она пыталась подавить это чувство и в течение многих дней после того, как оно проснулось в ее груди, не обращала на него внимания, но оно не давало ей покоя. С тех пор ни один земной голос не напоминал ей, что ее сердце грешно и нуждается в омовении, чтобы стать чистым. Семя, посеянное в нем, когда она была маленьким ребенком, только что дало всходы — снега восьмидесяти зим не заморозили его, плесень почти столетия не погубила его, и тяжелая рука сотни бедствий оставила его невредимым. Она не была в эпицентре разврата,

следовательно, это[151]не было уничтожено. Маленький росток был все еще жив и доказывал, что он был посажен не напрасно.

Пожилая женщина сидела в постели, обложенная подушками, окруженная своими детьми и детьми детей трех поколений, и, подняв свои иссохшие руки и запавшие глаза к небу, еще раз повторила: “Отче наш, иже еси на небесах”, в то время как новый свет, подобный нимбу, озарил ее лицо, слезы ручьями текли по ее щекам, и в темных глазах каждого слушателя блестели слезы сочувствия к ее вновь обретенному счастью.

В течение многих лет она помнила наставления своей матери и повторяла слова молитвы и катехизиса; но по мере того, как она лучше осваивала язык и могла присоединиться к благодарственным молитвам своего нового народа, она перестала заботиться о вере своих отцов. И все же это было связующим звеном между ней и теми, кого называли христианами, и единственным средством, позволившим ей возродить свой родной язык и легко овладеть им. Без этого миссионеры не смогли бы общаться с ней, поскольку они тогда не изучали Сенеку, и те, кто ее окружал, кто понимал и то, и другое, очень мало заботились и знали едва ли больше, чем она, об Искупителе, о котором она хотела услышать.

Когда ее спросили, сожалеет ли она о том, что не согласилась на обмен и не вернулась к друзьям своей матери, она все же ответила “нет”. Она любила индейцев - любила их больше, чем белых людей. Они были добры к ней и щедро обеспечивали ее молодость и старость, и ее дети унаследуют изобилие земель, стад крупного рогатого скота, которые были ее единственным достоянием. Увы! она не знала, что деньги, которые она передала в руки агента для инвестирования в пользу ее семьи, были им беззастенчиво растрачены, так что ни один цент так и не дошел до [152]их рук.¹ Она была богата, но они были ужасно бедны, и тот, кто таким образом обманул ее, был одной крови и не колебался, чтобы не воспользоваться ею, потому что она выросла среди ничего не подозревающих людей, которые не знали, как исправить свои обиды. Ее приемные братья почитали ее выше женщин своих народов — она принимала добро, а не зло, все дни своей жизни; она принадлежала к расе, которую у них были все основания ненавидеть, — расе, которая растоптала их, как, согласно их легенде, буйволы-мамонты топтали леса в своем походе, и все же они уважали ее, любили и почитали. И ее жизнь была не единственным примером такой доброты; не она одна свидетельствует об их добродетелях, об их великодушии, об их истинно христианском духе прощения, об их чистоте, их кротости, их долготерпении и их братской любви до того, как они были обижены и осквернены пороками своих врагов.

Через несколько дней после того, как новый свет озарил ее душу, в 1833 году миссис Джуисон была причислена к мертвым. Она приняла веру, которая не делает разницы между теми, кто приходит в первый и одиннадцатый час; и те, кто присутствовал при распаде души и тела, не сомневались, что Иисус прошептал ей то же утешение, которое снизошло на сердце разбойника на кресте: “В этот день ты будешь со мной в Раю”.

Она была похоронена на кладбище миссии недалеко от Буффало, где покойники представляют собой странное сборище; похоже, что когда-то на этом месте стоял древний форт, а впоследствии оно стало хранилищем праха[153]людей многих наций, и для историка, христианина и путешественника это интересное место.

Не так много лет назад семья миссии была разбужена от своего полуночного сна жалобным плачем младенца. Был ноябрь, и жалобный стон малыша, смешанный с завыванием ночного ветра, когда все вокруг стихло, с поразительной грустью донесся до их ушей. Сначала они подумали, что какая-то одинокая мать в своем отчаянии пришла к ним за помощью, и поспешили открыть дверь бездомному страннику. Но когда они выглянули в темноту, то ничего не смогли разглядеть; тихий голос все еще раздавался, хотя и становился все слабее, как будто его сила иссякала. Они снова принялись за поиски и нашли на пороге крошечную картонную коробку, в которой уютно свернулся младенец — совсем маленький младенец! Вокруг было темно; не было ни матери, ни друга; малышка была там одна — одна, не сознавая своего одиночества.

В крышке коробки было проделано маленькое отверстие, через которое они заглянули и увидели, как шевельнулась крошечная ручка, а затем голубые глаза открылись на свет; но когда они поднесли ее к огню, она была оглушена действием холода и какого-то лекарства, которое приняли, чтобы успокоить ее, и в течение дня не подавала признаков жизни. Затем оно проснулось, и на его лице появилась улыбка, которая казалась лучом с небес. Никогда больше оно не было одиноко. Сердца были привязаны к его маленькому сердечку, и все домочадцы смотрели на него как на сокровище, а не как на обузу. Его грубое одеяло и выцветшее платье доказывали, что он не был изгнан из жилищ богачей, а несколько слов, написанных красивым почерком на порванном и грязном клочке бумаги, доказывали, что его мать не была невежественной, хотя и бедствовала.

“Прощай, моя маленькая крошка! Твоя мать должна покинуть тебя, но пусть Бог позаботится о тебе и найдет тебе друзей!” [154]Затем оно покрылось волдырями от слез и было спрятано в складках одеяла.

Почему мать так бросила свое дитя? Должно ли его невинное имя быть запятнано каким-то темным грехом; или только ужасная бедность толкнула ее на такую жертву? Очевидно, была разорвана сердечная нить, и лоно, на котором она родилась, чтобы покоиться, не было ни холодным, ни твердым. И все же это был выброшенный.

В ту ночь видели, как повозка медленно направлялась к дому миссии, а из соседнего окна было видно, как она остановилась перед дорожкой, ведущей к двери. В то же самое время было отчетливо слышно, как ребенок, очевидно, очень маленький, несколько мгновений плакал, а затем перестал, и повозка двинулась дальше, в сторону большого города. Это все, что его новообетенные друзья когда-либо узнали о нем. Но он стал настоящим солнечным лучом в их жилище и был прекрасен, как херувим. Его рубиновые губы никогда не переставали изгибаться в той же солнечной улыбке, когда до его слуха доносились звуки приятного голоса, и его радостная игривость отзывалась эхом в каждом сердце. Но это был один из тех ярких листьев, которые гниют и ослепляют, а затем опадают.

Те, в чьи руки он был брошен, беспомощные и зависимые, думали, как они могли бы сохранить и питать его? Они тоже были бедны, и это было бы тяжелым бременем.

Меньше чем через год яркий цветок увял и погиб. Вокруг него была обвита каждая струна сердца, и он нашел уютное местечко в каждой груди, когда похолодел и навсегда закрыл на них глаза. Они должны завернуть его в саван и вернуть на землю.

Чтобы показать свою любовь, они вырыли ему могилу под раскидистым орехом, где зеленый холмик был бы защищен от палящего солнца, и следы любви могли бы задержаться, и люди с разбитыми сердцами орошали бы его своими слезами. [155]

Дерн убрали, а темную землю разбросали, и вскоре они подошли к рассыпающимся костям человека. Вероятно, это была могила воина. Но они положили маленького странного младенца ему на грудь и укрыли им, чтобы, возможно, в каком-нибудь далеком столетии его снова потревожили другие люди и более грубые руки.

Рядом живет еще один малыш, чей дедушка был взят в плен почти столетие назад на берегах Джуниаты; чьи мать и бабушка были индианками, и которого в младенчестве отдали в семью миссионеров, чтобы он стал их собственным. Это была маленькая девочка, которую они называли Луизой Марией, и которая, хотя и умерла в раннем детстве, прожила достаточно долго, чтобы стать многообещающим бутонem, да, цветком христианской любви, надежды и веры, агнцем Христова стада. Она принадлежала к классу тех, кто всегда умирает в младенчестве, “чьи имена высечены на надгробиях”. Они совершенствуются без дисциплины земных испытаний и пересаживаются, чтобы цвести как весенние цветы в небесных садах. Жизнь была бы унылой тропинкой без малышей, и в небесном хоре был бы диссонанс без нежной мелодии детских голосов. Незадолго до смерти, когда она неподвижно лежала на кровати, на ее лице появилась милая улыбка, и она сказала: “Я вижу их, мама, ангелы, ангелы окружают меня, приходят, чтобы унести меня отсюда!” а затем она поцеловала каждого друга, как будто прощаясь с ними, чтобы они вернулись снова, и немедленно улетела туда, где живут дети-ангелы.

В том же месте, под тем же раскидистым деревом, был похоронен маленький индийский мальчик, мать которого долгое время была прихожанкой миссионерской церкви.

Был холодный январский день, когда он вернулся немного грустный со своей пьесы и сказал: “Мама, я плохо себя чувствую; ты позаботишься обо мне?” [156]

Его мать была занята и не ответила, и вскоре он снова сказал: “Не могла бы ты положить руку мне на голову, мама, она болит? Я думаю, что заболею и умру, но я попаду на небеса, где живет Бог, и буду счастлив”.

Он никогда раньше не говорил о смерти, и не было известно, думал ли он о ней когда-нибудь особенно. Но теперь он часто говорил: “Я иду к Иисусу, ты должна *оставить* меня, мама. Я не боюсь, я счастлив”. Быстрая чахотка вскоре истощила его фигуру и уничтожила румянец на розовых щеках, но он думал только о светлом мире, в который направлялся.

Их домом была грубая индейская хижина, но мать была утонченной христианкой. Она не умела читать, но выучила язык молитвы. Ее сердце тоже переполняла материнская любовь. Она не знала, как отказаться от него. За несколько мгновений до своей смерти он в большом горе сказал: “Теперь, мама, помолись”. Она опустилась на колени рядом с ним и на своем богатом языке излила Богу свое сердце. Когда она закончила, он сказал: “Кто—то вошел - как приятно он выглядит”. Никто не входил, но он все еще смотрел так, словно созерцал какой-то прекрасный предмет, затем медленно опустил веко на ярко горевший глаз и ушел.

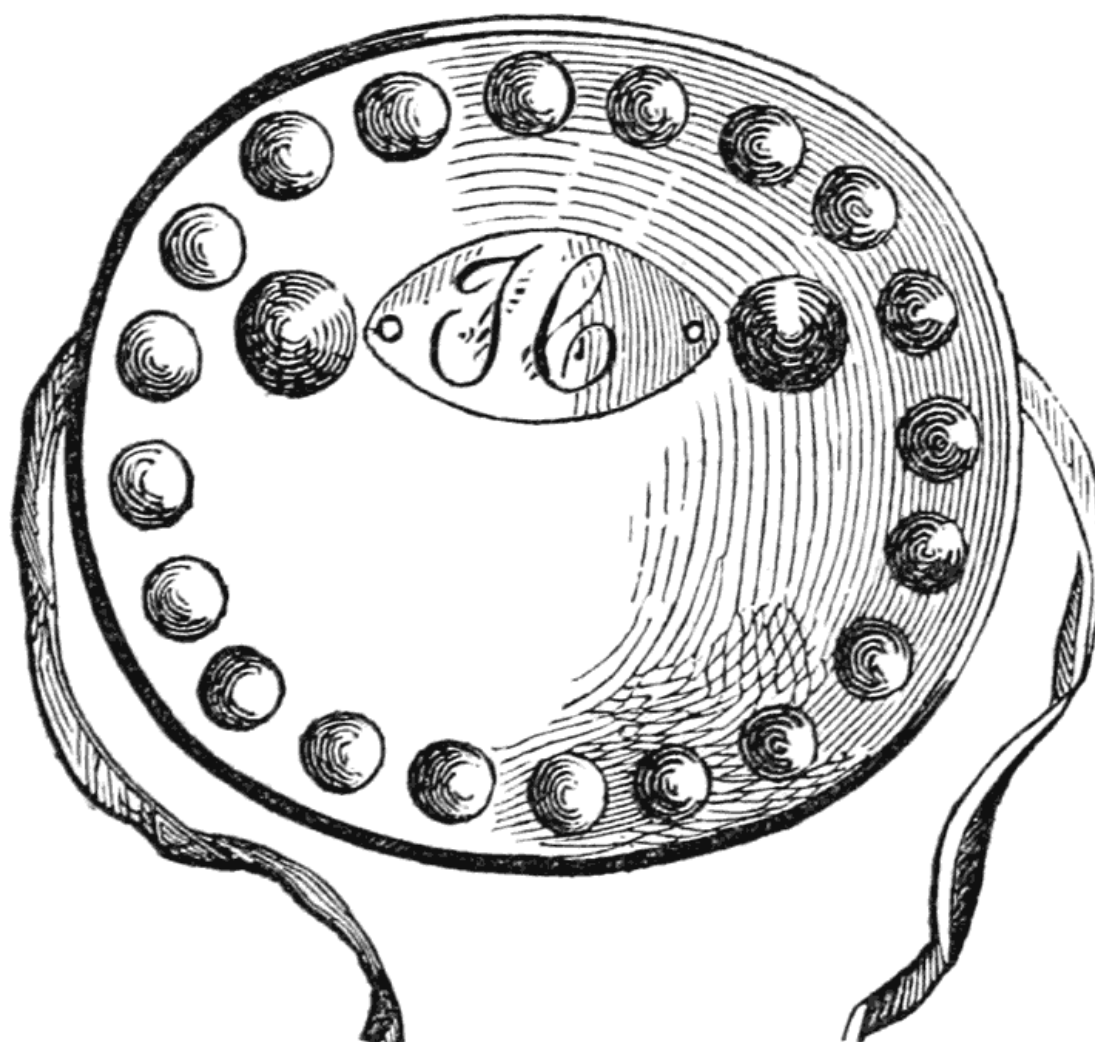
В воротах этого входа в город мертвых был похоронен выдающийся языческий вождь, и повсюду вокруг покоится прах индейских воинов и вождей, печальные останки тех, кто пал в

кровавых битвах задолго до того, как у краснокожих появились какие-либо предания об этом месте. Здесь также много пленников, которых в детстве забрали от христианских очагов, чтобы они стали братьями детей пустыни и были похоронены вдали от своих сородичей в чужой стране, а также старики и старухи, которые в одиннадцатый час пришли трудиться в винограднике Господнем.[157]

Одна пожилая леди, пошатываясь, приходила на собрание, когда казалось невозможным, что ее слабые конечности смогут ее поддержать. Когда было выражено удивление по поводу того, что она пришла в холодную погоду и ей пришлось так далеко идти пешком, она сказала с большой серьезностью: “О! Я всегда буду приходить сюда, пока смогу, и когда мое бедное тело станет слишком слабым, чтобы продолжать, *я буду склонять голову таким образом так часто, как только вернется время молитвы.*

Ее прах теперь смешивается со странной группой в этом странном месте, и все же прошло всего несколько лет с тех пор, как среди них появились посланники лучшей веры. Плоды были богатыми и обильными как среди тех, кто принадлежал к уже ушедшему поколению, так и среди тех, кто все еще живет, полезный и почитаемый в Церкви и обществе, радуя сердца тех, кто усердно и преданно трудился как распорядители Того, кто является Господином виноградника и кто послал их дальше.

Пусть они доживут до того, чтобы увидеть, как пустыня станет плодородным полем, а пустыня - садом под их заботливой опекой, и они будут щедро вознаграждены, когда тоже перейдут Иордан.

[158]

¹ Впоследствии эта сумма была возвращена правительством. [↑](#)

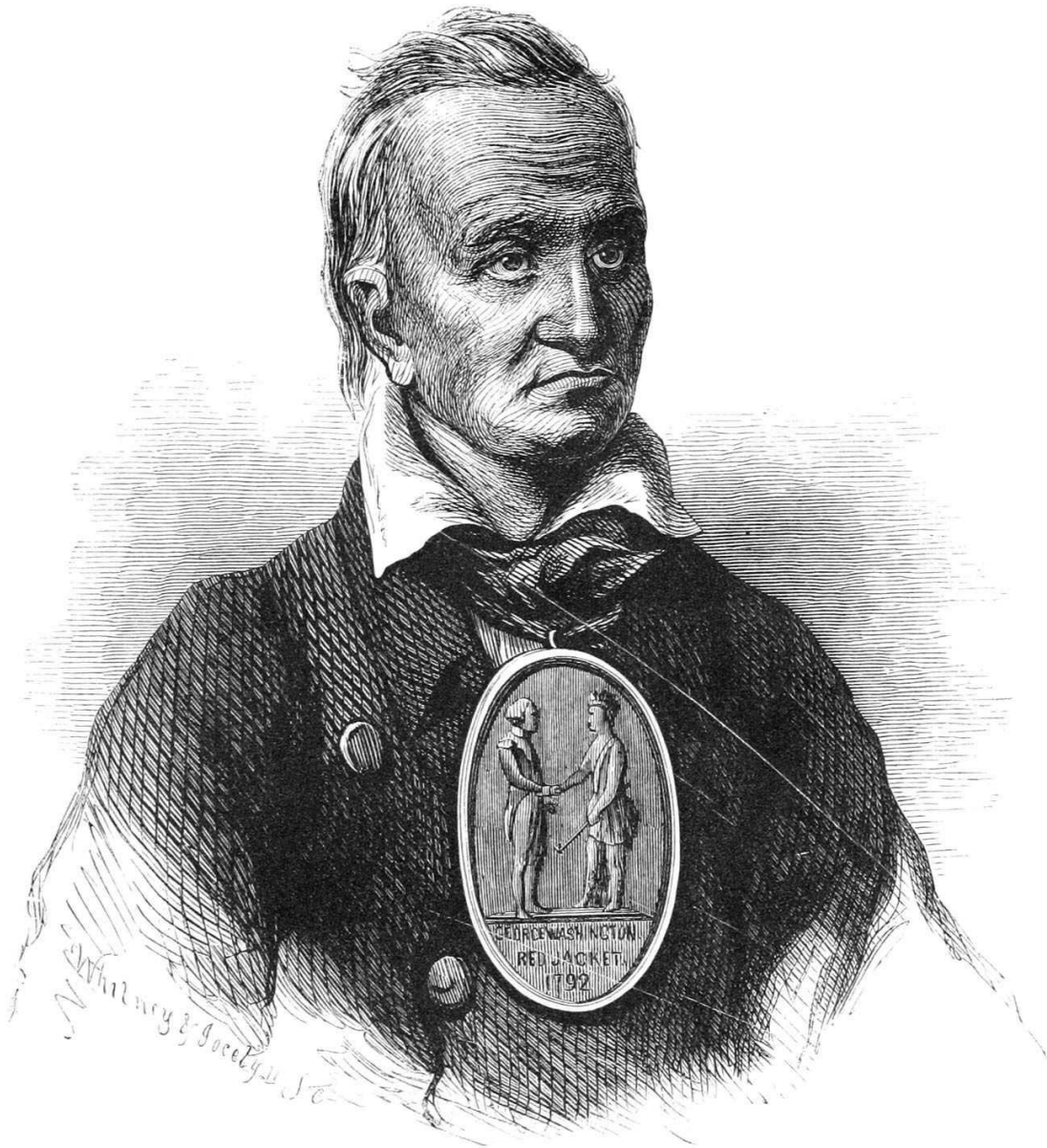
ГЛАВА VIII.

КРАСНОРЕЧИЕ У ИРОКЕЗОВ —КРАСНАЯ КУРТКА, ИЛИ СА-ГО-ЙЕ-ВАТ-ХА.

Храбрость и все воинственные черты отличали все индейские племена, но ораторское искусство было слышно только среди ирокезов; и Форум в лучшие времена Рима, здание парламента Англии или палата Сената в Вашингтоне никогда не звучали более волнующими звуками, чем лесной храм, в котором собирались краснокожие дети дикой природы, чтобы послушать красноречие своего самого выдающегося Вождя Са-го-йе-ват-ха, или, как его привыкли называть люди, “Молодого принца клана Волка”, - в его устах. дни, когда испытания и

горькие обиды пробуждали самые глубокие и возвышенные эмоции в груди необразованного индейца.

Имя, которое Красный Жакет получил в младенчестве, было О-те-тиана и означало "Всегда готов". По обычаю его народа, когда он стал вождем, он взял другого, Са-го-йе-ват-ха, что означает, что Он не дает им спать. Та незначительная, которую он всегда носил после знакомства с белыми людьми, была дана ему из-за красной куртки, в которой его всегда видели, и которая была подарена ему британским офицером в награду за какую-то особую услугу. Оно было богато расшито, и он очень гордился тем, что носил его. Когда один изнашивался, ему дарили другой, так что это становилось знаком отличия и давало ему имя.

КРАСНАЯ КУРТКА.

Поскольку правительство и вся структура конфедерации ирокезов были чистой демократией, немногие рождались с титулами. Все почести нужно заслужить. Иногда семьи добивались своего рода отличия благодаря своей мудрости в совете или храбрости на войне, как это было с Брандтом, великим вождем племени ирокезов; но Красная Куртка имел скромное происхождение даже в глазах своего собственного народа.

Его местом рождения была Канога, к западу от озера Каюга, в 1750 году. Книги повсеместно свидетельствовали о том, что он был трусом; и этот вывод был сделан вполне естественно, возможно, из того факта, что он выступал против войны и редко пользовался томагавком. Но старики его нации, которые знали его и мотивы, по которым он действовал, отрицают это обвинение. Вождь могавков относился к нему с большим презрением и имел привычку повторять различные анекдоты, чтобы посрамить его мужество среди своего народа. Среди ныне живущих стариков, знавших его, есть многие, кто утверждает, что он был храбр и вовсе не лишен тех качеств, которыми они восхищаются в воине. Они называют другие причины его упорного противодействия войне и утверждают, что его исключительная проницательность привела его к пониманию последствий войны для индейцев. В Революционном сражении краснокожие перешли на сторону британцев, полагая, что это отвечает их интересам. Они ничего не могли понять из реальной природы противоречия между двумя соперничающими державами и имели полное право руководствоваться только своими собственными интересами. Когда война закончилась, они увидели, что лишились своей территории и все еще вынуждены спасаться бегством от преследователей. Ирокезы переселились в Канаду, а остатки других народов вернулись в Западный Нью-Йорк. Красная Куртка видел, что индейцев использовали только как инструменты для продвижения интересов белых людей. Почему они должны быть разорваны на части и рассеяны по[160]четырем ветрам, чтобы сражаться в битвах своих врагов? Их воины сражались и проливали кровь, но какова была их награда? Быть изгнанными с земли, которую они защищали. Оставьте их в покое, сказал мудрец и оратор. Давайте останемся на наших землях и позаботимся о себе. Поэтому они называли его трусом; но когда его пророчества исполнились, они увидели мудрость его постановлений. Он видел конец с самого начала, но при всем своем красноречии не смог остановить волну, которая поглощала их. Он был каюгой по отцовской линии, а каюги утверждают, что были вдумчивым и дальновидным народом. Его красноречие никогда не оспаривалось, и то, что он был оратором, было его особой гордостью и хвастовством.

Цицерона обвинили в трусости, а Цезарь, безусловно, был робок, и обоих обвинили в предательстве; но их голоса эхом разнеслись по миру. Красная Куртка был поставлен бок о бок с ними на этой платформе, и если бы он говорил на языке, который ученые могли бы понять и правильно перевести, его слава могла бы сравняться с их славой.

Другие утверждают, что оратор обязательно должен быть трусом. Он обладает только моральным мужеством; а энтузиазм, эмоциональность и тонкое чувство, необходимые оратору, делают невозможными физическое мужество и крепкие нервы. Нет необходимости приписывать все виды величия одному человеку, а Красный Мундир обладал множеством дарований, не считая тех, которые присущи воину.

О его детстве мы, конечно, ничего не знаем; и, как и многие другие, своей знаменитостью он был обязан смутным временам, в которые жил. Способности оратора могут проявляться только в случаях, представляющих большой интерес; а могучий интеллект Красной Куртки не мог

проявиться в теологии, юриспруденции или философии, поскольку индеец был чужд всему этому. [161]

Одно из первых судебных действий молодого Вождя было предпринято в защиту женщин его народа, которым, как я уже говорил, было разрешено оказывать свое влияние во всех общественных и важных делах. В 1791 году, когда Вашингтон пожелал обеспечить нейтралитет Шести наций, для переговоров с ними была направлена депутация, но она не была принята благосклонно, так как многие из молодых вождей были сторонниками войны и перешли на сторону британцев. Женщины, как обычно, предпочитали мир и утверждали, что земля принадлежит им, поскольку они возделывают ее и заботятся о ней, а следовательно, имеют право высказываться относительно использования ее продуктов. Они потребовали, чтобы их выслушали по этому поводу, и сначала сами обратились к депутации со следующими словами: “Брат, Великий Правитель пощадил нас до нового дня, чтобы поговорить вместе; ибо с тех пор, как ты прибыл сюда от генерала Вашингтона, ты и наши дяди сахемы совещались вместе. Более того, ваши сестры, женщины, приняли то же самое во внимание, потому что вы и наши сахемы так много говорили об этом. Так вот, именно по этой причине мы пришли кое-что сказать вам, и сказать вам, что Великий Правитель сохранил вас, и что вы должны услышать и прислушаться к тому, что будем говорить мы, женщины, а также сахемы; *ибо мы хозяева этой земли*, И ОНА НАША! Это мы сажаем его для нашего и их использования. Поэтому выслушайте нас, ибо мы говорим о вещах, которые касаются нас и наших детей; и вы не должны думать о нас плохо, пока наши мужчины не скажут вам больше, потому что мы сказали им ”.

Затем они назначили Красного Пиджака своим оратором, и он продолжил речь своих клиентов следующим образом:

Братья из Пенсильвании: —Вы, посланные генералом Вашингтоном и тринадцатью кострами; вы сидели бок о бок с нами каждый день, и [162] Великий Правитель назначил нам еще один приятный день для новой встречи.

Теперь слушайте, братья: Вы знаете, что это была просьба наших главных воинов, чтобы мы ответили за наших женщин, которые должны решить, что должно быть сделано как сахемами, так и воинами. Так что послушайте, к какому выводу они пришли. Дело, по которому вы пришли, очень хлопотное, и мы долгое время обдумывали это; и теперь старейшины наших женщин сказали, что наши сахемы и воины должны помочь вам на благо их самих и их детей, а вы говорите нам, что американцы решительно настроены на мир.

“Итак, все, что было сделано для вас, было сделано нашими женщинами; остальное будет для нас трудной задачей; ибо люди в “заходящем солнце” - плохие люди, а вы пришли слишком поспешно для таких важных дел. А теперь, братья, вы должны смотреть, когда рассветет утром, до захода солнца, и вы должны вытянуть шею над землей, чтобы вобрать в себя как можно больше света, чтобы показать опасность. И вот слова наших женщин, обращенные к вам, а также к сахемам и воинам, которые пойдут с вами.

“Итак, Брат из Пенсильвании и от генерала Вашингтона, я рассказал вам все, что мне было приказано. Успокойтесь и давайте возложим все заботы на милость Великого Хранителя в надежде, что он поможет нам.

Итак, вместо войны был мир, как это часто бывало бы, если бы можно было услышать голос женщины! и хотя сенека, пересмотрев свои законы и обычаи, в какой-то мере приобщились к

цивилизованному варварству пренебрегать мнением женщин там, где их интересы равны, они все равно не могут подписать договор без согласия *двух третьей матерей!*

В другой раз женщины прислали сообщение, которое [163] доставила для них Красная Куртка, в котором говорилось, что они полностью согласны с мнением своих сахемов о том, что белые люди были причиной всех бед индейцев. Белые люди все теснили и теснили их друг к другу, пока это не вызвало у них сильную боль в сердцах. Одна из белых женщин велела индейцам покаяться; и теперь они, в свою очередь, призывали белых людей к покаянию — они так же нуждались в покаянии, как и индейцы. Поэтому они надеялись, что бледнолицые раскаются и больше не будут причинять индейцам зла.

По окончании военных действий между Соединенными Штатами и Великобританией индейцам, которые были союзниками англичан, пришлось самим заботиться о себе, насколько это было в их силах. Хотя они отчаянно сражались по-своему и причинили нашему народу всевозможные страдания, Вашингтон протянул им руку дружбы и предложил защиту. Его доброта снискала ему благодарность индейцев и обеспечила ему такое благо, какого они не удостоивали ни одного другого белого человека, кроме Уильяма Пенна. Ему позволено войти в рай, хотя и не в пределах священной территории, где обитает красный человек. У входа в Рай разбит прекрасный сад, где цветут самые красивые цветы, а самые величественные деревья леса размахивают своими ветвями. В этом великолепном Эдеме Вашингтон - единственный обитатель, он ходит взад и вперед по цветущим дорожкам, одетый в свою солдатскую форму и совершенно счастливый, хотя с его губ никогда не слетает ни слова. Индусу на пути к его собственным Небесам разрешается взглянуть на человека, которого Великий Дух таким образом почтил, но никаких признаков узнавания не делается, поскольку ничто не должно нарушать его медитации или омрачать совершенное блаженство, которым он должен наслаждаться всю вечность в своей небесной резиденции.

Хотя мы надеемся, что он отправился в более счастливое и [164] восхитительное жилище, чем это, индеец оказал ему величайшую честь, которую только могло вообразить его воображение, и высшее доказательство его уверенности в его доброте и веры в его великодушие; и нам приятно отметить это о нашем любимом Вашингтоне, среди всех обид, которые этот простой народ может рассказать о тех, в чьей власти было пробуждать подобные эмоции и кто предпочел наполнить их негодованием и местью.

Красная Куртка был одним из пятидесяти вождей, которые отправились на совещание с Вашингтоном в резиденцию правительства, где к ним отнеслись с большим вниманием, и они заявили, что удовлетворены тем, что сделано для их народа, и убеждены, что мир и цивилизация теперь их единственная надежда.

Когда они собирались уходить, Вашингтон подарил Красной Куртке большую серебряную медаль со своим изображением, которую он носил до самой смерти и которой очень гордился. Во время этого визита генерал Нокс подарил каждому из начальников военную форму с треуголкой, которую носили офицеры. Когда ему предложили костюм Красной Куртки, он сказал, что, поскольку он не является военным вождем, он не может постоянно носить такое платье, и попросил, чтобы ему выдали другой костюм, более соответствующий его положению. Но когда принесли обычное платье, он отказался отказаться от полкового обмундирования, хладнокровно заметив, что, хотя как сахем он не может носить военную форму в мирное время,

все же во время войны сахемы присоединяются к воинам, и поэтому он сохранит ее до начала войны, когда сможет надеть военную форму с соблюдением приличий.

Однажды, когда его пригласили с несколькими его людьми отобедать в доме офицера, он с большим аппетитом съел множество видов мяса; и, видя удивление хозяина,[165]он заметил, что принадлежит к клану Волков, а “волки всегда любили мясо”.

“Я оратор; я был рожден оратором” - вот и все, чем мог похвастаться Красный Пиджак, уверенный, что в то время его ценили; и всем будущим поколениям его имя останется в наследство, включенное в список вместе с Демосфеном и Цицероном в древности, и Питтом, Рэндольфом и Вебстером в наше время; и хотя он был язычником и принадлежал к грубой, некультурной расе, его пороки были не больше, чем у людей, которые всю свою жизнь прожили под влиянием христианства и заявляли, что верят в чистое Евангелие Нового Времени. Искупитель и управлять их жизнями по Его святой воле и примеру.

Он яростно противодействовал любым попыткам внедрить христианство среди своего народа, поскольку не мог понять, как оно могло быть таким ценным или необходимым, когда он видел, как мало это влияло на поведение белых людей и на зло, которое они причиняли краснокожим во имя своего Бога. Он не мог провести различие между теми, кто обладал религией, и теми, кто ее исповедовал; и поскольку он общался с очень немногими, кто ходил честно, он, естественно, пришел к выводу, что религию, которая ничего не делает для своих последователей, не стоит принимать. Он верил, что Великий Дух сделал краснокожих и белых людей разными; что у них не может быть больше одной веры, чем одного цвета кожи; и когда войны закончатся и им больше нечего будет делать, он хотел полностью отделиться от белых людей и вернуться, насколько это возможно, к их старым обычаям.

Он видел, как его народ чахнет на глазах у бледнолицых, как он однажды сказал в речи перед большим собранием:

“Мы стоим на маленьком островке посреди великих вод. Мы окружены, — мы окружены. Злой Дух скачет на взрывной волне, и воды волнуются.[166]Они поднимаются, они давят на нас, и волны, однажды накрывшие нас, исчезают навсегда. Кто же тогда живет, чтобы оплакивать нас? Никто! Что знаменует наше истребление? Ничто! Мы смешались с обычными элементами”.

Если историки справедливо рассудили, первые миссионеры, посланные к сенекам, были не очень благоразумны и избрали не самый мудрый курс, чтобы сделать свою религию приемлемой для любого народа, и особенно для обиженной и оскорбленной расы.

В 1805 году в страну Шести наций был направлен молодой миссионер по имени Крэм. Был созван совет, чтобы решить, принимать ли его, и после того, как он произнес вступительную речь, Красная Куртка дал следующий ответ:

Друг и Брат: — Такова была воля Великого Духа, чтобы мы встретились вместе в этот день. Он распоряжается всеми вещами и дал нам прекрасный день для нашего совета. Он снял свою одежду с лица солнца и заставил ее ярко сиять на нас. За все это мы благодарим Великого Правителя, и *Только!*

Брат: —Этот костер совета был зажжен тобой. Именно по твоей просьбе мы собрались вместе в это время. Мы с радостью выслушали то, что вы сказали. Вы просили нас свободно высказывать свое мнение. Это доставляет нам огромную радость, поскольку теперь мы считаем, что стоим прямо перед вами и можем говорить то, что думаем. Все слышали ваш голос и могут говорить с вами как один человек. Наши мнения единодушны.

Брат: —Послушай, что мы говорим. Было время, когда наши предки владели этим великим островом. Их места простирались от восхода до захода солнца. Великий Дух создал его для использования индейцами. Он сотворил буйволов, оленей и других животных для [167]еды. Он создал медведя и бобра. Их шкуры служили нам одеждой. Он разбросал их по стране и научил нас, как их добывать. Он заставил землю производить зерно для хлеба. Все это Он делал для Своих краснокожих детей, потому что любил их. Если у нас возникали какие-то споры по поводу наших охотничьих угодий, они обычно разрешались без пролития большой крови. Но злой день настиг нас. Ваши предки пересекли великую воду и высадились на этом острове. Их было мало. Они нашли друзей, а не врагов. Они сказали нам, что бежали из своей страны из-за нечестивых людей и пришли сюда, чтобы насладиться своей религией. Они попросили небольшое место. Мы сжалились над ними, удовлетворили их просьбу, и они сели среди нас. Мы дали им кукурузы и мяса; взамен они дали нам яд (ром).

“ Белые люди, брат, теперь нашли нашу страну. Дошли вести, и к нам пришли новые. Но мы их не боялись. Мы приняли их как друзей. Они называли нас братьями; мы поверили им и предоставили им место побольше. В конце концов, их число значительно увеличилось. Они хотели больше земли; они хотели нашу страну. Наши глаза открылись, и наши умы забеспокоились. Происходили войны. Индейцев нанимали сражаться против индейцев, и многие из наших людей были уничтожены. Они также принесли к нам крепкие напитки. Он был силен и могуществен, и убил тысячи людей.

Брат: —Когда-то наши места были большими, а ваши - маленькими. Теперь вы стали великим народом, а у нас едва осталось место, чтобы расстелить одеяла. Вы получили нашу страну, но не удовлетворены; вы хотите навязать нам свою религию.

Брат:—Продолжай слушать. Вы говорите, что вы [168] посланы, чтобы научить нас, как поклоняться Великому Духу в согласии с его разумом; и если мы не примем религию, которой учите вы, белые люди, мы будем несчастливы в дальнейшей жизни. Вы говорите, что вы правы, и мы заблудились. Откуда нам знать, что это правда? Мы понимаем, что ваша религия записана в книге. Если она была предназначена для нас так же, как и для вас, почему Великий Дух не дал нам — и не только нам, но и нашим предкам — знание этой книги со средствами ее правильного понимания? Мы знаем только то, что вы нам об этом рассказываете. Как нам узнать, когда следует верить, ведь нас так часто обманывают белые люди?

Брат: —Ты говоришь, что есть только один способ поклоняться Великому Духу и служить Ему. Если есть только одна религия, почему вы, белые люди, так сильно расходитесь в этом вопросе? Почему не все согласны, ведь вы все можете прочитать книгу?

Брат: —Мы не понимаем этих вещей. Нам сказали, что ваша религия была дана вашим предкам и передавалась от отца к сыну. У нас также есть религия, которая была дана нашим предкам и перешла к нам, их детям. Мы поклоняемся таким образом. Это учит нас быть благодарными за

все милости, которые мы получаем; любить друг друга и быть едиными. Мы никогда не ссоримся из-за религии.

Брат: Мы не хотим разрушать вашу религию или отнимать ее у вас; мы только хотим наслаждаться своей собственной.

Брат: — Нам сказали, что ты проповедовал белым людям в этом месте. Эти люди - наши соседи. Мы знакомы с ними. Мы подождем немного и посмотрим, какой эффект окажет на них ваша проповедь. Если мы обнаружим, что это пойдет им на пользу, сделает их честными и менее склонными обманывать индейцев, мы снова рассмотрим то, что вы сказали. [169]

Брат: — Теперь ты слышал наш разговор, и это все, что мы можем сказать на данный момент. Когда мы будем расставаться, мы подойдем и возьмем тебя за руку, и надеемся, что Великий Дух защитит тебя в твоём путешествии и вернет в целостности и сохранности твоим друзьям”.

По предложению своего оратора индейцы вышли вперед, чтобы пожать руку миссионеру, но он отказался, сказав: “Между религией Бога и дьяволом не было общения”. Однако индейцы улыбнулись и мирно удалились.

В другой раз Красный Мундир сказал: “Белые люди не были довольны тем злом, которое они причинили его народу, но хотели *впихнуть* им в глотки свои доктрины”.

В беседе с выдающимся священнослужителем, который пытался просветить его на предмет христианской религии, незадолго до своей смерти Красный Пиджак сказал:

Брат: — Если вы, белые люди, убили Сына Великого Духа, то мы, индейцы, не имеем к этому никакого отношения, и это не наше дело. Если бы он появился среди нас, мы бы не убили его; мы бы хорошо обращались с ним; и белые люди, которые убили его, должны быть прокляты за то, что сделали это. Вы сами должны загладить вину за это преступление”.

Когда его пригласили посмотреть мост через Ниагару после того, как он был закончен, он прошелся по нему и осмотрел каждую деталь, явно восхищенный мастерством и наукой, продемонстрированными в строительстве; и когда он собирался уходить, некоторое время смотрел с выражением, которое невозможно передать никаким языком, и медленно произнес эти два слова: “Чертов янки!”

Через несколько лет после первой была предпринята еще одна попытка внедрить миссионеров среди его народа; но никакие [170] аргументы или убеждения не могли заставить его относиться к христианству с благосклонностью.

В другой красноречивой речи он яркими красками описал проклятие, которое, казалось, обрушилось на всех тех индейцев, ставших объектом благочестивых, но ошибочных миссий. “Какими слабоумными, бедными, женоподобными, презренными, пьяными, лживыми, вороватыми, мошенническими, злобными, назойливыми, злоречивыми, сварливыми, униженными и презираемыми стали жертвы цивилизованного обучения; утратив все благородные качества индейцев и приобретя все низменные пороки белых людей”; и затем добавляет:

Брат: — С другой стороны, мы знаем, что Великому Духу угодно, чтобы мы следовали традициям наших отцов; ибо, поступая таким образом, мы получаем его благословение. Великий Дух

обеспечил изобилие. Когда мы голодны, мы обнаруживаем, что лес полон дичи; когда нас мучает жажда, мы утоляем ее у чистых ручьев и родников, которые текут вокруг нас; когда мы устаем, листья деревьев служат нам постелью — мы с удовлетворением ложимся отдохнуть - мы поднимаемся с благодарностью великому Хранителю. Никакая роскошь, никакие пороки, никакие оспариваемые титулы, никакие алчные желания не сотрясают основы нашего общества и не нарушают наш покой и счастье.

Брат: —Нам жаль тебя. Мы хотим, чтобы ты передал нашим хорошим друзьям наши наилучшие пожелания. Сообщите им, что из сострадания к ним мы готовы послать к ним миссионеров, которые научат их нашей религии, нашим привычкам и обычаям. Мы хотели бы, чтобы они были так же счастливы, как и мы, и заверяем их, что если они последуют нашему примеру, то будут гораздо более счастливы, чем сейчас.

Прими этот совет, Брат, и передай его своим друзьям как наилучший залог наших пожеланий твоего благополучия. Возможно, ты думаешь, что мы невежественны и неосведомлены.^[171]Тогда иди и учи белых людей. Возьмем, к примеру, жителей Буффало. Улучшите их мораль и усовершенствуйте их привычки. Сделайте их менее склонными обманывать индейцев. Сделайте белых людей в целом менее склонными к тому, чтобы спаивать индейцев и отнимать у них их земли. Давайте узнавать дерево поцветам, а цветы - по плодам. Когда это станет ясно нашим умам, мы, возможно, будем более готовы выслушать вас.

“Брат:Прощай”.

“Ужасная и горькая сатира!” и хотя она совершенно несправедлива с точки зрения истинной религии, она совершенно неопровержима для языческого ума и является камнем преткновения на пути многих представителей просвещенных сообществ.

Именно *белые люди-язычники* отравили разум великого Вождя и настроили его против миссионеров и их религии. Он считал их врагами своего народа; и те, в чьих интересах было обмануть его, настолько полностью ослепили и сбили с толку его, что он был очень близок к тому, чтобы стать скорее разрушителем, чем спасителем небольшого остатка своей расы. Они, зная, что миссионеры были истинными друзьями индейцев, и понимая их собственные злые козни, хотели изгнать их со своих земель. Был принят закон, согласно которому ни один белый человек не должен селиться в *резервациях*, в которые были переселены индейцы и которые были закреплены за ними законом и договором; и хотя в планы миссионеров и учителей не входило исключение, компании, желавшие получить земли и изгнать индейцев за Миссисипи, воспользовались законом и убедили языческих вождей настаивать на их отъезде. Чтобы подчиниться строгой букве закона, они были обязаны уехать. Как только закон удалось пересмотреть, они вернулись снова; и сейчас мало найдется среди Вождей или народа, кто не признает ^[172]их своими лучшими друзьями и признает, что их влияние служит их истинным интересам, как мирским, так и духовным; и они быстро становятся настолько просвещенными Евангелием и всеобщим образованием, благодаря своему неутомимому рвению, что им в будущем не грозит опасность со стороны коварных и беспринципных спекулянтов.

Перед смертью Красная Куртка начал по-настоящему различать своих друзей и врагов и понимать бескорыстную дружбу миссионеров.

Он всегда очень доверял квакерам; как мы предполагаем, из-за того факта, что ни один сухопутный житель никогда не принадлежал к этой секте. В своих первых сношениях с

индейцами они, к счастью, были более осмотрительны в мерах, которые принимали, чтобы продвинуть их во всех искусствах культурной жизни. Как однажды сказал великий Вождь: “Они дают нам плуги и показывают, как ими пользоваться; они дают нам советы в наших бедах и учат нас, как устроиться поудобнее; они приносят нам большое благо — мы довольны тем, что они делают”.

Колдовство каралось смертью по законам Шести наций, и часто случалось, что людей обвиняли в применении силы колдовства к отдельным людям, когда болезнь нельзя было объяснить никаким другим способом, и их искусство не оказывало никакого эффекта в исцелении. Случай такого рода стал поводом для одной из самых саркастических речей Red Jacket.

Женщину обвинили в смерти индейца, чью затяжную болезнь они не могли понять, и по их законам приговорили к смерти. Тот, кто был назначен ее палачом, дрогнул в час испытания, и другой, более смелый, шагнул вперед и приставил нож к ее горлу. Индейцы не подчинялись законам Соединенных Штатов в том, что касалось их собственных внутренних дел, и имели^[173] право вершить правосудие так, как им заблагорассудится; но некоторые из их соседей, будучи шокированы таким упрощенным разбирательством, арестовали убийцу и посадили его в тюрьму. Был проведен судебный процесс, и были приложены все усилия, чтобы добиться осуждения и, конечно, повешения обвиняемого, которого звали Томми Джемми; но индейцы настаивали на том, что женщина была осуждена и казнена так же законно, как был бы казнен Томми Джемми, если бы его им выдали, и если в одном случае это было убийство, то в другом оно было бы убийством.

Красная Куртка, видя, что их вера в ведьм стала предметом насмешек, ответил следующими словами:

“ Что! вы называете нас дураками и фанатиками, потому что мы все еще верим в то, во что вы сами верили всего два столетия назад? Ваши черные мундиры громко провозглашали это учение с кафедры; ваши судьи провозглашали его со скамьи подсудимых и подкрепляли его формальностями закона, а теперь вы хотите наказать нашего несчастного брата за приверженность вере его отцов и вашей! Отправляйся в Салем! Загляните в архивы вашего собственного правительства, и вы обнаружите, что сотни людей были казнены за то самое преступление, которое привело к вынесению приговора этой женщине и обрушило на нее руку возмездия. Что сделали наши братья больше, чем сделали правители вашего народа? И какое преступление совершил этот человек, вкратце исполнив законы своей страны и приказ Великого Духа?”

Говорят, что его вид был гораздо ужаснее его слов; и его глаза, когда они горели негодованием, были устрашающими в своем блеске. Он добился своего, и заключенный был освобожден. ^[174]

ГЛАВА IX.

САРКАЗМ И ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ — КРАСНАЯ КУРТКА, ИЛИ СА-ГО-ЙЕ-ВАТ-ХА.

В книге "Жизнь мистера Стоуна в красной куртке" рассказывается об интересном интервью, которое состоялось между преподобным доктором Брекенбриджем и великим индийским оратором, и я передаю его в том виде, в каком его дал этот автор, словами того, кто его написал:

“Первая возможность увидеть этого заслуженно прославленного индейского вождя, Красную Куртку, представилась мне в 1821 году в резиденции генерала Портера в Блэк-Роке, штат Нью-Йорк. Находясь в гостях у генерала и его семьи, мне показалось особенно подходящим случаем познакомиться с великим оратором Сенекой, племя которого проживало в нескольких милях от Блэк-Рока. Генерал Портер поддержал индийских воинов, которые сражались вместе с нами на этом рубеже во время последней войны с Великобританией под его командованием. По этой причине — благодаря его высокому характеру — его близкому знакомству с Вождями и его известной привязанности к этим интересным людям, он имел на них большое влияние; и его оплакиваемая леди, которая, не будет не деликатным с моей стороны сказать, была моей сестрой, своей добротой завоевала суровые сердца всех их лидеров. Таким образом, их объединенное влияние и мое близкое родство с ними сразу обеспечили мне доступ к Вождям и полное их доверие. [175]

“У меня было не только большое желание увидеть Красную Куртку, но и воспользоваться этой важной возможностью, чтобы исправить некоторые из его ложных представлений о христианстве и миссионерах, обосновавшихся в его племени. С этой целью было решено пригласить Красную Куртку и других вождей сенека посетить Ко-на-шус-та и встретиться с его братом в его доме. Приглашение было передано соответствующим образом и очень быстро и уважительно принято.

В назначенный день они явились в надлежащей форме во главе с Красной Курткой, в количестве восьми или десяти человек, помимо него самого. На нем было синее платье, верхняя одежда, скроенная по образцу охотничьей рубашки, синие леггинсы, красная куртка и красный пояс вокруг талии. Я редко видел более достойную группу мужчин, чем вся эта группа. Похоже — хотя условия приглашения и не предполагали, что это произведет такое впечатление, — что в их умах зародилось какое-то неопределенное ожидание встречи с официальным агентом по важному делу. И мы, как народ, так недостойно вмешивались в их дела и с ними так плохо обращались, и многие из их наиболее важных договоров были в такой степени результатом частных и развращающих призывов, что они вполне естественно искали какой-то злой умысел в каждом подходе к ним, каким бы открытым и простым он ни был. Так было и в этот раз. Как только церемония представления была закончена с вытекающей из этого вежливостью, старый оратор сел посреди круга Вождей и, перекинувшись с ними парой слов, за которыми последовало общее согласие, он продолжил в очень серьезной и повелительной манере — всегда говоря на своем нервном языке через переводчика — обращаться ко мне, по существу, следующим образом:

“Наши добрые друзья (указывая на генерала и его супругу) пригласили нас приехать в Блэк-Рок [176], чтобы встретиться со своими братьями. Мы рады преломить хлеб и выпить с ними чашу

дружбы. Они большие друзья нашего народа, и мы их очень любим. Ко-на-шус-тах - великий мужчина, и у его женщины нет никого похожего на нее. Мы часто приходим к ним домой. Мы благодарим их за то, что они пригласили нас прийти сегодня. Но, как и просили все Вожди, мы ожидали важного разговора. Итак, мы здесь, какое у вас дело?"

Это, как легко можно предположить, было неловкое положение для молодого человека, только что окончившего колледж. Я сделал паузу. Все лица были устремлены на меня, в то время как Красный Мундир, в частности, казалось, изучал меня своим острым взглядом и чувствовал, что частный и неформальный характер встречи и крайняя молодость этого человека вряд ли соответствовали характеру и количеству приглашенных гостей; и вся его манера поведения подразумевала, "что если бы не ради генерала и его хороших друзей, я бы подождал, пока вы придете ко мне". С этими впечатлениями о его чувствах я продолжил говорить в ответ:

"Что я счел бы весьма самонадеянным с моей стороны посылать за ним одним — и тем более за всеми вождями его племени - приехать так далеко, чтобы повидаться со мной; что моим намерением было навестить его и других вождей в его городе; но генерал и его супруга не могли поехать со мной, чтобы представить меня; и мы вовсе не были уверены, что застанем его и других вождей дома; во всяком случае, дом генерала был самым удобным. Что касается меня, то я был молодым человеком и не имел с ними никаких дел, за исключением того, что я много слышал о Красной Куртке и хотел увидеть его и послушать, что он говорит; и что я отвечу на его визит и покажу ему, что мы послали за ним не из неуважения, а из уважения к нему и большого желания увидеть его — так белые люди уважают друг друга".[177]

Миссис Портер немедленно подтвердила мои слова и особо отметила гостеприимство этого дома и мое огромное желание увидеть "Красную куртку". Ее призыв, добавленный к ответу, смягчил строгость его поведения и поведения других Вождей, в то же время избавив нашу беседу от всех болезненных чувств.

"После этого общего разыгрывания сцены Красный Пиджак фамильярно повернулся ко мне и спросил: 'Кто ты такой? Вы говорите, что вы не правительственный агент; вы игрок (имеется в виду земельный спекулянт), или чернокожий - или кто вы такой?'"

Я ответил: "Я еще слишком молод, чтобы заниматься какой-либо профессией, но надеюсь когда-нибудь стать чернокнижником".

Он самым выразительным образом поднял руки, сопровождая это взглядом; и хотя не было произнесено ни слова, все прекрасно поняли, что он очень отчетливо выразил свое чувство: 'Какой дурак!' Но меня слишком часто призывали нести позор креста от тех, кого называли "великими и мудрыми" средибелых людей, чтобы удивляться его поведению; и я был слишком озабочен тем, чтобы заручиться его добрыми чувствами, чтобы пытаться что-либо возразить. Итак, я овладел собой и, делая вид, что не замечаю его, продолжил рассказывать ему кое-что о наших колледжах и других учебных заведениях.

Последовало много общих разговоров, адресованных то одному, то другому Вождю, и мы как раз подходили к часу обеда, когда наше совещание внезапно было прервано прибытием запыхавшегося гонца, сообщившего, что старый Вождь, чье имя я забыл, только что умер, и другие Вожди срочно нужны для участия в его похоронах. Один из Вождей прослезился при этой новости; все казались серьезными, но остальные подавили свои чувства и провели несколько минут в очень[178]серьезном разговоре, результат которого Красная Куртка объявил

нам. Они решили немедленно вернуться в свою деревню, но согласились оставить Красную Куртку и его переводчика. Напрасно их уговаривали подождать до окончания обеда или подкрепиться чем-нибудь по дороге. Наскоро попрощавшись, быстрыми шагами они вышли из дома и ближайшей тропинкой вернулись домой.

“Это происшествие избавило меня от одной трудности: оно позволило мне увидеть Красную Куртку на досуге в одиночестве. Казалось, это также смягчило его чувства и сделало его более приветливым и добрым.

“Вскоре после ухода Вождей нас пригласили на ужин. Красный Мундир вел себя очень пристойно во всех отношениях; в то время как его переводчик, хотя и наполовину белый, после нескольких неуклюжих попыток овладеть ножом и вилкой обнаружил, что отстает; и, повторяя пословицу, которую часто цитируют, чтобы описать тот же стиль ковыряния куриной кости нашими белыми сорванцами, *“что пальцы были сделаны раньше вилок”*, он с неподдельным удовольствием и большим юмором принялся наверстывать упущенное время за всеми частями своего обеда. Когда все закончилось, я пригласил Красную Куртку в кабинет генерала, где у нас состоялась четырехчасовая интереснейшая беседа на самые разные темы, но в основном связанная с христианством, правительством Соединенных Штатов, миссионерами и его любимыми землями”.

Именно во время этой беседы ему были настолько объяснены цели спекулянтов, что он понял их злые замыслы; и истинная природа миссионерского предприятия стала ясна его пониманию, так что впоследствии его вражда никогда не была такой ожесточенной.

Когда его заверили, что тем курсом, которого он придерживался, он делал больше, чем кто-либо другой, чтобы расколоть и изгнать[179]свой народ, и что влияние учений миссионеров заключалось в их сохранении, он схватил за руку говорившего и сказал: “Если это так, то для меня это ново, и я запомню это (указывая на его благородный лоб) и расскажу об этом вождям и народу”.

Доктор Б. продолжает: “Красной Куртке в то время было около шестидесяти лет, и у него был обветренный вид, вызванный возрастом и, более всего, невоздержанностью; но в целом его внешность была поразительной, а лицо благородным. Его высокий и выпуклый лоб, пронзительный черный глаз, мягко изогнутые губы, тонкие щеки и слегка орлиный нос — все это свидетельствовало о великом человеке; и, поддерживаемое и выражаемое его величественным видом, производило глубокое впечатление на всех, кто его видел. Все эти черты лица стали вдвойне выразительными, когда его ум и тело пришли в движение от усилия говорить — если это можно назвать усилием, которое потоком срывалось с его губ. Я видел его на закате жизни и слышал только наедине и через глупого и нерадивого переводчика. И все же, несмотря на эти недостатки, он был одним из величайших и красноречивейших ораторов, которых я когда-либо знал. Его интонация была размеренной и в то же время очень музыкальной; и когда он возбуждался, он вскакивал на ноги, поднимал голову, раскидывал руки и произносил с неопишуемым эффектом манер и тона некоторые из своих самых благородных мыслей”.

Генерал Портер говорит о нем как о человеке, наделенном большими интеллектуальными способностями, который как оратор был не только непревзойденным, но и не имел себе равных среди своих современников. Хотя те, кто не знал его языка, не могли в полной мере оценить силу и красоту его речей, когда они передавались через переводчика, — обычно грубого и

неуклюжего, — все же такова была особая грация его личности, поз и действий, [180]и мягкие тона его диалекта Сенеки, и такой удивительный эффект производился на ту часть слушателей, которые полностью понимали его, и чьи души, казалось, были поглощены и унесены оратором, что все слушали его с совершенным восторгом. Его фигуры часто были такими возвышенными, такими уместными и такими красивыми, что переводчик часто говорил, что английский язык недостаточно богат, чтобы отдать ему должное.

Другой джентльмен говорит: “Очевидно, что лучшие переводы индийских речей не могут передать красоту и возвышенность оригиналов, особенно такого оригинала, как "Красная куртка". Мне посчастливилось слышать его несколько раз, но только в последние годы, когда его силы были ослаблены возрастом и невоздержанностью; но я никогда не забуду впечатления, произведенного на меня, когда я впервые увидел его в совете. В английском языке нет фигур, которые могли бы передать истинный смысл оригинала, но, несмотря на то, что я читал через неграмотного переводчика, я увидел разрозненные части великолепной речи”.

Однажды, говоря о вторжениях белых людей, он использовал следующий образный язык:

“Сначала мы знали тебя слабым растением, которому требовалось немного земли, на которой можно было бы расти. Мы дали это тебе; и позже, когда мы могли растоптать тебя своими ногами, мы поливали и защищали тебя; и теперь ты превратился в могучее дерево, вершина которого достигает облаков, а ветви покрывают всю землю, в то время как мы, которые были высокими соснами в лесу, превратились в хилое растение и нуждаемся в твоей защите.

- Когда ты впервые пришел сюда, ты обнял нас за колени и назвал *отцом*; мы брали тебя за руки и называли братьями. Вы стали больше нас, настолько [181], что мы больше не можем дотянуться до вашей руки; но мы хотим обхватить ваше колено и называться вашими детьми”.

О домашнем характере и привычках великого индийского оратора мы, конечно, знаем очень мало. У цивилизованных или христианских народов не было обычая рассказывать об этой части жизни тех, кто стал выдающимся среди них, и у нас нет возможности узнать много нового о домашней жизни индейцев.

Мы знаем, что Ред Джекет расстался со своей первой женой после того, как она стала матерью нескольких детей, и что предполагаемой причиной была ее неверность. Отвращение, которое он впоследствии проявлял к ней, соответствует его известной моральной чистоте характера.

То, что он питал отцовскую любовь к своим детям, мы можем видеть из следующих прекрасных выражений, которые он использовал в ответ даме, которая спросила, есть ли у него кто-нибудь живой, поскольку она знала, что нескольких из них забрали.

Устремив на нее взгляд со скорбным выражением лица, он ответил:

Когда-то Красная Куртка был великим человеком и пользовался благосклонностью Великого Духа. Он был высокой сосной среди деревьев поменьше в лесу. Но после долгих лет славы он унизил себя, выпив огненную воду белого человека. Великий Дух взглянул на него в гневе, и его молния сорвала с сосны ветви”.

Если бы он ненавидел белых людей настолько, чтобы противостоять их искушениям, он мог бы стать славой и спасителем своего народа. Слово, которое у Сенеки используется для обозначения крепкого напитка, очень верно и выразительно описывает его как *разрушитель*

разума. Это был его офис, и если бы благородный ум Красного Мундира не был разрушен его деятельностью, он бы ясно разглядел темные заговоры[182]своих врагов и смог бы противодействовать заговору, направленному на их уничтожение, и таким образом спас свой народ из рук их преследователей. Его падение часто цитируют как доказательство слабых и порочных наклонностей расы, которую бесполезно пытаться поставить на один уровень с англосаксами.

Возможно, необходимо признать, что саксонец превосходит всех остальных, поскольку все остальные отступают и чахнут перед ним. Но это превосходство не дает им права претендовать на большее количество добродетелей, чем могут похвастаться многие другие. Я знаю, что у нас принято гордиться своими успехами завоевателей и разрушителей, но все же прискорбно, что наши национальные черты далеки от христианских. Именно используя жестокие и отвратительные средства, мы стираем следы существования целых народов и стираем королевства, как вода стирает кровь. Нация христиан, как бы она ни называлась, не могла бы таким образом завоевывать и уничтожать. Если бы только воина отрубили, а томагавк и нож для скальпирования похоронили, страницы индийской истории не были бы такими мрачными. Но они запятнаны кое-чем хуже крови. Они пропитаны слизью лжи, алчности, предательства, пьянства и всех видов разврата. Когда индейцы перенимают цивилизацию, среди всего числа тех, кто становится рабами порока, не больше тех, кто имеет место среди белых людей.

Красный Мундир стал неводержанным, — но сколько членов каждого Сената и Палаты представителей с момента формирования нашего правительства стали такими же? Сколько самых ярких имен в нашем историческом свитке было бы вычеркнуто, если бы позволили остаться только добродетельным?

Я не могу узнать, был ли он пристрастен к какому-либо другому унижительному пороку.

В качестве одного из доказательств того, что у индейца было интуитивное [183]восприятие приличий, можно привести случай, произошедший, когда джентльмен путешествовал с группой индейских вождей и их переводчиком. Красный Пиджак был одним из участников вечеринки, но он был одинаково серьезен. Остальные были очень склонны к веселью, и однажды вечером, когда они собрались у костра в бревенчатой хижине, веселье было таким большим, а беседа такой шутилой, что Красная Куртка испугался, что незнакомец, который не понимал их языка, подумает, что с ним обошлись невежливо, и сделает вывод, что их забава была за его счет. Он явно наслаждался их счастьем, хотя и не принимал в нем участия; но через некоторое время он заговорил с мистером Пэришем, переводчиком, и попросил его повторить несколько слов мистеру Хоспресу, которые были следующими:

“Шторм доставил нам неудобства; теперь нам тепло и уютно; он заставил нас почувствовать себя бодрыми и веселыми; но я надеюсь, что наш друг, который путешествует с нами, не пострадает от этого веселья и не подумает, что мы пользуемся его незнанием нашего языка, чтобы каким-либо образом сделать его предметом насмешек”.

Убедившись, что у присутствующих благородных людей не может быть подобных подозрений, они возобновили свое веселье, а Красный пиджак стал серьезнее.

Когда Лафайет был офицером Революционной армии, он встретил Красную Куртку на заключении мирного договора в форте Стэнвикс в 1787 году, где индийский оратор красноречиво выступил против “захоронения томагавка”. Когда он снова посетил эту страну в

1825 году, они встретились в Буффало, и генерал Лафайет отметил, что время произвело большие изменения на обоих с момента их первой встречи. “Но, ” возразил Красный Мундир, - он был не так суров с тобой, как со мной. Он оставил тебе свежее лицо и волосы, чтобы покрыть твою голову; а мне... смотри!” и, сняв[184]покрывало со своей головы, он показал, что был почти лыс. Но Лафайет не оставил его в столь суровых размышлениях о времени, а доказал ему, что разрушения были почти одинаковыми для обоих, сняв парик и обнажив голову, почти такую же лысую, как у Вождя; на что он с большой шуткой заметил, что скальп, снятый с какого-нибудь случайного прохожего, точно так же вернул бы ему молодость!

За несколько лет до этого молодой французский дворянин посетил Буффало и, наслышанный о славе Красной Куртки, прислал ему сообщение, что желает его видеть, пригласив приехать на следующий день. Красный Пиджак получил сообщение и изобразил большое презрение, сказав: “Скажи молодому человеку, если он захочет навестить старого Вождя, он найдет его среди своего народа, где другие незнакомцы выражают ему свое почтение, и Красный Пиджак будет рад его видеть”. Граф прислал ответное сообщение, что совершил долгое путешествие и устал; что он проделал весь путь из Франции, чтобы увидеть великого оратора нации Сенека, и надеется, что тот не откажется встретиться с ним в Буффало.

“Скажите ему, - сказал саркастичный Вождь, - что странно, что он приехал так далеко, чтобы повидаться со мной, и остановился в семи милях от моего домика”.

Итак, молодому французу пришлось искать графа в его вигваме, после чего он согласился отобедать с графом в Буффало и был назван им большим чудом, чем сама Ниагара.

Однажды его посетил джентльмен, который говорил без умолку и без всякой цели, подходил совсем близко к человеку, к которому обращался, и болтал о чем-то так же внятно, как сорока. Красный Пиджак, получив сообщение о том, что его желает видеть незнакомец, оделся с особой тщательностью и вышел со всем своим достоинством. Его проницательному глазу было достаточно одного взгляда, чтобы понять характер своего гостя; и, прислушиваясь несколько мгновений[185]с презрением во всех чертах лица, он подошел к нему вплотную и воскликнул: “Ча! ча! ча!” - так быстро, как только мог произнести он, и повернулся на каблуках к своей хижине, “прямой, как индеец”, и не соизволил оглянуться, когда увидел дом, в котором жил джентльмен, который на этот раз лишился дара речи!

Его тщеславие бросалось в глаза. Он полностью осознавал свою значимость и был склонен сообщать об этом другим при каждом удобном случае. Полковник Пикеринг часто нанимался правительством для ведения переговоров по международным договорам и записывал речи послучаю в письменном виде. Одно время, когда Красный Пиджак был оратором, он думал, что обратит внимание на слова переводчика, пока говорит сам Вождь. Он сразу же сделал паузу, и когда его попросили продолжить, сказал: “Нет, пока вы держите голову опущенной”.

“Почему ты не можешь говорить, пока я пишу?”

- Потому что, если ты посмотришь мне в глаза, ты поймешь, говорю ли я тебе правду.

В другой раз он повернул голову, чтобы заговорить с третьим лицом, когда Красная Куртка очень надменно упрекнул его, сказав: “Когда говорит Сенека, его следует слушать со вниманием от одного конца этого огромного острова до другого”.

Когда он вернулся из Филадельфии, у него вошло в привычку использовать свои ораторские способности, чтобы украсить прием, оказанный ему, и он собирал вокруг себя вождей и людей своей страны и, одетый в свою форму, с треуголкой под мышкой, олицетворял Президента и кланялся всем присутствующим, как будто они были компанией в большом салоне, подражая манерам и жестам оригинала с истинным изяществом и достоинством, а затем развлекал свою аудиторию комплиментами и вниманием, которые были оказаны ему.[186]

Когда его приглашали пообедать или присутствовать на любом светском празднестве среди белых людей, он с удивительным тактом соблюдал обычаи, с которыми был незнаком, — никогда не выказывал никакого удивления и не задавал никаких вопросов, пока не мог посоветоваться с каким-нибудь другом, насмешек которого он не боялся. Вернувшись из Филадельфии, где он обедал с генералом Вашингтоном, он попросил следующего объяснения.

Он сказал, что за его стулом стоял мужчина и время от времени убегал со своей тарелкой, ножом и вилкой и тут же возвращался с другими. “Итак,” сказал Красный Пиджак, “для чего это было нужно? Ему сказали, что на столе Президента было множество блюд, и каждое было приготовлено по-своему, и к каждому новому блюду гостям подавали новую тарелку. “О,” сказал он, на мгновение задумавшись, “неужели это все? Тогда вы должны предположить, что тарелки, ножи и вилки сохраняют вкус приготовленной пищи?” Услышав утвердительный ответ, он сказал: “Но я бы предположил, что вкус останется во рту дольше, чем на тарелке”. Ему сказали, что это было принято запивать вином. “О,” сказал он, “теперь я это понимаю. Я подумал, что для такого распространенного обычая у вас должна быть какая—то веская причина, и теперь сожалею, что не знал этого, когда был в Филадельфии; потому что в тот момент, когда мужчина убежал с моей тарелкой, я бы пил вино, пока он не вернулся с другой, потому что, хотя я люблю поесть, я больше люблю выпить”.

Мы привыкли считать индейское покрывало признаком варварства и чего угодно, только не достоинства и изящества. И все же *тогда* римского оратора никогда не облегала его благородную фигуру с большим изяществом и достоинством, чем простая мантия Вождя племени Сенека, когда он встал, чтобы обратиться к индийской аудитории. Поправление его одежды всегда было сигналом, по которому было известно[187], что он собирается встать. Джентльмен, близко знавший его на протяжении полувека, говорит, что он был самым изящным оратором, которого он когда-либо слышал. Его рост был выше среднего; его глаза были прекрасными и выражали интеллект, который придавал им огонь; он говорил свободно, но не слишком быстро; с достоинством и статностью, без жесткости. Вставая, он поворачивался к индейцам и просил их обратить внимание на то, что он собирался сказать от имени комиссара Соединенных Штатов. Затем он поворачивался к комиссару и, слегка, но с достоинством наклонив голову, начинал. Этикет во все времена был характерной чертой индийского совета. Если оратор опускал то, на чем, по мнению кого-либо из присутствующих, важно было остановиться подробнее, он садился совсем рядом с оратором и тихим и деликатнейшим образом шептал свое предложение. Поскольку у них не было письменных документов, их воспоминания были табличками, на которых были выгравированы все важные события, и они часто были более достоверными, чем свитки ученых.

На совете, который проводил с Сенеками генерал Томпкинс из Нью-Йорка, возникла дискуссия относительно какого-то пункта договора, заключенного несколькими годами ранее. Агент

заявил одно, а индейский вождь - другое, настаивая на своей правоте. Ему ответили, что это написано на бумаге и должно быть так.

“Значит, бумага говорит неправду, ” сказал оратор, - потому что у меня это написано здесь (приложив руку ко лбу). Вы, янки, рождаетесь с пером между пальцами, но ваша газета не говорит правды. Индеец хранит здесь свои знания; это книга, которую дал ему Великий Дух, и она не лжет”.

При более детальном изучении документов было обнаружено, что индийская летопись действительно была самой точной! [188]

Несмотря на любовь к хорошим вещам, Красная Куртка с большим презрением относился к сластолюбцам. Говоря об индейце, которого звали *Горячий хлеб*, и который был известен своей ленью и обжорством, он воскликнул: “Вау! большой человек здесь (кладет руку на живот), но очень маленький человек здесь”, - он многозначительно проводит ладонью по лбу.

То, что он боялся зрелищ человеческих страданий, возможно, и было причиной его отвращения к тропе войны. Ему не нравилось смотреть на кровь.

Однажды, когда трое молодых людей должны были понести смерть через повешение и толпы людей устремились к этому месту, его встретили спешащим в противоположном направлении. Когда его спросили, почему он не пошел посмотреть на казнь, он ответил: “Там и так достаточно дураков; поле битвы - это место, где можно увидеть, как умирают люди”. Глядя на толпы, толпящиеся вокруг виселицы, можно, конечно, подумать, что ни христианские, ни человеческие чувства не переполняют грудь цивилизованных существ.

Долгое время попытки уговорить Красную Куртку позировать для его портрета были безрезультатными. “Когда Красный Мундир умрет, - говорил он, - все, что принадлежит ему, тоже умрет”. Но, в конце концов, воззвание к его тщеславию возымело действие, и, получив заверения, что его картину хотят повесить вместе с портретами Вашингтона, Джефферсона и других великих людей в Национальных галереях, он согласился; и, однажды нарушив свое решение, больше не сопротивлялся, и его написали несколько художников. Снимок Вейра считается лучшим и был сделан во время визита Шефа Полиции в Нью-Йорк в 1828 году по просьбе доктора Фрэнсиса. Он с особой тщательностью облачился в костюм, который, по его мнению, был наиболее подходящим, украшенный его блестящей военной формой, томагавком и медалью Вашингтона. Затем он сел в большое кресло [189], в то время как вокруг него группы индейцев полулежали на полу. В то время ему было более семидесяти лет, но он был высок, строен и крепок, хотя на его фигуре и лице было много следов времени и распушенности. Он выказал огромное удовольствие, когда очертания картины расширились, и особенно когда его любимая медаль проявилась в полном рельефе; а когда картина была закончена, вскочил на ноги и, пожав руку художнику, воскликнул: “Хорошо! хорошо!”

Один из тех, кто знал его, замечает: “Его черты лица достойны восхищения, а его величественный фасад демонстрирует высоту, превосходящую все остальные человеческие черепа, которые я когда-либо видел”.

Его ранняя юность прошла в прекрасной долине Генези; там были его любимые охотничьи угодья, и там любила задерживаться память о нем. Во время войн и еще более ожесточенных споров, связанных с договорами, он очень мало предавался своему любимому занятию; и когда

наступил день относительного затишья, он в компании друга взял ружье и отправился в путь в надежде поймать оленя для забавы из своего ружья. Они прошли совсем немного, когда перед ними открылась *поляна*. Презрительно усмехнувшись, старик отвернулся и побрел в другом направлении. Через некоторое время он подошел к другому и, заглянув через забор, увидел белого человека с плугом в руках, который вспахивал землю темными бороздами на большом поле. Он снова печально повернулся и углубился в лес, но вскоре перед ним открылось другое открытое поле; и хотя он всю свою жизнь был подавлен горестями своего народа, сейчас он впервые сел и заплакал. Надежды больше не было, — они угасли.

Красная Куртка был явно аристократичен и склонен *сохранять достоинство*. Ни один человек, который знал его [190], не отважился бы на фамильярность с ним, и ему не нравилось, чтобы его дети свободно общались со всеми, кого они могли встретить на улицах. Но он никогда не считал манеры и привычки жизни среди белых людей достойными подражания; и после того, как его жена внесла стулья и столы в его собственное жилище, он пренебрег ими и ел, как в старину, сидя на полу или грубой скамье, обитой оленьей шкурой. И все же он не ел в одиночестве. Хотя он очень мало разговаривал, ему нравилось быть в окружении своей семьи. Его вторая жена была его любимицей, и он относился к ней с самой нежной добротой, за исключением того, что оставил свободной ее религию; и тогда он почти не упрекал ее — только сказал, что, принимая это, она одобряет зло, совершенное по отношению к ее народу, чего он не мог, и если она будет настаивать, он оставит ее; и, зная ее привязанность к нему, он, вероятно, думал, что она не будет колебаться между своим мужем и христианством. Когда он обнаружил, что она не отречется от своей новой веры, он уехал и прожил несколько месяцев в Тонневанде. Очевидно, его вражда была исключительно политической. Он ничего не понимал в истинной природе христианства и не желал ничего узнавать о нем от тех, кто был виновен в тяжких обидах, причиненных краснокожим, всякий раз, когда среди них появлялись те, кто называл себя христианами.

Но он не был счастлив в разлуке с теми, кого любил, а те, кого он покидал, не были счастливы без него. Он скучал по ласкам детей, и особенно по младшей дочери, которую он очень любил. Она любила сидеть у него на коленях, обвивая его шею своими маленькими ручками, прижимаясь нежной щекой к его щеке, и играть с его серебристыми локонами. Когда он ушел, она плакала его, [191] и не давала своей матери покоя, пока та не пообещала отвезти ее туда, где жил ее отец.

Они пошли вместе, но мать с истинно женской деликатностью не вошла в его жилище и отказалась его видеть. Она была готова доставить удовольствие своим детям и культивировала их привязанность и уважение к тому, кто бросил ее, но она не хотела искать его.

Маленькая девочка, которая теперь христианка и сама рассказала мне эту историю, обвила руками шею своего отца и поцеловала его; и он прижал ее к своей груди, плача слезами радости и, возможно, истинной печали и раскаяния, и сказал ей, что возвращается домой; что ему жаль, что он оставил ее мать, и он не думает, что ее религия причинила ей какой-либо вред. Он сказал, что купил ей сукно и бусы и принесет их, когда придет. Когда она ушла, он проводил ее до дверей дома, где жила ее мать, но не вошел, и она, всхлипывая, попрощалась с ним и вернулась домой.

Через некоторое время он последовал за ней. Он вошел в дом и смиренно обратился к своей жене, сказав, что вернулся бы снова жить с ней, если бы она приняла его; что он поступил

неправильно, очень сожалеет и был очень несчастлив. Пострадавшая жена не ответила ни слова, но закуталась в шаль и подошла к миссионеру, чтобы спросить его, правильно ли будет принять его сейчас и что ей следует делать. Миссионер сказал ей, что лучше всего будет любезно поприветствовать его и уговорить остаться, если он не будет возражать против ее нового способа богослужения.

Поспешив обратно, она с достоинством выразила свою радость от встречи с ним и неизменное уважение; но сказала, что не может согласиться на то, чтобы он остался, если он не разрешит ей ходить в миссионерскую церковь по воскресеньям, [192]и никоим образом не будет мешать ее религиозным обязанностям. На это он согласился, сказав, что знает, что она стала лучшей женщиной, чем до того, как стала христианкой, и он никогда больше не будет приставать к ней.

Дети обрадовались примирению, и все снова были счастливы. Он никогда не нарушал своего обещания; и хотя он не мог присоединиться к семье в их богослужении, ни одно слово неодобрения или презрительный взгляд не напомнили им, что ему это не нравится.

И часто субботним утром старый Вождь вставал рано и будил дочерей, говоря: “Приходите, вы же знаете, сегодня воскресенье; вставайте и закончите всю работу, чтобы пойти на встречу со своей матерью; всегда ходите со своей матерью”. Прежде чем он покинул ее, его жене пришлось улизнуть, когда он об этом не знал. Она приводила свой дом в порядок, а свое одеяло готовила где-нибудь за пределами жилища, и когда прозвенит звонок, тихонько выходила, брала свое одеяло и убегала. Но теперь, когда прозвенел звонок на шаббат или вечернее собрание, он сказал: “Иди”; и хотя ему не нравилось оставаться одному, он не роптал и устроился поудобнее, насколько мог, пока она не вернулась. Он испытывал к ней большое уважение и знал, что она достойна его доверия.

Хотя Красный Мундир был так красноречив в зале совета, в вигваме он редко раскрывал рот. Среди своих соплеменников он не был общительным и никогда не вступал в фамильярные разговоры на обычные темы. Он всегда был готов обсудить дела нации с Вождями или знатными незнакомцами, но не был склонен к рассказыванию историй и редко заходил в дома своих соседей. Все последние годы своей жизни он был опечален из-за бед, выпавших на долю индейца, и беды, которые он предсказывал, все еще ждали их впереди. Он мог часами лежать на своем ложе, скрестив руки на [193]груди, и казаться глубоко рассеянным, не желая, чтобы его прерывали.

Когда он выпивал, то иногда бывал весел и болтал очень глупости; но преобладающим его настроением была серьезность, хотя это и не преобладающее настроение индейцев в целом, как некоторые думают.

Когда он обдумывал речь, он часто повторял ее про себя, а иногда репетировал перед переводчиком, чтобы быть уверенным, что она прозвучит хорошо. Но его неспособность к предпринимательству и вырождение вследствие пьянства вызвали к нему всеобщую неприязнь его народа. Многие начинали видеть, что миссионеры были их настоящими друзьями, и понимать разницу между реальностью и претензиями, и желали, чтобы христианство поощрялось. Красный Мундир постоянно беспокоил советы своим ожесточенным сопротивлением и сарказмами и был настолько неумолим, что, казалось, не было никакой надежды изменить его мнение; и в конце концов начали шептаться, а затем и смело предлагаться, что его больше не следует причислять к Вождям нации. Был созван совет, и были

составлены официальные резолюции, в которых излагались причины, по которым он не годился для своей должности, и которые подписали двадцать шесть Вождей. Когда ему об этом стало известно, он был сильно опечален и решил не мириться с таким унижением. Собрав всю свою дремлющую энергию, он отправился в Вашингтон, чтобы поговорить с президентом. Он зашел к полковнику Маккенни, который возглавлял Бюро по делам индейцев; и поскольку агенты проинформировали его обо всем, что произошло среди сенека, он кратко изложил положение дел и посоветовал Начальнику вернуться и попытаться лучше понять природу миссионерской работы; и, по крайней мере, позволить тем, кто расходился с ним во мнениях, ту же свободу, которую он требовал для себя — те, кто предпочитал^[194] быть язычниками, могли оставаться таковыми; а те, кто хотел измениться, должны были иметь такую же свободу. привилегия.

Старик слушал с глубочайшим вниманием, пока говоривший не закончил, а затем сказал, указывая на него, а затем в сторону своего народа: “У нашего отца дальнзоркий глаз”. Он пытался оправдаться и осыпал “черных мундиров” целыми томами эпитетов, заявлений о бескорыстии которых он не мог понять. Но по возвращении домой он стал более спокойным и, казалось, убедился если не в справедливости проводимой политики, то в совете, который он получил, и всерьез принялся восстанавливать свое положение. “Обо мне этого не скажут, ” подумал он, когда огонь юности снова зажегся в его глазах, — не скажут, что Са-го-йе-ват-ха жил в ничтожестве и умер в бесчестии. Неужели я слишком слаб, чтобы отомстить своим врагам? Разве я не такой, каким был?”

Был созван еще один совет, на котором чувство несправедливости и унижения придало ему что-то от прежнего пафоса и серьезности, и он сказал:

Братья: Вы были правильно проинформированы о попытке заставить меня сесть и свергнуть власть Вождя со стороны двадцати шести введенных в заблуждение Вождей моего народа. Вы слышали заявления моих коллег в совете и их объяснения выдвинутых против меня обвинений. Я выбрал законный и надлежащий способ ответить на эти обвинения. Это единственный способ, которым я мог обратить на них внимание. Это обвинения, которые я презираю, и ничто не могло заставить меня обратить на них внимание, кроме беспокойства, которое многие уважаемые Вожди моей нации испытывают по поводу своего престарелого товарища. Будь это иначе, я бы не предстал перед вами; я бы скрестил руки на груди и спокойно выслушивал эти нелепые наветы. Христианская партия даже не предприняла законных действий, согласно нашим обычаям,^[195] чтобы отстранить меня от должности. Ах, мое сердце сжимается, когда я оглядываюсь вокруг и вижу положение моего народа — в старые времена единого и могущественного — а теперь разделенного и слабого. Мне жаль свой народ. Когда я уйду в мир иной — когда Великий Дух призовет меня — кто из моего народа сможет занять мое место? Много лет я руководил нацией”.

Он был восстановлен в своем прежнем звании, но волнение от этого события прошло, и он впал в состояние почти слабоумия и ступора и больше никогда не был прежним Са-го-йе-ват-ха и никогда больше не проявлял огня и энергии прежних дней.

Он внезапно заболел в Доме совета смертельной холерой, куда отправился в тот день, одетый с особой тщательностью, со всеми своими яркими нарядами и украшениями. Вернувшись, он сказал своей жене: “Я болен; я не мог оставаться до окончания совета. Я никогда не поправлюсь”. Затем он снял весь свой богатый костюм и бережно убрал его; откинулся на спинку дивана и больше не вставал до утра и не заговаривал, разве что отвечал на какой-нибудь

незначительный вопрос. Его жена приготовила ему лекарство, которое он терпеливо принял, но сказал: “Это не поможет. Я умру”. На следующий день он позвал ее к себе и попросил ее и маленькую девочку, которую он так сильно любил, сесть рядом с ним и выслушать его прощальные слова.

“Я умру”, - сказал он. “Я никогда больше не выйду из дома живым. Я хочу поблагодарить вас за вашу доброту ко мне. *Ты любил* меня. Ты всегда готовил мне еду, заботился о моей одежде и был терпелив со мной. Мне жаль, что я когда-либо относился к тебе недоброжелательно. Мне жаль, что я оставила тебя из-за твоей новой религии, и я убеждена, что это хорошая религия, которая сделала тебя лучшей женщиной, и желаю тебе упорствовать в ней. Я бы хотел прожить еще немного ради тебя. Я [196]хотел построить тебе новый дом и сделать тебя более комфортной, но теперь уже слишком поздно. Но я надеюсь, что моя дочь вспомнит то, что я так часто говорил ей — не выходить на улицы с незнакомцами и не общаться с неподобающими людьми. Она должна остаться со своей матерью и вырасти респектабельной женщиной.

“Когда я умру, об этом заговорит весь мир — они услышат об этом за великими водами и скажут: ‘Красная Куртка, великий оратор, мертв’. И белые люди придут и попросят у вас мое тело. Они захотят похоронить меня. Но не позволяйте им забрать меня. Одень меня в мое самое простое платье — надень мои леггинсы и мокасины, и повесь крест, который я так долго носила, мне на шею, и пусть он лежит у меня на груди. Тогда похорони меня среди моего народа. Я также не хочу, чтобы меня хоронили по языческим обрядам. Я хочу, чтобы церемонии были такими, как тебе нравится, в соответствии с обычаями твоей новой религии, если ты захочешь. Ваш министр говорит, что мертвые восстанут. Возможно, так и будет. Если это произойдет, я хочу восстать вместе со своими старыми товарищами. Я не хочу восставать среди бледнолицых. Я хочу быть в окружении краснокожих. Не устраивай пир по обычаям индейцев. Когда бы мои друзья ни пожелали, они могли прийти и попить со мной, когда я буду здоров, и я не желаю, чтобы те, кто никогда не ел со мной в моей каюте, объелись на моих похоронах”.

Закончив, он снова лег на кушетку и больше не вставал. Он прожил несколько дней, но большую часть времени находился в ступоре или бредил. Он часто спрашивал о мистере Харрисе, миссионере, и впоследствии бессознательно бормотал: “Я не испытываю к нему ненависти — он думает, что я ненавижу его, но это не так. Я бы не причинил ему вреда”. За миссионером неоднократно посылали, но он не возвращался, пока не умер. Когда посыльный сообщил ему, что мистер Харрис не пришел, он ответил: “Очень хорошо. Великий [197]Дух распорядится так, как сочтет нужным, независимо от того, будет ли у меня возможность поговорить с ним”. И снова он бормотал: “Он обвинил меня в том, что я змея и пытаюсь кого-то укусить. Это было чистой правдой, и я хочу покаяться и получить удовлетворение”.

Нельзя было установить, имел ли он в виду мистера Харриса все время, пока говорил таким образом, поскольку он, казалось, не понимал, был ли ему задан какой-либо прямой вопрос, но, судя по его замечаниям и его известной враждебности к нему, это было естественным предположением. Иногда ему казалось, что он видит вокруг себя кого-то из своих старых товарищей, и он восклицал: “Вот брат Фермера; почему он беспокоит меня, почему он стоит там и смотрит на меня?” затем он снова впадал в ступор.

Крест, который он носил, был очень богатым, из камней, оправленных в золото, и очень большим; он был подарен ему, но кем, его друзья так и не узнали. Это было все украшение, которое он просил похоронить вместе с ним. У индейцев был универсальный обычай устраивать

поминки. Ни одна семья не была настолько бедной, чтобы не почтить память умерших таким образом. Если корова была всем, что у них было, ее забивали по этому случаю. Красная Куртка распорядился, чтобы для него ничего подобного не было. Языческие похороны выдающегося человека - очень помпезное мероприятие. Это продолжается десять дней, и каждую ночь на могиле разжигается костер, а вокруг него собираются скорбящие и издают жалобные вопли. Это тоже глупо и по—язычески, но едва ли более глупо, чем обычай среди ультра-утонченных людей тратить небольшое состояние на необычную одежду, которую нужно носить так много дней или лет, - и не так давно христиане считали это свидетельством их уважения к мертвым или необходимым и торжественным предупреждением живым - размещать *мертвые головы* вокруг могильного двора. Все это пережиток варварства. [198]

То, что Красная Куртка отрекся от этих языческих обрядов, безусловно, было большим шагом на пути прогресса. После жизни, полной закланной вражды к христианству, этот пример, тихий, ненавязчивый пример христианки в ее доме, так повлиял на него в отношении христианства, что он попросил о христианских похоронах и добровольно и официально выразил ей свое одобрение ее религии и свое желание, чтобы она и ее дети приняли ее и жили в соответствии с ее требованиями. Если бы он общался только с истинно христианскими людьми, он мог бы в молодости быть не только номинальным, но и опытным христианином, и все его благородные дары были бы посвящены возвышению и искуплению своего народа.

Жена и дочь были единственными, кому он сказал напутственные слова или дал прощальное благословение; но когда приблизился его последний час, вся его семья собралась вокруг него, и грустно было думать, что дети не были его собственными — все его дети спали на маленьком церковном дворе, где его вскоре должны были похоронить, — они были его приемными детьми - детьми его любимой жены. Где-то говорилось, что его первая жена умерла раньше него, но это ошибка. На момент его смерти она была жива. Он никогда не навещал ее, кроме одного раза после того, как ушел от нее, и это было примерно через шесть месяцев после их расставания. Он всегда утверждал, что не осуждал ее из-за подозрений, что он был убежден в ее вине, прежде чем бросить ее. Но он пошел еще раз повидаться с ней, думая, что, возможно, сможет простить ее и снова принять как свою подругу ради своих детей, но обнаружил, что это невозможно. Ему претила мысль о том, чтобы снова называть ее женой, и он отвернулся, чтобы больше никогда ее не видеть.

Итак, у его умирающего ложа не было никого, кроме приемных детей. Их он всегда любил и лелеял, и [199]они любили и почитали его, ибо этому научила их мать. Жена села у его подушки и положила руку ему на голову. У его ног стояли два сына, которые теперь состарились и стали христианами, а рядом с ним маленькая девочка, чья маленькая ручка покоилась на его иссохшей и дрожащей ладони. Его последними словами все еще были: “Где миссионер?” — а затем он прижал девочку к груди, в то время как она рыдала от боли - ее уши уловили его удушечное дыхание — его руки ослабили хватку - она подняла глаза, а он ушел. В доме был траур, и в народе был траур. Оратор, великий человек, которым они все еще гордились, хотя и сетовали на его вырождение, ушел. Он был настоящим, хотя и ошибочным другом, и кто займет его место?

Он попросил, чтобы ему дали в руку флакон с холодной водой, когда его будут готовить к погребению, но причину этой просьбы никто не мог разгадать. Однако это было выполнено, и все его пожелания были строго учтены. Похороны состоялись в маленькой миссионерской

церкви с подобающими, но самыми простыми церемониями; и он был похоронен на кладбище малой миссии, у ворот того, что когда-то было старым фортом, вокруг него были его соплеменники — пожилые мужчины, сахемы, вожди и воины, а также маленькие дети.

На его могиле был установлен простой камень, и это место стало пристанищем для путешественников издалека и вблизи. Вскоре его начали осквернять, и его имя исчезло с мрамора, испорченное теми, кто хотел унести с собой какое-нибудь воспоминание о посещении могилы вождя. Некоторые из тех, кто знал и почитал его, хотели перенести его останки на новое кладбище в Буффало; но, зная или понимая упорство его друзей в том, что его похоронят среди белых людей, они распорядились, чтобы его извлекли из могилы и поместили в свинцовый гроб, готовясь[200]к захоронению в новом месте. Но прежде чем их желание было исполнено, его семья услышала о том, что они сочли ужасным святотатством, и немедленно потребовала, чтобы его выдали. Они переселились из Буйвола в резервацию Каттарaugус и поэтому не хотели снова хоронить его на церковном дворе миссии, поэтому перенесли каждую частицу драгоценного праха в свое собственное жилище, где он до сих пор остается непогребенным. Им почти казалось, что он встанет и проклянет их, если они позволят ему лечь бок о бок с теми, кого он так искренне ненавидел. Он не хотел *воскресать с бледным лицом*; и хотя, если бы мы встретили его утром воскресения, мы, вероятно, не смогли бы обнаружить заметной разницы между цветом его лица и нашим собственным, неудивительно, что он даже не пожелал смешать свою красную пыль с пылью своих белых врагов.

Это было одно из его самых решительных предсказаний, что “хитрость и алчность белого человека восторжествуют”; и менее чем через девять лет после его смерти каждый фут “древнего наследия Сенека был передан белым людям в обмен на участок к западу от Миссисипи”. Благодаря вмешательству Друзей, как я уже говорил в другом месте, это бедствие было предотвращено, и в первый и единственный раз индейцы вернули себе свою землю после того, как она была получена обманным путем.

Какое-то время казалось, что сбудется пророческое утверждение историка о том, что “Красная Куртка был последним из рода Сенека”. Но с тех пор среди них были мудрецы и ораторы, и нынешняя справедливая и либеральная политика штата Нью-Йорк вскоре сделает образование и самосовершенствование доступными для всех, и они в избытке расположены совершенствоваться и наслаждаться благами дарами, которые им дарованы.

Школьники и студенты колледжей могут найти какую-нибудь другую тему [201]для своего красноречия, чем “последний из минго, бредущий навстречу заходящему солнцу”, поскольку больше нет места бояться этого ужасного бедствия.

На камне в изголовье его могилы есть следующая надпись:

СА-ГО-ЙЕ-ВАТ-ХА,

ОН НЕ ДАЕТ ИМ УСНУТЬ.

КРАСНАЯ КУРТКА,

НАЧАЛЬНИК

ВОЛЧЬЕ ПЛЕМЯ СЕНЕКАСОВ.

Умер 20 января 1830 года.

В возрасте 78 лет.

[Иллюстрация] [202]

ГЛАВА X.

ДОСТОИНСТВО ХАРАКТЕРА ИРОКЕЗОВ, ПРОИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЖИЗНЬЮ БРАТА ФЕРМЕРА И МОЛОДОГО КОРОЛЯ.

Красная Куртка был наиболее заметен среди вождей народа Сенека, потому что он выделялся теми качествами, которые его враги были готовы признать великими. Он был не воином, а оратором, и какими бы замечательными ни были его речи и едкие сарказмы, это не причинило им большого вреда в тех вопросах, где их интересы были наиболее затронуты. То, что он сказал, было правдой и пронзало, как меч, но оказалось бессильным предотвратить зло, на которое он жаловался, или уберечь свой народ от гибели, которую предрекла ему алчность. Так что даже те, кто острее всего ощущал его *домашние удары*, были готовы аплодировать и увенчать его честью.

Но воин был более опасным, а храбрость, стойкость и мастерство индейца не получили этих названий. Его храбрость заключалась в диком отчаянии, его стойкость - в угрюмости, а его успешные уловки - в предательстве. Когда белые люди планировали войну на уничтожение, говорили, что это была самооборона, но они не могли понять, что на индейцев могут влиять те же мотивы. Зло, причиненное одному человеку или клану, по сути, было злом для всего народа, который был сравнительно таким немногочисленным и разрозненным, чем среди процветающих сообществ.[203] Смерть нескольких выдающихся воинов или вождей была потерей, которую нелегко было восполнить; когда их леса были вырублены, а деревни опустошены, им не оставалось ничего, кроме голодной смерти для них самих и семей или же вечного прощания с холмами и долинами, скалами и ручьями, которые были освящены легендами веков, — местом рождения и захоронения их отцов. Они ценили все, что было красивого в пейзаже, и любили свои родные дебри так же, как мы любим место, где родились. Когда они выступили на их защиту, это было не хладнокровно, а с энтузиазмом — энтузиазмом, разжигаемым самыми чистыми и возвышенными чувствами, которые могут оживить человеческую душу. На поле битвы они были сбиты с толку и обезумели от помпезного строя и сверкающего огня, а когда потерпели поражение, пришли в отчаяние, угрюмые и мстительные.

Брат Фермера, возможно, и блистал в совете, но он предпочел стезю войны. У него были все дары Красной Куртки и некоторые из тех, которых не было у великого оратора. Он был поистине благороден, обладал добродетелями, которые вызывают уважение в мире и милуют сердца в общественной и семейной жизни. Тот, кто близко знал его как товарища на тропе войны и в лагере, назвал его “самым благородным индейцем по форме и складу характера — по осанке и по душе - из того поколения своей расы”. Он руководил воинами своей нации в войне 1812 года, во время которой они отличались великодушием и добротой - тем, что прислушивались к велениям человечества, когда даже правила цивилизованных стран санкционировали бы иной

курс. Во время войны за независимость он был верным союзником британцев; и, как говорят, участвовал в кровопролитной битве, в которой Брэддок потерял свою жизнь и цвет британской армии в старой французской войне.

Поскольку почти вся его жизнь прошла на тропе войны, [204]очень мало можно сказать о нем как о частном человеке. Во время войн с западными индейцами он произнес несколько речей, отличавшихся силой и красноречием, но уже в тот период не было обычая сохранять речи индейцев, и от них ничего не сохранилось. Но он сделал это от имени двух белых мужчин, которые в детстве были взяты в плен и усыновлены индейцами, и которым они хотели подарить участок земли, который навсегда принадлежал бы им и их детям. Поскольку это пожертвование не могло быть сделано без согласия государства, при созыве Генеральной ассамблеи это прошение было направлено вождями, сахемами и воинами и написано братом Фермера. Это еще одно доказательство уважения, проявляемого индейцами к пленным. Мистер Джонс и мистер Пэриш были переводчиками от имени шести наций и всегда были верны интересам индейцев.

“Сахемы, вожди и воины нации Сенека Сахемам и вождям, собравшимся у большого Костра Совета штата Нью-Йорк:

Братья: Поскольку вы снова собрались на совет с целью оказать честь самим себе и восстановить справедливость в своей стране, мы, ваши братья, Сахемы, Вожди и воины народа Сенека, просим вас прислушаться и прислушаться к нашему голосу и пожеланиям.

Братья: —Вы помните недавнее соперничество между вами и вашим отцом, великим королем Англии. Это состязание повергло жителей этого острова в великое смятение, подобное бушующему вихрю, который срывает деревья и швыряет туда-сюда листья, так что никто не знает, откуда они взялись и куда упадут.

Братья: Этот вихрь был так направлен Великим Духом свыше, что он бросил в наши объятия двух ваших [205]младенцев, Джаспера Пэриша и Горацио Джонса. Мы приняли их в свои семьи и сделали своими детьми. Мы любили их и лелеяли. Они прожили с нами много лет. Наконец Великий Дух заговорил с вихрем, и тот затих. Появилось чистое и непрерывное небо. Путь мира был открыт, и цепь дружбы снова стала яркой. Затем эти наши приемные дети покинули нас, чтобы искать своих родственников. Мы пожелали им вернуться к нам и пообещали, что, если они вернутся и будут жить в нашей стране, мы дадим каждому из них участок земли, на котором они могли бы сидеть вместе со своими детьми.

Братья: —Они вернулись и уже несколько лет служат нам в качестве переводчиков. Мы все еще чувствуем, как наши сердца бьются от любви к ним, и теперь хотим выполнить данное им обещание и вознаградить их за их услуги. Поэтому мы приняли решение предоставить им участок площадью десять квадратных миль, расположенный на выходе из озера Эри, примерно в трех милях ниже Блэк-Рок, начинающийся в устье ручья, известного под названием Ской-гу-куэй-дес-Крик.

Братья, Теперь мы сообщили вам о наших намерениях; мы ожидаем и искренне просим, чтобы вы позволили нашим друзьям принять этот наш дар и сделали то же самое для них в соответствии с законами и обычаями вашего народа.

Братья: —Почему вы не решаетесь облегчить нам задачу в отношении этой нашей просьбы? Для вас это всего лишь мелочь, и разве вы не выполнили просьбу и не подтвердили дар онейд, онондаг и Кайюг их переводчикам? И неужели мы будем просить и не будем услышаны?

“Братья: Мы посылаем вам эту нашу речь, на которую [206]мы ожидаем вашего ответа до прекращения огня вашего великого совета”.

Мистер Джонс, о котором идет речь, был взят в плен в возрасте шестнадцати лет на берегах “Голубой Джуниаты” и перевезен в долину Джинеси, где был принят в индейскую семью и оставался там пять лет, пока генерал Вашингтон не сделал его переводчиком для шести наций.

Он был любимым переводчиком “Красной куртки” и, завоевав полное доверие индейцев, имел на них большое влияние.

Он женился на индианке, и его сын стал одним из самых уважаемых вождей рода Сенека; он женился на падчерице Красной Куртки и оставил интересную семью детей, одного из которых умирающая мать подарила миссионерам, которые усыновили его как своего собственного. Это была маленькая девочка, которую они называли Луизой Марией, и которая, хотя и умерла в раннем детстве, прожила достаточно долго, чтобы стать многообещающим бутонem; да, цветком христианской любви, надежды и веры, агнцем Христова стада. Она принадлежала к классу тех, кто всегда умирает в младенчестве, “чьи имена высечены на надгробиях”. Они совершенствуются без дисциплины земных испытаний и пересаживаются, чтобы расцвести как весенние цветы в небесных садах. Жизнь была бы унылой тропинкой без малышей, и небесный хор не издавал бы такой сладостной мелодии без музыки их голосов.

Мистер Пэриш родился в Коннектикуте, а затем эмигрировал в Пенсильванию. Его домом была долина Вайоминг, и он пережил судьбу многих ее детей. Он был взят в плен, когда ему было одиннадцать, и усыновлен с обычными церемониями, будучи переданным от одной нации к другой и испытав все превратности индийской жизни в течение семи лет, когда его освободили.[207]Он свободно говорил на пяти индийских диалектах и тридцать лет был переводчиком для шести наций.

Брат Фермера, однажды посетивший Филадельфию, был награжден Вашингтоном серебряной медалью с его изображением, которой вождь очень гордился, носил ее на шее и говорил, что потеряет ее только ценой своей жизни.

Во время войны 1812 года его часто ассоциировали с капитаном Уортом, который был большим любимцем индейцев. Одно время он был тяжело болен в течение нескольких недель, и индейцы слонялись около его палатки, выражая величайшее беспокойство, готовые оказать любую услугу, а брат Фермера имел привычку сидеть у его постели по несколько часов каждый день.

Однажды индеец чиппева перешел границу из Канады и присоединился к небольшому отряду неподалеку от квартиры капитана Уорта, притворившись, что он дезертировал. Но у индейцев любой нации не было привычки дезертировать, поэтому его новые товарищи не поверили его рассказу. По-прежнему они не приставали к нему, и он свободно общался с ними, слушая их истории и рассказывая свои собственные, пока однажды неосторожность не выдала его. Американцы и некоторые из их красных союзников хвастались количеством убитых ими красных мундиров, когда чиппева, забыв о своей маскировке, тоже хвастался, но это были янки и

сенека, которых он убил. Ах, да! он был шпионом; и его быстро привлекли к ответственности за свой грех.

Брат фермера находился рядом со своим больным другом, но, услышав шум снаружи, он сделал вылазку, чтобы узнать причину. Бедного чиппева окружили воины, чтобы он не смог сбежать, и с большим презрением указали старому вождю на врага среди них. Он узнал подробности, а затем подошел к чиппева, сказав пару слов, понятных только ему одному; и тотчас же[208]преступник натянул одеяло на голову и хладнокровно принял удар боевой дубинки, от которого, пошатываясь, рухнул на землю.

На мгновение он был ошеломлен и неподвижен, но внезапно вскочил на ноги, бросился через круг и убежал. Уклоняться от боли или бояться смерти было вечным позором для индейца, и не успел он уйти далеко, как насмешки сенека ужалили его сильнее, чем тысяча зазубренных стрел. Он остановился, намеренно вернулся по своим следам и снова вошел в круг. Да, он умрет со всем героизмом индийского воина; и афинский философ не более хладнокровно проглотил яд, подмешанный его врагами, чем бесстрашный Чиппева, усевшийся на землю и снова натянувший одеяло на голову, чтобы принять смертельный удар. Теперь они позволили застрелить его, и брат Фермера разрядил ему в грудь все содержимое своего верного ружья.

Во время той же войны скрывавшийся от врага могавак попытался выдать себя за Сенеку и оказался среди тех, кого вел этот знаменитый вождь, которые сразу узнали его.

“ Я хорошо тебя знаю, ” сказал он. “ ты принадлежишь к племени могаваков. Ты шпион. Вот мое ружье, мой томагавк, мой нож для снятия скальпов; скажите, что мне использовать; я спешу.

Молодой ирокез знал, что надежды нет, и сказал, что умрет от винтовки. Ему приказали лечь на траву, и, поставив одну ногу ему на грудь, вождь прострелил ему голову.

Некоторые из моих читателей будут готовы воскликнуть: “Как бессердечно и варварски!” - и, возможно, к тому же совершенно дико; но мне придется лишь провести параллель с английской и американской историей всего несколькими годами ранее, когда молодой Хейл был повешен в английском лагере за шпионаж, а доблестный майор Андре - в американском лагере[209]по той же причине; и никакие петиции или ходатайства не могли обеспечить им более почетной смерти. “Только позволь мне быть застреленным, и я прославлюсь своей смертью”, - умоляет отважный молодой человек, который рисковал жизнью и честью на службе своей стране и чей единственный грех заключался в том, что он слишком много отваживался ради дела, которое отстаивал. Но даже Вашингтон не смягчился, и благородный юноша был повешен как обычный преступник.

Простота индейца в денежных вопросах, и особенно в том, что касалось процентов по суммам, размещенным в банках, была очень забавной. В свое время был уступлен участок земли, включающий четыре миллиона акров, за который они должны были получить сто тысяч фунтов стерлингов; индейцам сказали, что проценты с этих денег будут более полезными, чем такое количество непродуктивной земли, и эти проценты должны выплачиваться им ежегодно. Поначалу им было очень трудно понять природу банка и то, как можно заставить деньги расти, зная, что они были помещены в землю не для того, чтобы давать плоды, как кукуруза. Они видели, что он был посажен и дал урожай, но место и процесс были великой тайной. Но те, кому передали бизнес, вскоре стали мастерами науки и очень быстро узнавали, если урожай был не в полном объеме, хотя непосвященные иногда спрашивали, каковы перспективы в такое время

года? Эта цифра была принята и до сих пор используется в их языке для обозначения того, что деньги посажены и растут. Они заложили определенную сумму, и она выросла до огромной суммы. Поскольку немногие из них умели считать больше сотни, прошло много времени, прежде чем они смогли сосчитать сто тысяч; и их первым уроком было наполнение бочонка долларами, а затем другого и показывание им, сколько бочонков потребуется, чтобы вместить[210]целиком, и сколько лошадей потребуется, чтобы его вытащить.

Именно при заключении этого договора Красная Куртка был повинен в двуличии, которое навсегда оставило темное пятно на его имени и посеяло вражду между ним и Братом честного Фермера и Плантактором Кукурузы, которая так и не была полностью устранена.

Когда они слышали, что возникли проблемы с процентами по деньгам, которые были депонированы в банке, поскольку он может обанкротиться, брат Фермера написал письмо, выражающее опасения и непонимание людей, на имя военного министра.

Брат: Сахемы и главные воины индейского народа Сенека, понимая, что вы являетесь лицом, назначенным великим советом вашего народа для управления делами нескольких индейских народов, с которыми вы находитесь в мире и дружбе, пришли в это время как дети к отцу, чтобы изложить вам проблему, которая у нас на уме.

Брат: —Послушай, что мы говорим. Прошло несколько лет с тех пор, как мы заключили соглашение в Бигтри, недалеко от реки Дженеси. Этот договор был заключен нашим великим отцом, президентом Соединенных Штатов. По этому договору мы продали *Роберту Моррису* большую часть нашей страны; сумма, которую он дал нам, составила сто тысяч долларов. Уполномоченные, которые были назначены с вашей стороны, посоветовали нам передать эти деньги в руки нашего великого отца, президента Соединенных Штатов. Он сказал нам, что наш отец любит своих краснокожих детей и позаботится о наших деньгах и посадит их в поле, где они будут давать семена вечно, пока растут деревья или течет вода. Наши деньги до сих пор оказывали нам большую услугу, они помогали нам содержать наших стариков, наших женщин и детей; но[211]нам говорят, что поле, на котором были посеяны наши деньги, стало бесплодным.

“Брат: —Мы не понимаем вашего способа ведения бизнеса. Эта штука очень тяжела для наших умов: мы надеемся, что вы уберете ее”.

После получения этого письма фонд был переведен из банка правительству Соединенных Штатов, которое с тех пор добросовестно выплачивает индейцам проценты. От продажи других земель в штате они получают несколько тысяч долларов, а всего около (16 500 долларов) шестнадцати тысяч пятисот долларов. Это делится поровну между мужчинами, женщинами и детьми. Двухдневный младенец получает такую же сумму, как и самый большой Вождь. Сейчас для них было бы бесконечно лучше, если бы эти деньги можно было использовать в образовательных целях или направить на общественное благо каким-либо другим способом; но пока еще недостаточно тех, кто ценит важность образовательных и других улучшений, чтобы согласиться на изменение распределения их аннуитета. Если бы они не копили его каждый год, они бы подумали, что у них его нет. Тем не менее, есть много тех, кто полностью понимает и решительно выступает *залучший способ*, и я сомневаюсь, что вскоре он будет принят, а школы и сельскохозяйственные предприятия первыми получают выгоду; они быстро учатся ценить их.

Нижеследующая выдержка из дневника мистера Сэвери, одного из членов делегации, посланной в 1794 году квакерами с целью узнать о состоянии и нуждах индейцев, даст представление о нем в его лесном доме.

“После обеда мы отправились посмотреть лагерь брата фермера, в котором находилось около пятисот индейцев. Они расположились на берегу ручья, в лесу; построив около семидесяти или восьмидесяти хижин, безусловно, самых удобных и изобретательно сделанных из всех, что мы когда-либо[212]видели. Основными материалами являются кора и сучья деревьев, сложенные так, чтобы в семье было уютно и тепло. По-видимому, в основном были заняты как женщины, так и мужчины. В этом лагере собралось большое количество хороших детей, которые, при всей своей активности и бодром здоровье, развлекались по своему усмотрению. Огромное количество оленей, убитых ими с тех пор, как они пришли сюда, которых они разделяют и развешивают вокруг своих хижин внутри и снаружи для просушки, вместе с порциями говядины, которые они получали ежедневно, создают впечатление, что их в избытке, чтобы удовлетворить те немногие потребности, которым они подвергаются. Непринужденность и жизнерадостность каждого выражения лица и прелесть послеполуденного времени, которым эти обитатели лесов, казалось, наслаждались с наслаждением, намного превосходящим наслаждение тех, кто заперт в многолюдных городах, - все это вместе взятое сделало этот визит к индейцам самым приятным из всех, которые я когда-либо посещал; и навело меня на мысль, что до того, как они познакомились с белыми людьми и заразились их пороками, они, должно быть, были самым счастливым народом в мире. Возвращаясь в свои покои, мы проходили мимо Совета индейцев, где Красная Куртка демонстрировал свое ораторское искусство своим братьям-вождям. Позже он нанес нам визит со своей женой и пятью детьми, которых привел повидаться с нами. Они были чрезвычайно хорошо одеты, с приятными манерами и самыми воспитанными и хорошенькими индийскими детьми, которых я когда-либо встречал”.

В заключение отчета он говорит, что во время семинедельного пребывания среди индейцев у них была частая возможность наблюдать меланхолическое и деморализующее воздействие, оказываемое горячительными напитками, которыми их снабжали белые люди; и трудности, которым теперь подвергаются эти бедные люди, некогда свободная и независимая нация, казались им[213], чтобы громко требовать сочувствия друзей и других людей, разбогатевших на земле, которая была их бывшим наследием.

Брат фермера никогда не поддавался искушению огненной воды. Он жил и умер трезвым человеком. “Он был благородным примером великого и великодушного ума. Никто из тех, кто смотрел на него, не мог проникнуться чувством отвращения или ненависти; и все, кто хорошо знал его, испытывали уважение. Он никогда не был виновен в подлости, мелочности или интриганстве, но всегда был открытым, полным достоинства и бесстрашия. Он был прекрасным образцом индийской внешности и ступал по земле как король, с печатью честности на лице, поскольку это полностью отразилось на его характере”.

“Он был одним из благороднейших людей природы,

- передняя часть самого Юпитера,

Око, подобное Марсу, чтобы угрожать и повелевать:

Такая станция, как ”геральд Меркьюри””.

Каждый, кто видел его, запомнит его величественный вид и королевскую осанку, а тем более те, кто слышал его на совете, забудут силу и глубокую мелодию его голоса, его естественные и впечатляющие жесты, а также непринужденное и повелительное достоинство его манер. Непревзойденный воин, и только Красная Куртка может сравниться с ним в красноречии, говорящий правдивой трезвой прозой, можно сказать, что он был

“Действительно, сочетание и форма,

Чтобы дать миру уверенность в себе”.

“Его влияние на свою нацию было очень велико; и его истинная слава, его открытость сердца, его верность истине и его великодушное великодушие обеспечили ему восхищение и уважение каждого белого человека, который имел [214] честь быть с ним знакомым. Он был верным другом там, где обещал верность, и злейшим врагом тем, с кем боролся; и скорее потерял бы последнюю каплю крови в своих жилах, чем предал дело, которое отстаивал. Он дожил до девяноста лет, умер в 1814 году, и оставался язычником до дня своей смерти, таким же ярким противником христианства и всех напастей цивилизации, как и сам Красный Пиджак”.

МОЛОДОЙКОРОЛЬ.

Индийские имена звучат странно, а иногда и резко для *вежливых* ушей и, когда они принадлежат достойным людям, передают нам все, что угодно, но только не представление об истинных качествах тех, кто их носил. И все же *Биг-Кеттл* был поистине великим и благородным человеком; и каждый раз, когда я оказываюсь в компании индейцев, меня знакомят с теми, чьи имена вызывают улыбку на моих губах, несмотря на все мои попытки напустить на себя серьезность; например, с мистером Сильвер-хайлс, мистером Сан-даун и мистером Долговязым Вождем. Молодой король был вождем народа сенека, одним из тех, кем народ очень гордился из-за его храбрости на войне, мудрости в совете и мягкого, миролюбивого характера в общественной жизни. Он родился в Канандайгуа, что на их языке означает “Избранный город”, и для них гораздо больше, чем для нас, указывает на красоту пейзажа и местоположения, и был для индейцев одним из самых любимых мест среди всех улыбающихся долин и плодородных полей, которыми усеяны их любимые охотничьи угодья, на берегах озер и рек, простирающихся от Гудзона до Ниагары и от Святого Лаврентия до Огайо. О, жестокое опустошение, которое поглотило их!

Янг-Кинг был одним из тех, кто бежал перед американской армией под командованием генерала Салливана, которого послали уничтожить их поселения в 1777 году. Но он был всего лишь [215] мальчиком, которому, как он думал, было десять или двенадцать лет, когда мать подарила ему сковородку, чтобы он нес ее по их летнему маршруту в Канаду, куда они отправились искать защиты у британцев, на службе у которых сражались их воины,

“И за их правое дело пролили благородную кровь”.

Он был сыном “Старого Смоука”, одного из самых выдающихся сахемов Шести наций, и хотя не был равен своему отцу, был хранителем огня совета и всегда завоевывал уважение врагов и любовь друзей.

Перечитывая тома истории, чтобы извлечь правду из огромного количества деталей, я не могу не поражаться тому, насколько по-разному изображаются массовые убийства и кровопролитие,

когда говорят об индейцах, и когда то же самое рассказывают о белых людях. Деревни Вайоминга и Черри-Вэлли были опустошены и разрушены британцами и индейцами, и эта шокирующая история повторяется и рассматривается как беспрецедентная по жестокости. Индейца называют варваром и кровожадным убийцей — олицетворением жестокости и мести. Но когда об американской армии сообщается, что “они были посланы во всех направлениях, чтобы захватывать и опустошать индейские поселения, вырубать их сады, уничтожать их провизию и урожай, убивать их скот и лошадей и применять метлу разрушения ко всему, что могло дать кров или пропитание человеку или животному”; и добавляется, что “они применяли полную меру разрушения и опустошения к каждому поселению, которое попадалось на их пути, и фактически уничтожили сорок индейских деревень, сто шестьдесят тысяч бушелей кукурузы, огромное количество бобов и других овощей, огромное количество мяса”. лошади и вся сельскохозяйственная утварь, и действительно,[216]все, что было результатом труда или продуктом возделывания; все это было беспрепятственным и неустанным занятием пяти тысяч человек в течение трех недель; “и чтобы завершить их разрушительные работы, они поднесли факел к древней столице нации Сенека, в которой было сто двадцать восемь домов - многие были убиты и многие взяты в плен, и все были вынуждены бежать — мужчины, женщины и дети — через пустыню, устилая дорогу мертвыми и умирающими — это называется ”доблестный“, ”блестящее достижение“, ”славный подвиг"! То, что индийские матери видят, как на их глазах убивают их детей, или умирают от голода, или изнемогают от болезней, не вызывает жалости или сострадания. То, что лошади, коровы и овцы индейцев сожжены, а все их прекрасные поля опустошены, вызывает радость. Их дома были им гораздо дороже, чем дома тех, кто занимал их всего несколько лет; ибо они жили с легендами и приятными ассоциациями веков. Они были лишены своего права по рождению. Я с ужасом слушал рассказы стариков о голоде, болезнях и нищете, которым подверглись тысячи людей в результате акта, который принес победителям бессмертные почести и ни единого порицания.

Индейцы были союзниками англичан и верны данному слову. Они сражались в соответствии со своими правилами ведения войны, сражались за свои дома и свои очаги, за своих жен и своих детей, и сражались напрасно. Их тоже были счастливые дома, где царили любовь и домашняя добродетель; и их свобода от зависти, раздоров и злобы могла бы посрамить многие христианские дома. Вместо того чтобы удивляться тому, что они ненавидели белых людей, я только удивляюсь, что полученные ими раны когда—либо зажили - что они не[217]вечно терзаются и не вызывают крайнего отвращения и непобедимой вражды ко всему, что имеет бледную кожу.

Так было со многими, и миссионерам было почти невозможно убедить их в том, что религия, проповедуемая таким народом, может иметь в себе что-то хорошее. И только живя среди них демонстрируя их принципы долгим и близким общением, можно было побудить их прислушиваться к Евангельским посланиям.

Юнг-Кинг был одним из первых среди вождей рода Сенека, кто увидел благотворное влияние образования и христианской религии на свой народ; и его влияние было очень велико, поскольку он занимал столь высокое положение как воин и вождь.

Как и слишком многие, он пригубил *огненной воды* в течение многих лет был жертвой самой низкой неводержанности. В пьяной драке он потерял руку и палец на оставшейся руке; но после того, как он стал христианином, ни одна капля не смочила его губ. Однажды, во время

путешествия, он был выброшен из кареты и тяжело ранен. Когда пришел врач, он стонал на полу в соседней хижине; но бутылка виски стояла на столе и была непреодолимым искушением; он должен был выпить, прежде чем сможет оказать помощь своему пациенту. Когда Янг-Кинг заметил это, он спросил: “Что вы пьете?” Доктор ответил: “Виски, и это пойдет вам на пользу; подойдите, выпейте бокал!” “Нет, - сказал шеф, - и ты не пускай мне кровь, ты не пускай мне кровь!” и хотя он испытывал самые сильные страдания, он не позволил бы ничего сделать для него человеку, который пьет виски.

Он был первым человеком, построившим изгородь из прутьев в резервации буффало, где впервые поселились миссионеры; и часто в холодные зимние дни его видели в субботу пересекающим ручей на своем маленьком каноэ, чтобы посмотреть, запасено ли в церкви топливо на субботу; и если[218]нет, то он одной рукой брал топор и нарубал небольшую кучку, которую также относил к двери, чтобы убедиться, что все готово к утренней службе, говоря, что пришел так поздно в церковь. виноградник, он должен усердно работать, чтобы выполнить что-либо до того, как его призовут прочь. Он получал очень мало прямых наставлений и не умел читать; и все же он, казалось, ясно понимал историю искупления и природу искупления, а также сложную работу человеческого сердца.

Его манеры были очень утонченными и джентльменскими; и его поведение всегда было поведением человека, который был хорошо воспитан и привык к культурным кругам; и старомодное гостеприимство, характерное для его народа, сохранялось у его очага; бедным были рады, голодные были накормлены, а одиноким давали почувствовать, что для них все еще есть сочувствие и доброта сердечной дружбы.

Он рано потерял жену своей юности, но в жене его преклонного возраста у него была настоящая помощница, которая разделяла его желание творить добро среди своего народа, поощряла его гостеприимство и подавала пример благоразумия и достоинства во главе своего семейства.

Они объединились с маленькой миссионерской церковью в тот же день и напомнили учеников у ног Иисуса, когда они слушали слова проповедника, настолько детскими были их манеры и таким доверчивым было выражение их лиц, когда они пили из источника знаний.

Наказания детей в школах часто вызывали много беспокойства у родителей, и Янг-Кинг предложил назначить комитет из числа старост, который регулярно посещал бы школы и поощрял учителей, рассказывая детям о необходимости послушания и порядка, а также о важности образования; [219]проявляя себя в трудные времена способным и верным советчиком и поддержкой в любом благом деле.

Злые белые люди часто искушали его, чтобы сломить его решимость воздерживаться и ввести в грех; но он всегда был тверд и никоим образом не запятнал дело, которое отстаивал.

Во время последней войны он был на стороне Соединенных Штатов и до конца своей жизни получал пенсию в размере двухсот долларов в год в качестве компенсации за свою храбрость и ранение, которое он получил при исполнении своих служебных обязанностей.

Он умер в 1835 году и похоронен на кладбище Миссии, примерно в четырех милях от Буффало, где также покоятся большинство выдающихся мужчин и женщин нации, умерших за последние полвека. Это действительно освященное место для индейцев и миссии, ибо здесь находятся погибшие и любимые члены их собственных маленьких семей, а также первые плоды их трудов

среди языческого народа, получившие христианское погребение. Когда-то это был форт и солдатское кладбище; и воины многих народов, и христианские паломники, и маленькие дети, которых Иисус взял на руки и благословил, теперь смешивают свой прах под теми же зелеными холмиками; и некоторые из них проснутся при звуке последней трубы утром воскресения и вместе войдут в Новый Иерусалим.[220]

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКОДУШИЕ ИНДЕЙЦЕВ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ ЖИЗНЬЮ ПЛАНТАТОРА КУКУРУЗЫ.

Войны развивают воинов и дают возможность храбрым проявить свой героизм. Если бы не было американской революции, Вашингтон, вероятно, оставался бы тихим фермером в своих поместьях, не знающим славы; и если бы война не была самым славным занятием, которым только могут заниматься люди, тысячи других людей сошли бы в могилу без почестей и невоспетыми.

Поскольку у ирокезов война и ораторское искусство являются единственными областями отличия, при написании истории Индии мы должны фиксировать только жизни ораторов и воинов.

Корнплантер был едва ли менее знаменит, чем Брандт, поскольку всю свою жизнь ступал по тропе войны. Год его рождения не может быть установлен с точностью, но, должно быть, это было еще в 1735 году. Как и брат Фармера, он участвовал в битве, которая закончилась столь катастрофически для британцев поражением Брэддока в 1755 году; и только индейцам французы были обязаны всеми своими победами в “старой французской войне”, поскольку в индейской стране с таким многочисленным тогда первобытным населением тот, кто заключил с ними союз, должен быть морально уверен в обеспечении победы. Учитывая, что Корнплантеру в то время было двадцать лет, а он вряд ли мог быть моложе, его [221] день рождения был на три года позже, чем у Вашингтона. Его отец был белым человеком, а мать - индианкой из племени сенека, и он родился в Коневанго, в долине реки Дженеси. Мне очень мало что можно рассказать о нем, хотя он прожил более ста лет и всегда был начеку, потому что я не могу последовать за ним на полебитвы, а он жил в то время, когда считалось, что о великом человеке мало что стоит рассказывать, кроме его великих деяний.

СЕЯЛКА ДЛЯ КУКУРУЗЫ.

В речи, которую он однажды написал губернатору Пенсильвании, он говорит о себе:

“Когда я был ребенком, я играл с бабочкой, кузнечиком и лягушками; а когда я вырос, я начал уделять им некоторое внимание и играть с индейскими мальчиками по соседству; они заметили, что моя кожа отличается от их цвета, и говорили об этом. Я спросил свою мать о причине, и она сказала мне, что мой отец жил в Олбани. Я по-прежнему ел из миски из коры. Я вырос молодым человеком, и у меня появилась жена, и у меня не было ни чайника, ни ружья. Тогда я узнал, где жил мой отец, и пошел навестить его, и обнаружил, что он белый человек и говорит по-

английски. Он дал мне еды, пока я был у него дома, но когда я собрался возвращаться домой, он не дал мне ничего съестного в дорогу. Он не дал мне ни котелка, ни ружья”.

Судьбой всех тех, в чьих жилах было столько же белой, сколько и красной крови, было быть отвергнутыми белым родителем; и поэтому у них не было иного выбора, кроме как жениться по индейским обычаям и быть индейцами если не на самом деле, то хотя бы номинально. Иногда это вселяло горечь в их дух и делало их вдвойне свирепыми, когда их призывали защищаться от белых врагов.

В течение всей войны за независимость Корнплантер был союзником британцев; но когда топор войны был зарыт, [222]и особенно когда индейца покинули те, за кого он так преданно сражался, он стал другом Соединенных Штатов и с тех пор никогда не колебался в своей верности Республике. Во время одной из своих военных вылазок он разыскал жилище своего отца и, застав его врасплох, взял в плен. Старик был в ужасе, попав в руки индейца, и, возможно, испугался бы еще больше, если бы знал, что похитителем был его сын. Но он не узнал его, пока Корнплантер, заставив его пройти десять или двенадцать миль вглубь леса, предоставив ему все это время размышлять о своей судьбе, не подошел к нему и не сказал:

“Меня зовут Джон О. Бейл, обычно его называют кукурузным плантатором. Я твой сын! Ты мой отец! Теперь ты мой пленник и подчиняешься обычаям индейской войны. Но тебе не причинят вреда — тебе не нужно бояться. Я воин! Много скальпов я снял! многих заключенных я замучил до смерти! Я твой сын! Мне не терпелось увидеть тебя и дружески поприветствовать. Я пошел в твою каюту и взял тебя силой. Но твоя жизнь будет сохранена. Индейцы любят своих друзей и сородичей и относятся к ним с добротой. Если теперь ты решишь последовать примеру своего краснокожего сына и жить с нашим народом, я обеспечу твою старость большим количеством оленины, и ты будешь жить спокойно. Но если вы решите вернуться на свои поля и жить со своими белыми детьми, я пошлю отряд моих верных молодых людей, чтобы они проводили вас обратно в безопасности. Я уважаю тебя, отец мой; ты был дружелюбен к индейцам, и они твои друзья”.

Отец, конечно же, предпочел свой дом и своих белых детей, и обещание в целости и сохранности сопроводить его обратно в его хижину было добросовестно выполнено. Легко представить, что молодой Кукурузник намеревался[223]“насыпать себе на голову горящие угли”, хотя он никогда не слышал предписания Священного Писания; и в данном случае, безусловно, действовал в соответствии с золотым правилом поступать так, как поступали бы с ним. Его отец отверг его; никогда не выполнял родительский долг по приюту, не давал ему еды или одежды, не говорил ему ни слова любви и не проявлял к нему никакого интереса. То, что среди них был его сын, возможно, смягчило его чувства к индейцам и побудило его подружиться с ними; но наши впечатления относительно побуждений индейской крови заставили бы нас ожидать возмездия за такое пренебрежение. Мы могли бы ожидать, что он спросит: “Почему отец должен любить и лелеять своих белых детей и оставлять его бродить по лесу без присмотра?” Весьма вероятно, что эти мысли приходили ему в голову, но ни одна мать-христианка никогда так тщательно не внедряла заповедь “Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе”, как необразованная индианка в пустыне. Если бы Плантатор в гневе обрушился на своих белых братьев и сестер и отомстил им за то, что они были Бенджаминами в доме своего отца, мы бы назвали это соответствующим индейскому характеру. Но хотя в его власти было в любой момент

убить их или взять в плен, он оставил их у очагов в безопасности и покое. То, что он иногда думал о несправедливости, с которой сталкивался, видно из иронических намеков, которые он делал в своих речах на особое смущение заброшенных детей.

Однажды он вместе с несколькими другими вождями был на большом обеде, устроенном по случаю ратификации давно ожидаемого договора. Поскольку вино было частью развлечения, Корнплантер взял свой бокал и сказал:

“Я благодарю Великого Духа за эту возможность [224]выкурить трубку дружбы и любви. Пусть мы посадим наши собственные виноградные лозы, *будем отцами наших собственных детей и будем заботиться о них!*”

Индийское имя Кукурузного плантатора было Га-не-о-ди-йо, или Красивое Озеро; и у него был сводный брат, который прославился среди ирокезов как основатель новой религии. Проведя свою юность в распутстве, он внезапно исправился и объявил, что был уполномочен Великим Духом как апостол, наделенный сверхъестественными дарами и имеющий новое откровение. Во время своего *обращения*— если это можно так назвать — он жил с Корнплантером в маленькой деревушке на реке Аллегани в штате Пенсильвания.

Во время тяжелой болезни он притворился, что ему было видение и что он посетил мир духов, где ему были показаны пытки, которым подвергаются нечестивые, а также счастье добрых. Ему удалось завоевать доверие не только народа, но и Вождей; и с помощью своих новых доктрин он воздействовал на суеверные тенденции в умах тех, кого в его обязанности входило исправлять, и это действительно было средством великого блага. Он отверг некоторые из древних языческих церемоний и принял вместо них новые, а также провозгласил кодекс морали, соответствующий их новому положению и искушениям.

Индейцы испытывали суеверный страх соответствовать обычаям белых людей — полагая, что им будет неправильно строить похожие дома, носить похожую одежду или есть одну и ту же пищу.

Новый учитель убедил их, что для них будет невозможно дольше жить по-старому, и что Великий Дух поручил ему сказать им, что теперь они могут перенять обычаи бледнолицых. Но он пригрозил им всеми пытками, которым могут подвергнуть злодеи, если они не перестанут пить [225]огненную воду; и он так основательно внушил им уважение к себе и веру в свою божественную миссию, что вскоре стала заметна большая перемена в моральном состоянии людей.

Среди его изобретений для воздействия на их страхи были особые пытки, предназначенные для преступников различных классов.

Он видел в Доме Пыток пьяницу, вынужденного выпить раскаленную жидкость, поскольку это было блюдо, которое он всегда любил. После того, как он выпил, изо рта у него вырвалась струя пламени. Он медленно поглощался своими пытками.

Мужчину, у которого была привычка избивать свою жену, подвели к раскаленной статуе женщины и попросили обращаться с ней так же, как он обращался со своей женой. Он начал взбивать его, и искры вылетали наружу и постоянно обжигали его, но все же он не сгорал. Так поступили бы со всеми, кто бил своих жен.

Тех, кто продавал индейцам огненную воду, съедали прямо с рук.

Те, кто продавал землю белым людям, навсегда были бы заняты расчисткой куч песка, зернышко за зернышком.

На большом кукурузном поле, заросшем сорняками, женщины выдергивали их; но как только их удаляли, они снова вырастали — таким образом, их работа так и не была закончена. Это были женщины, которые были *ленивы*, и поэтому все ленивые женщины будут наказаны.

Для тех, кто был недобр к старикам и детям, существовало соответствующее наказание; и тот, кто установил этот новый порядок вещей, ходил от деревни к деревне, “проповедуя и увещевая”; и среди всех некрристианизированных индейцев его принимали благосклонно, мало кто сомневался в его божественном авторитете.

Многие считают, что эта схема возникла [226]у Корнплантера и, безусловно, достойна его проницательного ума. Но тот, кто осуществил этот план, должно быть, был человеком незаурядного гения. Вероятно, они видели, что их раса движется к быстрому уничтожению, и решили придумать способ арестовать разрушителя. Было мало надежды на то, что они так быстро подпадут под влияние христианства, чтобы произвести желаемый эффект; и ни в коем случае нельзя было надеяться на что-либо иное, кроме как апеллируя к их суеверным страхам.

Преемником апостола является Со-се-ха-ва, который искренне верит в божественную природу миссии Га-не-о-ди-йо. При созыве траурного и религиозного советов он повторяет послание, впервые адресованное автору новой религии, и искренне умоляет всех людей прислушаться к его наставлениям. Это человек, известный своими добродетелями и полный рвения в исполнении того, что он считает обязанностями своего священного сана. Он внук Га-не-о-ди-йо и племянник Красной Куртки. Его местом рождения был Га-но-вау-гес, недалеко от города Эйвон, в 1774 году; и его нынешняя резиденция, Тонаванда, в графстве Дженеси.

Кукурузный плантатор в течение многих лет вызывал неприязнь значительной части своего народа из-за того, как он продавал земли и заключал договоры. Его превосходящая проницательность привела его к пониманию того, что, если они не разделятся с частью по официальному договору и не закрепят за собой другую часть теми же средствами, они снова будут вовлечены в войну и лишатся всего. Впоследствии его мотивы были оценены по достоинству; но во время судебного процесса ему часто грозила опасность лишиться жизни, настолько раздраженными были индейцы, видя, что их любимая страна с такой готовностью сдается их врагам. Плантатор скорбел так же искренне, как и они, но мудрая политика диктовала курс, которого он придерживался. В одном из своих обращений, касающихся небольшой территории, граничащей [227]с Пенсильванией, оккупированной Халфтауном и его народом, которая была передана по договору в Форт-Стэнвиксе и которую они хотели восстановить, он использовал следующую формулировку:

“Они выросли из этой земли, и их отцы выросли из нее, и их невозможно убедить расстаться с ней. *Это очень маленький кусочек.* Поэтому мы умоляем вас вернуть нам этот маленький клочок земли”.

Это напоминает молитву Лота: “*Разве это не маленький город?*” но это не увенчалось успехом. Халфтаун и его люди были вынуждены переехать, и снова валили деревья и возделывали новые

поля. Неудивительно, что они были обескуражены и отстали в развитии, вместо того чтобы продвигаться в цивилизации.

В 1790 году Корнплантер посетил Филадельфию в компании преподобного мистера Киркланда, знаменитого миссионера среди ирокезов, а также Бигтри и Халфтаун. Во время частых бесед миссионера с великим вождем христианская религия была темой разговоров, и мистер Кирклэнд склонялся к мнению, что Корнплантер уверовал в ее доктрины, а также испытал на себе веру и потакал надеждам христианина.

В американской биографии Спаркса я нахожу следующую выдержку из его дневника, касающуюся этого события.

“Теперь я не жалею о своем путешествии. Думаю, я никогда не наслаждался более приятным обществом ни с одним индейцем, чем то, которое предоставил мне Кукурузный плантатор. Кажется, что он был поднят Провидением на благо своей нации. Он проявляет незаурядную гениальность, обладает очень сильным и незаурядным умом и приложит максимум усилий из всех индейцев, с которыми я когда-либо был знаком. Когда дело, с которым он сталкивался, не требовало его немедленного внимания, он был непрестанно вовлечен в беседу на тему божественного откровения. Он казался встревоженным и любопытным в своих поисках свидетельств Священного Писания[228]о сотворении мира, христианской доктрине и влиянии, которое христианство произведет на различные народы земли под управлением Сына Божьего. Казалось, ни одна тема не будоражила его ум и не будоражила его запросы больше, чем всеобщий мир и гармония, которые должны наступить в последние дни. Он часто не оставлял эту тему без трех-четырёхчасового разговора. В течение последней недели, что я был с ними, он не позволял сахемам и воинам садиться за стол во время еды, не попросив меня испросить божественного благословения на еду, и ни разу за всю свою жизнь не был в состоянии алкогольного опьянения. При нашем расставании он заметил мне, что его дело с Конгрессом было улажено к его полному удовлетворению, и он верил, что это удовлетворит каждое желание его нации, и он вернется домой с запасом провизии на дорогу; но благодаря чудесному благовому провидению Божьему у него был более богатый запас духовной пищи, из которой он мог брать порцию для своего ума, чтобы питаться ею и переваривать каждый день на протяжении своего долгого путешествия; и что он не мог в достаточной степени поблагодарить Великого Духа за предоставленную ему возможность так долго быть со мной”.

Индейцы привыкли называть Вашингтона “Разрушителем городов” из-за разрушений, которые его армии причиняли повсюду, куда бы они ни приходили; но после того, как он стал президентом, его терпеливое внимание к их призывам и оперативность в устранении их обид принесли ему титул Отца и снискали любовь индейцев, которая была подобна любви детей.

Следующие выдержки взяты из длинного обращения, с которым Корнплантер и другие вожди обратились к Вашингтону, излагая свои ошибки и прося справедливости.

Речь Корнплантера, Халфтауна и Бигтри, [229]вождей и советников Нации Сенека, обращенная к Великому Советнику Тринадцати Огней.

Отец: Голос народа Сенека обращается к тебе, великий советник, в сердце которого мудрецы всех Тринадцати Огней вложили свою мудрость. Это может быть очень незначительно для ваших ушей, и поэтому мы умоляем вас слушать со вниманием, ибо мы говорим о вещах, которые для нас очень важны. Когда ваша армия вошла в страну Шести Народов, мы назвали

вас Разрушителем городов; и по сей день, когда звучит это имя, наши женщины оборачиваются и бледнеют, а наши дети цепляются за шеи своих матерей. Наши советники и воины - мужчины, и им нечего бояться; но их сердца опечалены страхами наших женщин и детей, и они желают, чтобы они были похоронены так глубоко, чтобы о них больше не было слышно. Когда ты даровал нам мир, мы называли тебя Отцом, потому что ты обещал обеспечить нам владение нашими землями. Сделай это, и до тех пор, пока будут сохраняться эти земли, это любимое имя будет жить в сердце каждого Сенеки”.

Затем следует длинный и подробный отчет о договоре, по которому индейцы отказались от своей земли; о том, как их обманули и пригрозили войной, если они не выполнят все, что было от них потребовано, — и далее:

Услышав эту угрозу, наши вожди созвали совет и согласились, что никакое военное событие не может быть хуже, чем быть изгнанными с нашими женами и детьми из единственной страны, на которую мы имели какое-либо право.

“Пораженные тем, что мы слышали отовсюду, с сердцами, полными сострадания к нашим женщинам и детям, мы были вынуждены оставить всю нашу страну к северу от границы Пенсильвании и т.д.

Отец: — Ты сказал, что мы были в твоей руке, и что, закрыв ее, ты мог бы превратить нас в ничто. [230] Вы полны решимости сокрушить нас? Если это так, скажите нам об этом, чтобы те из нашей нации, кто стал вашими детьми и решил умереть так, знали, что делать.

“В данном случае один начальник сказал, что попросил бы вас избавить его от боли. Другой, который и думать не хочет о смерти от руки своего отца или брата, сказал, что удалится в Шатоге, отведаст рокового корня и спокойно ляжет спать со своими отцами.

“Прежде чем решиться на столь несправедливую меру, взгляните на Бога, который создал нас так же, как вас. Мы надеемся, что он не позволит вам уничтожить все наши народы.

“Чиппева и все народы на западе, призывайте нас и спрашивайте— ‘Братья наших Отцов, где место, которое вы сохранили для нас, чтобы мы могли прилечь?’ Ты вынудил нас сделать то, чего нам стыдно. Нам нечего ответить детям братьев наших отцов.

Отец: — Мы не будем скрывать от вас, что Великий Бог, а не человек, спас Кукурузника от рук его собственного народа. Ибо они постоянно спрашивают: ‘Где земля, на которой будут лежать наши дети и их дети после них?’ Он молчит, потому что ему нечего ответить. Когда солнце садится, он открывает свое сердце перед Богом, и еще до того, как солнце появляется над холмами, он благодарит его за защиту ночью; ибо он чувствует, что среди людей, доведенных до отчаяния опасностью, только Бог может защитить их. Он любит мир, и все, что у него было припасено, он отдал тем, кто был ограблен вашим народом, чтобы они не оклеветали невинных, чтобы отплатить себе. Весь сезон, который другие потратили на обеспечение своих семей, он потратил на то, чтобы сохранить мир; и в этот момент его жена и дети лежат на земле и нуждаются в пище; его сердце в [231] боли за них, но он понимает, что Великий Бог испытает его твердость в том, чтобы поступать правильно.

Отец: — Дичь, которую Великий Дух послал в нашу страну, чтобы мы ели, уходит из нашей среды; мы думали, что Он намеревался, чтобы мы обрабатывали землю плугом, как это делают белые

люди, и мы говорили об этом друг с другом. Но прежде чем мы поговорим с вами об этом, мы должны узнать от вас, намерены ли вы оставить нам и нашим детям какую-либо землю для обработки.

Отец: — Невинных людей нашей нации убивают одного за другим, как и наши лучшие семьи; но никто из ваших людей, совершивших убийства, не был наказан.

Отец: — Для нас это очень важные вещи. Мы знаем, что ты очень силен, и мы слышали, что ты мудр, и мы ждем твоего ответа на то, что мы сказали, чтобы мы могли знать, что ты справедлив”.

Не в силах Вашингтона было выполнить все, о чем просили Вожди, но он пообещал, что все, что он может сделать, будет сделано, и выразил самое искреннее сочувствие их страданиям, сказав: —

“Заслуги Плантадора и его дружба с Соединенными Штатами мне хорошо известны и не будут забыты; и в знак уважения к Соединенным Штатам я поручил военному министру преподнести ему подарок в размере двухсот пятидесяти долларов, деньгами или товарами, в зависимости от того, что больше понравится плантатору”.

Так они вернулись домой успокоенные. В ответе, который дал Кукурузник, он сказал:—

Отец: —Твоя речь, написанная на большом листе бумаги, подобна утру для больного человека, пульс которого слишком сильно бьется в висках и мешает ему спать. Он видит это и радуется, но не выздоравливает.

Отец: — Ты разрешаешь нам высказывать свое мнение относительно обработки земли. Мы просим вас научить [232]нас пахать и молотить зерно; помочь нам в строительстве лесопилок и снабдить нас топорами, пилами, шнеками и другими инструментами, чтобы мы сделали наши дома более удобными и долговечными; чтобы вы послали к нам кузнецов и, прежде всего, чтобы вы научили наших детей читать и писать, а наших женщин прясть и ткать”.

Пока Корнплантер отсутствовал, среди его народа белыми людьми было совершено несколько убийств, и некоторые из лучших семей были уничтожены. Затем он еще раз обратился с просьбой о защите и сделал все, что было в его силах, чтобы утихомирить мстительные чувства тех, кто был ранен; таким образом, доказав, что он был искренен в своих заверениях в дружбе и миролюбии.

В то самое время, когда он собирался отбыть в качестве посла мира к западным индейцам, “трое из его людей проезжали через поселение на реке Дженеси и остановились в доме, чтобы раскурить свои трубки. Внутри оказалось несколько белых мужчин, один из которых, когда стоявший впереди индеец наклонился, чтобы раскурить трубку, убил его топором, другой из группы был тяжело ранен тем же оружием, когда убежал из дома ”.

Когда Корнплантер услышал об этом, он не планировал мести и не подстрекал своих людей убивать первых белых людей, которых они встретят в ответ; но приказал своим воинам оставить свои томагавки в ножнах и только сказал: “Трудно, когда я и мой народ пытаемся заключить мир для белых людей, получать такую награду. Я могу управлять своими юношами и воинами лучше, чем Тринадцатый Огней - их собственными.

Это было великодушие, достойное христианина, и если бы оно исходило от греческого или римского завоевателя или от кого-либо другого, кроме индейцев, то было бы написано золотыми буквами и преподнесено каждой матерью[233]своему сыну как достойный пример. Но как мало еще найдется тех, кто когда-либо слышал об индейце, который думал о чем угодно, кроме мести за нанесенные увечья.

Когда Вашингтон собирался уходить с поста президента, Корнплантер специально посетил резиденцию правительства, чтобы попрощаться с ним и еще раз попросить его обратить внимание на положение его народа. Изложив несколько моментов, которые он хотел бы, чтобы он обдумал, он заключает: “Отец, я поздравляю тебя с предполагаемым отдыхом от усталости и беспокойства, которые постоянно сопровождают тебя на высоких общественных постах, и надеюсь, что тот же добрый Дух, который так долго направлял твои шаги как отца к великой нации, все еще будет продолжать защищать тебя и сделает твои личные размышления такими же приятными для тебя, какими были полезны твоему народу твои общественные меры”.

Это была последняя встреча двух вождей совершенно разных народов, оба богато одаренные природой, но по-разному облагодетельствованные судьбой. Вашингтон прожил еще немного и сошел в могилу под стенания нации, имя которой было удостоено уважения всего мира; а Корнплантер удалился в свою уединенную хижину в лесу, чтобы прожить сорок лет, посвятив себя скромным усилиям по возвышению своего народа; умереть в одиночестве с именем, которое было почти забыто.

Остаток своей жизни Кукурузный плантатор прожил очень тихо, всегда в дружеских отношениях с белыми людьми и искренне занимался продвижением сельского хозяйства и всех видов цивилизованного искусства среди своего народа. Он был убежденным христианином и всегда приветствовал священнослужителей и учителей в своей скромной обители. В 1816 году его посетил преподобный мистер Олден, президент колледжа Аллегани, который с восторгом рассказывает об улучшениях, которые были [234]сделаны под заботливой опекой старого вождя, — о больших полях гречихи, кукурузы и овса; о большом количестве овец, быков и лошадей, которые, казалось, чувствовали себя как дома и были прекрасно приручены на индейских землях. Плантатор засвидетельствовал свою радость при виде друзей-христиан, сам исполнив обязанности слуги и отправившись в поле косить траву для их лошадей. В то время он был владельцем тысячи трехсот акров земли на берегах Аллегани, а шестьсот были заняты индейцами, чьи комфортабельные жилища и возделанные поля образовывали процветающую деревню.

Ниже приводится обращение Кукурузного плантатора к Обществу друзей с просьбой о помощи в развитии сельского хозяйства и образования среди его народа.

“Братья: Народ Сенека видит, что Великий Дух желает, чтобы они не продолжали жить охотой, и они оглядываются по сторонам и спрашивают, кто же научит их тому, что для них лучше всего делать. Ваши отцы поступали честно, как поступали наши отцы. Они обязали нас помнить об этом, и мы хотим, чтобы наших детей учили тем же принципам, которыми руководствовались наши отцы.

“Братья: Мы не можем научить наших детей тому, что, по нашему мнению, требует от них ситуация. Среди нас слишком мало мудрости. Мы хотим, чтобы их научили читать и писать, а также другим вещам, которым вы учите своих детей, особенно любви к миру”.

Он умер 7 марта 1836 года и был похоронен под раскидистым деревом на своем собственном поле, но на его могиле нет ни камня, ни памятника. Столетие спустя, когда будет слишком поздно, гордая и несравненная нация осознает свою вину и свой долг перед особым, если не избранным народом:[235]

- Но все они уже уйдут из жизни,

Благородная раса и храбрецы”;

и тогда начнутся стенания по поводу того, что те, кто имел это в своей власти, должны были так равнодушно наблюдать, пока они чахли.

У Корнплантера был сын, “мальчик прекрасного духа и подающий надежды”, которого отправили в Филадельфию для получения английского образования под опекой квакеров, которые поместили его в подходящую школу и руководили его учебой.

Его не только принимали в хорошем обществе, но и ласкали. Однажды, когда он танцевал на балу с красивой девушкой, ревность одного из присутствовавших молодых джентльменов была возбуждена, и он дал выход своему раздражению, пробормотав о неприязни, которую он испытывал, видя, как молодая леди “танцует с проклятым индейцем”. Чуткий слух юного Генри уловил звук, и после того, как фигура была закончена, пригласив молодого человека подняться по лестнице, он вытолкнул его наружу и так толкнул, что тот кубарем полетел вниз. “Ну вот, - сказал он, - теперь ты можешь похвастаться, что проклятый индеец сбросил тебя с лестницы”.

Но Генри слишком долго был диким горным мальчиком, чтобы радоваться заточению или терпеливо переносить монотонные упражнения. Он чахнул до тех пор, пока не стал бледным и истощенным. Он был очень вежлив в манерах и обладал учтивостью, свойственной лесному Вождю. “Моя сестра, — говорил он, - моей сестры здесь нет, и есть другая, которой нет со мной”. Он жаждал ярких вод своей родной долины и страстно желал еще раз вдохнуть чистый воздух Аллегани. Многолюдные улицы города не имели для него никакого очарования. Он пробыл там всего несколько месяцев и, вырвавшись из заточения, поскакал обратно с проворством[236] раненого оленя к зеленым горам своего детства, к сладким голосам сестры и нежному воркованию лесной голубки.

В следующем году мистер Н., джентльмен из Филадельфии, который знал Тамошнего Шефа Полиции, прибыл по агентскому поручению в нашу страну, где с тех пор и проживает. Не имея здесь знакомых и испытывая глубокий интерес к своему юному другу, он пробрался через темные дебри Поттса и Маккина и вскоре оказался в деревне Кукурузных Плантаций. Генри сердечно приветствовал его, представив своему отцу, сестре и друзьям; но на его лице была заметна печаль, а в движениях - быстрое беспокойство, которые выдавали, насколько глубока внутренняя работа. Мистер Н. затем попросил у него нежную голубку, которую он описывал ему в былые дни. “Ее больше нет”, - сказал он и повел его к ее могиле. Здесь Гарри, по обычаю белых людей, посадил цветы, но не незабудки, не розы и не мирт, а бледные весенние фиалки, освежая их своими слезами и вдыхая из этого священного места свои мольбы Великому Духу.

Он участвовал в войне 1812 года и был доблестным солдатом под командованием генерала Портера, но очень печальна история его последующей жизни, и мрачным действительно был день его смерти; но я не буду рассказывать об этом, чтобы не стать орудием всеобщего

обвинения против его народа, которого слишком долго и слишком часто судили по отдельным примерам вырождения.[237]

ГЛАВА XII.

УТОНЧЕННОСТЬ И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ХАРАКТЕРЕ ИНДЕЙЦА, ПРОИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖИЗНЬЮ ЛОГАНА.

Индейское имя Логан почти не встречается на слуху и не пишется, поскольку то, под которым он был известен, было дано ему в детстве отцом в память о дорогом друге, белом человеке Чарльзе Логане. Его индейское имя было Тал-га-йи-та, а его отец был вождем племени каюга, чей дом находился на берегу озера Каюга.

Было много споров о событиях из жизни Логана, и речь, сделавшая его имя бессмертным, приписывалась другим — даже белому человеку. Но мистер Джефферсон, который первым предал гласности это доказательство своего красноречия и своих горестей, приложил особые усилия, чтобы подтвердить свой рассказ, и доказал, что слова, которые взволновали миллионы сердец, были произнесены Логаном, и никем другим.

Он унаследовал свои дары и благородную натуру от своего отца, который всегда был сторонником мира и который всегда был другом белого человека. Его вигвам был известен повсюду как обитель гостеприимства, дружбы и доброты. Это был вигвам, но в нем было что-то от ореола, который окружал феодальный замок во времена английского рыцарства и романтики. Те, кто собирался вокруг теплого костра, который лесной вождь разжигал для каждого незнакомца, чувствовали независимость, которую проявлял одинокий путник в каком-нибудь старом баронском зале; и он [238], председательствовавший на пиру, на который приглашались все, был не менее благороден или менее достоин, чем английский лорд. Если бы у него была ручка, чтобы описать его гостеприимство и *застольную беседу*, в ней, скорее всего, было бы замечено больше мудрости, чем в речах многих принцев или властителей. Но, увы! что касается лесного красноречия, то его донес всего лишь ветерок, и его эхо затихло в лесу.

В юности Логан переехал на берега Джуниаты, красивой реки, протекающей по дикой романтической стране, орошаемой также рекой Саскуэханна. В приятной долине он построил свою хижину и женился на шауни. Таким образом, он стал отождествляться с шауни и делаварами, хотя и принадлежал к Шести нациям. И вот таким образом он стал жертвой тех беззаконных мародеров, которые повсюду считали индейцев законной добычей, когда могли безнаказанно убивать их.

Логан в детстве прислушивался к наставлениям моравских миссионеров, и их мягкие манеры и успокаивающие слова, вероятно, повлияли на его характер. Был ли он христианином, я не знаю; но есть много людей, носящих это имя, в ком гораздо меньше примеров христианских принципов. В нем было спокойное и смягченное достоинство, утонченность чувств, которые характеризуют только возвышенных и исходят только от чистых. Его дом, как и дом его отца, был домом индейца и белого человека, обителью любви. Увы! что молоко человеческой доброты в его груди когда-либо превратилось в желчь из-за горьких и разъедающих душу обид. В детстве

его маленький двоюродный брат был взят в плен белыми людьми при отягчающих обстоятельствах, но из-за этого он не стал врагом белого человека. “Прости и забудь” - таков был его девиз во всем, что можно было простить и забыть; и он [239]дожил до глубокой старости, прежде чем месть овладела его душой.

Во всей стране, где он жил, его знали, и в каждом коттедже Логану были рады; ужас не закрадывался в сердце женщины, и страх не охватывал маленького ребенка, когда у их дверей раздавались его шаги. И это, как было впоследствии доказано, произошло не потому, что он не обладал всеми чертами характера, присущими храброму воину, а из твердого принципа, что все люди братья и должны любить друг друга.

Однажды он отправился на охоту и оказался один в лесу. Два белых охотника занимались тем же видом спорта и, убив медведя в диком ущелье, собирались отдохнуть у журчащего источника, когда увидели фигуру индейца, отражающуюся в воде. Они вскочили на ноги и схватились за ружья, но индеец наклонился вперед и выбил ружья у них из рук, а порох из их фляжек рассыпался. Затем, протянув открытую ладонь в знак дружбы, он сел рядом с ними и завоевал их сердца. Неделью они бродили вместе, днем охотились и ловили рыбу, а ночью спали у одного костра. Это был Логан, и отныне он был их братом. Он продолжил свой путь через Аллеганские горы, и они вернулись в свои дома, чтобы больше никогда не целиться из пистолета в сердце индейца.

Несколько белых людей во время путешествия остановились в его хижине отдохнуть. Для развлечения было предложено состязание в стрельбе, цена которого должна была составлять доллар за выстрел. Во время состязания Логан проиграл пять бросков, и когда они закончились, он зашел в свой вигвам и принес пять оленьих шкур в качестве выкупа за свой фант, поскольку доллар за шкуру был установленной ценой на рынке и деньгами краснокожего. Но его гости отказались взять их, заявив, что стреляли всего лишь из спортивного интереса и не желают никаких потерь. Но почтенный [240]индеец не стал отрицать, ответив: “Если бы вы проиграли выстрелы, я бы забрал ваши доллары, но поскольку я проиграл, забирайте мои шкуры”.

В другой раз он захотел купить зерна и отнес свои шкуры портному, который подделал пшеницу, думая, что индеец *не узнает*. Но мельник сообщил ему об этом и посоветовал обратиться к мировому судье за возмещением ущерба. Он пошел к мистеру Брауну, который любезно позаботился о том, чтобы его потеря была восполнена, потому что Логан часто приходил к нему домой, и он знал его благородное сердце и горевал, видя, что с ним поступили несправедливо. Ожидая решения мирового судьи, он играл с маленькой девочкой, которая только пыталась ходить, и мать заметила, что ей нужны какие-нибудь туфли, которые она не смогла ей купить.

Ребенок очень любил Логана, любил сидеть у него на коленях и, когда он уходил, тоже был готов уйти. Он спросил мать, может ли он взять ее на день к себе в хижину, и она, хорошо зная, какое внимание будет оказано ей в вигваме индейца, согласилась. Ближе к ночи все немного забеспокоились о малышке, но едва начали сгущаться сумерки, как увидели Логана, направляющегося к коттеджу со своей драгоценной подопечной; и когда он передал ее на руки матери, она увидела у нее на ногах крошечную пару мокасин искусной выделки, сделанных его собственными руками. Разве это не был деликатный способ выразить благодарность и дружбу? Была ли грубая и дикая натура причиной такого внимания к маленькому ребенку, чтобы

порадовать материнское сердце? Не все утонченные учения цивилизации могли бы изобрести более прекрасную дань сочувствия и благодарной привязанности.

Ни друг, ни враг никогда не соблазняли Логана прикоснуться к *огненной воде* до тех пор, пока обиды не разжигали месть в его душе. [241]

Он перенял лишь некоторые обычаи и отверг все пороки цивилизации. Это достоинство и вежливость были характерными чертами индейцев и повсеместно встречаются среди его народа.

Но в злой день враг пробрался в мирную хижину в лесу, и тьма окутала всю оставшуюся жизнь доброго человека.

Если бы Логан остался дальше к северу и сохранил свою принадлежность к Шести нациям, он, вероятно, был бы избавлен от бед, которые так обрушились на него. Ирокезы все еще были грозны, и ни армии, ни отдельные люди не осмеливались оскорблять их без повода. Если бы было известно, что он Сахем и один из вождей своего племени, его бы не тронули. Но не менее тяжким грехом было бы опустошение дома, обитателями которого были мирные, безобидные женщины и дети.

Небольшая группа военных направлялась на запад и разбила лагерь неподалеку от хижины Логана. Не по приказу своего капитана, а без его ведома двое или трое отправились ночью, чтобы нанести любой вред, который был в их силах, индейцам, которые, как они слышали, были поблизости. Муж и отец отсутствовали, но они заманили одного брата в лес и хладнокровно убили его, а затем вернулись, чтобы так же жестоко расправиться с другим, а затем застрелили мать и малышей, оставив всех лежать на полу, залитых кровью. Логан вернулся и обнаружил, что в его хижине живут только мертвые, и жажда мести впервые загорелась в его груди и бушующим пламенем горела в его душе. Теперь он стал врагом белого человека и подстрекал каждого сына леса безжалостно убивать их общего врага. Так началась долгая и ужасная война с индейцами, которая наполнила ужасом всю страну и на десять лет запятнала наши исторические[242]записи зверствами индейцев, не имеющими аналогов в нашем колониальном или национальном опыте. Тихие мирные дома белых людей были захвачены, а женщины и дети либо убиты, либо уведены в плен; но тогда было неизвестно, почему были совершены эти безобразия. Их приписывали любви индейцев к войне, резне и кровопролитию; но везде, где можно проследить жестокость индейцев, обнаружится, что ей предшествовали акты более жестокие и бессердечные со стороны белых людей

Незнакомец,—есть те, кто думает и пишет

Душа индейца, не тронутая светом,

И что вина лежит на нем

За всю кровь, пролитую его рукой!

Как и у меня, его дружелюбные дома среди,

Они бы знали, что Бог никогда не создавал,

В сердце сплошная тьма, и как долго

Индеец вел себя агрессивно неправильно.

Старый Логан был другом белого человека;

Но травмы вынудили его любовь оборваться;

Лишенных детей, жены и родни,

Ему не осталось никого, кто мог бы радоваться или горевать,

Он поднялся в спокойном, мстительном гневе,

У костра национального совета своей страны,

И повелел им, клянусь их убитыми отцами,

Никто больше не пребывает в безмолвном покое,

Но поднимите клеймо и боевой клич,

Ради мести, если не победы!

“Добро пожаловать, англичане! добро пожаловать, англичане!” - это было приятное приветствие, которое наши отцы слышали на берегах Новой Англии; и такое же гостеприимство оказывали всем, кто приезжал, эти ничего не подозревающие и доверчивые люди.

В 1774 году была отправлена депутация для переговоров с сахемами и вождями и для того, чтобы попытаться смягчить их месть. Но Логан долго не соглашался. Никакие уговоры не могли заставить его присутствовать на совете, который должен был [243]вести речь о мире. Он не желал разговаривать с белыми людьми о мире. Он знал, что спорить дальше бесполезно — с таким же успехом они могли подчиниться. У индейца не было другой надежды, кроме как бежать от преследующих их вооруженных легионов, но он никогда не будет им другом.

Наконец, Быт. Глесон, который был одним из членов делегации, последовал за ним в глубь леса; и там, сидя на поваленном дереве в окружении Кукурузного стебля и почтенного вождя шауни рядом с ним, он был вынужден подписать договор, который все остальные сахемы подписали до него, но только после того, как он повторил душераздирающую историю о своих обидах и обидах своего народа. Это было все равно что выжимать кровь из его сердца, видеть, как они таким образом чахнут. Они тысячами падали от меча и десятками тысяч от еще более опустошающего бича огненной воды; и пока он говорил, слезы текли по его изборожденным морщинами щекам, и его обостренная чувствительность обострилась до самых сильных страданий. Здесь он произнес речь, знакомую каждому англичанину.

В речи фигурирует имя Кресапа, поскольку Логан думал, что он был с мужчинами во время убийств. Детали сделки различаются почти в каждом из приведенных описаний, но поскольку у меня нет места для дискуссий, я привожу наиболее достоверное повествование и переписываю речь в том виде, в каком она впервые появилась в “Записках Джефферсона о Вирджинии”, в которых он бросает вызов всем авторам древности в создании чего-либо превосходящего.

РЕЧЬ ЛОГАНА.

“Я обращаюсь к любому белому человеку с просьбой сказать, входил ли он когда-нибудь в хижину Логана голодным, а он не давал ему мяса; приходил ли он холодным и голым, а он не одевал его. Во время [244]последней долгой и кровопролитной войны Логан оставался в своей каюте, выступая за мир. Такова была моя любовь к белым, что мои соотечественники показывали на меня пальцами, проходя мимо, и говорили: "Логан - друг белых людей". Полковник. Крезап, прошлой весной, хладнокровно и неспровоцированно убил всех родственников Логана, не пощадив даже моих женщин и детей. Ни в одном живом существе не течет ни капли моей крови. Это взывало ко мне о мести. Я стремился к ней. Я убил многих. Я полностью утолил свою месть. За свою страну я радуюсь лучам мира. Но не лелейте мысли, что моя радость - это страх. Логан никогда не испытывал страха. Он не повернется на каблуках, чтобы спасти свою жизнь. Кто здесь, чтобы оплакивать Логана? Ни одного.

Никогда больше у Логана не было ДОМА. Много лет он скитался от поселения к поселению, беспокойный, угрюмый и несчастный, и в конце концов лег умирать в лесу. “Некому было оплакивать Логана”, но Джефферсон совершенно справедливо замечает: “его таланты и несчастья вызвали к нему уважение и сочувствие всего мира”. [245]

ГЛАВА XIII.

САМАЯ МРАЧНАЯ СТРАНИЦА ИНДИЙСКОЙ ИСТОРИИ.

История международных договоров, безусловно, самая мрачная из всех страниц индийской истории. Война и кровопролитие ужасны, поистине ужасны; рассказы о массовых убийствах леденят кровь в наших жилах; а ожесточенная борьба войны возмущает все самые тонкие чувства нашей натуры. Но была гораздо более ожесточенная борьба за договоры, от которой сердце обливается кровью, а дух стонет.

Когда Шесть наций были достаточно покорены и поселились в свободных резервациях, которые были оставлены им в западной части Нью-Йорка, если бы они могли оставаться в покое и больше не испытывать несправедливости или бесчестия, они вскоре переняли бы искусство цивилизации и, благодаря наставлениям миссионеров, стали бы христианским народом.

Но не успело затихнуть эхо боевого клича и грохота пушек, как среди них появилась армия змей в человеческом обличье, принявших облик ангелов света. Это были земельные спекулянты; и нет такого вида подкупа или коррупции, который был бы во власти человека, к которому они не прибегали бы, чтобы полностью изгнать индейцев из наших границ.

Таким образом, они постоянно находились в неустроенном состоянии, так что в течение многих лет труды миссионеров казались совершенно напрасными. Некоторые из вождей[246]время от времени поддавались подкупу, а некоторые - обману и решали отказаться от всего, чем владели, и перебраться за Миссисипи. И уже в 1846 году была сформирована эмигрантская партия, и более сотни человек отправились в западные дебри, где более половины из них погибли до конца года.

Путем грубого и подлого обмана резервация бизонов была в конце концов получена, так что все индейцы были вынуждены покинуть свои удобные дома и хорошо возделанные поля и заново начать жить в лесах - валить деревья, пахать, сажать и сеять. С помощью аналогичного мошенничества были предъявлены права на резервацию Тонаванда; но вожди и народ не захотели уезжать, заявив, что договор никогда не подписывался кем-либо из тех, кто имел право заключать контракты, и у них не было желания уступать еще один акр своих земель белым людям. Таким образом, дело все еще находится в судах, где тысячи долларов были потрачены на наступательную и оборонительную войну слов и придираков. Но у индейцев теперь есть юристы среди самих себя, а также надежные друзья и способные советчики среди белых людей, и есть надежда, что право все же восторжествует.

В эти смутные времена прозвучало множество трогательных обращений к обществу и правительству, которые, казалось бы, могли растопить каменные сердца, а также доказать, что красноречие не умерло вместе с Красной курткой или Кукурузным плантатором.

Эти неприятности также сплотили вокруг них многих друзей, особенно среди квакеров, и пробудили сочувствие и возобновили усилия в их защиту. Несколько выдержек из писем, написанных теми, кто защищал их в час бедствия, и из речей некоторых их вождей, некоторые из которых все еще живы, дадут некоторое представление о том, что представляет собой индеец в цивилизованном состоянии, когда *буквально* сидит у своего очага. [247]

Выдержка из отчета, составленного депутацией друзей с целью расследования истинной природы разногласий между земельными спекулянтами и индейцами:

“Для тех, кто хотел лишить индейцев их земель, было обычным делом сначала называть их невежественными, или глупыми, или дикарями; а затем, "по такой достойной причине, считать их своей законной добычей", изгнать их из черты цивилизации, а затем закрыть перед ними врата милосердия.

Но это неправда, что эти остатки Шести наций являются варварскими или порочными. Напротив, они невинный и совершенствующийся народ. Чувствуя собственную слабость, они были вынуждены уступить угнетению и обидам; но они не склонны и не мстительны. Они - остаток смелой, воинственной и высокоодаренной расы; действительно, упавшей с головокружительной высоты огромной политической и физической власти, но переносящей это падение с терпением и достоинством; внушающей уважение и делающей их объектами пристального интереса филантропов и философов.

“Эти нью-йоркские индейцы, как и все другие сообщества человечества, обладают большим разнообразием характеров и уровней интеллекта, но как народ, возможно, ни один из аборигенов Северной Америки не сравнялся с ними во всех проявлениях умственной силы. Они не пользовались буквами, чтобы накапливать в своих умах знания или записывать свои собственные достижения; и все же мы знаем, что среди них было много великих и талантливых людей, которые, делая очень умеренную скидку на недостаток образования, не пострадали бы по сравнению с величайшими европейскими конкурентами. Они с древнейших времен считались очень необычной расой, отличавшейся от всех окружающих народов своей способностью к переговорам, [248] красноречием и воинственностью. Отличаясь любовью к свободе, они презирали подчинение иностранному контролю. Барон Ла Хутан говорит о них: ‘Они смеются над угрозами королей и губернаторов, потому что у них нет ни малейшего

представления о зависимости — само это слово для них невыносимо. Они считают себя суверенами, не подотчетными никому, кроме Бога, которого они называют Великим Духом".

Де Витт Клинтон в своей "Истории шести наций" сообщает нам, что они обладали господством над страной поразительной протяженности и плодородия, населенной воинственными и многочисленными народами, что, должно быть, было результатом единства замысла и системы действий, исходя из мудрой и энергичной политики, продолжавшейся в течение длительного времени. Что по красноречию и достоинству, а также по всем характеристикам личной политики они превосходят собрание феодальных баронов.

"Их территория оценивалась в 1200 миль в длину и 700 в ширину, включая великие озера или внутренние моря, которые ограничивали наши владения на севере. Среди их ораторов были Гарангула, Кукурузник, Красная куртка и Большой Чайник, о которых один элегантный писатель сказал: "Это были люди, чье величие ума сияло таким блеском, которого не могли омрачить никакие принижающие названия". Президент Джефферсон говорит: "Я могу бросить вызов всем речам Демосфена и Цицерона и любого более выдающегося оратора, если Европа когда-либо поставляла более выдающихся ораторов, чтобы привести хоть один отрывок, превосходящий речь Логана; и все же этот Логан был сыном вождя племени кайюга, сахема Нового времени". Йоркские индейцы".

"Когда среди них распространилась весть о том, что договор подписан и их земля продана, они были невыразимо опечалены. Для бедных Сенекас это был 'день тьмы и уныния, облаков и густой тьмы', сквозь которую не мог проникнуть луч радости.^[249] Ужас и мрак охватили их поселения. Их женщин видели со всех сторон плачущими в их домах - вдоль их дорог - когда они шли по своим делам, и в полях, когда они были заняты своими трудами. Один из их вождей в речи по этому случаю сказал: 'Кажется, что мы должны быть измотаны. Когда мы видим, что наши поля покрыты зерном, а сады ломаются от фруктов, это только усиливает нашу печаль.' Застывшая и выразительная мрачность, отразившаяся на их лицах и поведении, свидетельствовала о реальности их печалей.

"Жестокость попытки изгнать индейцев в то время усиливалась тем фактом, что за последние полвека, под опекой Друзей, они добились больших успехов в цивилизации. У них были хорошие дома, амбары, лошади, повозки, крупный рогатый скот, овцы, свиньи и сельскохозяйственная утварь. У них были места поклонения и школы, многие из них умели читать и писать, а также имели книги и частные библиотеки. У них были хорошие фермы и некоторые навыки в сельском хозяйстве. Было бы гораздо менее жестоко загнать окружающее белое население в пустыни за Миссури, чем отправить туда индейцев Сенека. Первые вскоре собрали бы вокруг себя все удобства жизни, вторые же вскоре рассеялись бы или погибли навсегда".

Ниже приводится обращение к Обществу друзей в Балтиморе от двадцати вождей народа Сенека, в котором они сообщают о своих проблемах.

Заседание Совета Каттарауга, 5 октября 1845г.

Комитету друзей,

Братья: — Нам сообщили, что вы скоро проведете большой Совет в Балтиморе по поводу наших дел. Мы молимся, чтобы Великий Дух укрепил вас, дал вам мудрость и правильно направил вас во всех ваших размышлениях.[250]

Братья: — Мы знаем, что вы любите нас; Великий Дух научил вас делать это. Ваши уши были открыты, чтобы слышать наши крики, и ваши сердца были склонны помочь нам в нашем горе. Мы не можем вознаградить вас; нам нечего дать вам взамен, кроме нашей любви и благодарности. Это у вас есть сполна.

Братья: — Когда ваши отцы были слабы, а наши - сильны, Великий Дух заставил их поверить, что вы их друзья; они помогли вам в вашем детском состоянии. Все изменилось! Вы стали великими и сильными, а мы бедными и слабыми. Теперь вы расплачиваетесь с нами за то, что сделали наши отцы.

Братья: — Наши беды действительно велики. Вы осознаете это и многое сделали, чтобы облегчить наше бедствие; но цепи белых людей выросли и продолжают затягиваться на нас из-за потери нашего имущества. Они множатся и становятся слишком тяжелыми, чтобы мы могли их выносить.

Братья: — Нам не на кого (на земле) надеяться за помощью и защитой, кроме вас. Когда вы покидаете нас, все потеряно. Наши жены и дочери смачивают слезами подушки и молят Великого Духа, чтобы он держал ваши уши открытыми, чтобы вы могли слышать их крики.

“Братья, Нам почти нечего сказать; наши рты почти закрыты. Мы надеемся на вас. Прощайте”.

Выдержка из обращения нескольких индейских вождей к Комитету четырех ежегодных собраний друзей Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора и Джинси.

Когда мы оглядываемся назад и просматриваем историю прошлого, мы обнаруживаем, что прошло более пятидесяти зим с тех пор, как ирокезы, или Шесть народов, впервые выбрали[251] *Общество друзей в качестве своих друзей*, на которых они могли положиться, не опасаясь быть преданными.

Отбор производился из сект и деноминаций тех, кто называл себя христианами, в то время, когда война уменьшила число храбрецов—ирокезов — когда тетива лука ирокезов была порвана — когда костры его совета были почти потушены кровью его народа, а громкие грохочущие выстрелы больших железных ружей бледнолицых заставили землю дрожать у него под ногами, а его дом совета содрогнулся до самого основания — когда угнетение сокрушило ирокезов, а жестокость заставила его сердце обливаться кровью — когда убийства и грабежи совершались на территории его дома. краснокожий принес награду нарушителю, совершившему нечестивое деяние, - когда бледнолицые, как голодные гончие, прогнали краснокожего с его охотничьих угодий.

Именно тогда солнце красного человека померкло, и Великий Дух прикрыл его сияющий лик своим соболиным одеянием и оставил своих красных детей бродить во мраке и неуверенности. Оглядевшись, ирокез не увидел никого, кто мог бы помочь ему в его борьбе за свободу, его страну и его очаги, — он не нашел сочувствия у бледнолицых христиан, кроме Общества Друзей, которые, руководствуясь истинными принципами духа христианства, вложенными в их груди, ведомые велением Доброго Духа и следуя советам и предписаниям Того, Кто никогда не

ошибается, пришли к нам на помощь; не с порохом, пулями или оружием, но с сочувствием в груди, жалостью в сердцах и дружбой в руках; и наша традиция сообщает нам, что они пришли к нам на помощь. , что с тех пор, как был установлен этот союз между Обществом друзей и нашим народом; не произошло ничего, что могло бы омрачить наше взаимное[252]понимание или запятнать цепь дружбы, которая связывала нас вместе.

Братья: Мы надеемся, что вы сможете научить своих детей любить и жалеть краснокожих; чтобы, когда Владыка жизни и света призовет вас отсюда, у ваших краснокожих братьев все еще могли быть друзья, подобные вам, и хорошее взаимопонимание, существующее сейчас между нами, навсегда сохранялось и лелеялось между вашим потомством и нашим. За услуги, которые вы нам оказали, примите благодарность пострадавшей и угнетенной расы, и пусть Великий Дух оберегает и защищает вас”.

В любой момент за высылку выступало не более пятнадцатой части всей нации, и согласие этих немногих было получено путем введения в заблуждение и подкупа, за что разными способами и в разное время были выплачены суммы в размере 32 000 долларов. И все же в свое время каждый клочок земли был уступлен, и начался процесс переселения. Долг Общества друзей - заявить, что именно благодаря их настойчивому содействию это великое бедствие было предотвращено.

Одним из самых благородных и почитаемых вождей рода Сенека был

Большой чайник.

В его груди пылал самый высокий патриотизм, а на челе сияла чистейшая филантропия. Для него страдания его народа были семенами смерти; они въедались в его сердце и пили его живительную кровь. Он оплакивал их опустошение и оплакивал их грехи.

“О, неужели мы ничего не можем сделать?” - сказал он однажды утром мистеру Райту, миссионеру, который оставался среди них, когда мало что мог сделать, кроме как ободрять их сопротивляться до конца и молиться, чтобы их силы не иссякли, и который стоял рядом с ними, готовый к любому[253]служению, в самые мрачные часы их невзгод. “Неужели мы больше ничего не можем сделать? Да, давайте продолжим подавать петиции”, - был ответ и предложение написать все, что он скажет.

Результатом стал протест, который на его родном языке был до крайности трогательным. Выслушав это, я спросил, не было ли в переводе приукрашено; и ответом было, что ни один перевод не может передать оригинал. Я могу привести лишь несколько выдержек.

“Во-первых, как народ, без исключения, мы любим землю нашего рождения, место могил наших отцов; и если бы нам было позволено сохранить в неприкосновенности дары Божьи нашему народу, ни у кого из нас не возникло бы мысли об эмиграции. Мы довольны нашей страной, мы не просим и не стремимся к лучшему.

“Но нам говорят, что мы никогда не сможем жить здесь в мире; что мирная земля индейцев находится далеко за заходящим солнцем. Давайте откроем наши сердца вашему почтенному телу. Мы обеспокоены. Почему следует говорить, что у нас здесь не может быть мира? Возраст, мудрость и достоинство великой нации принадлежат вам. Вы можете разрешить наши сомнения за нас. В Соединенных Штатах достаточно суши. У вас множество

средств связи. По всей вашей обширной стране ваши пароходы, железнодорожные вагоны и кареты могут доставить ваших людей туда, куда они пожелают отправиться. У вас также нет недостатка в богатстве, чтобы ваш народ желал разбогатеть за наш счет. Мы также не предоставили вам никаких оснований для жалоб на нас.

“Мы сражались бок о бок с одним из ваших величайших генералов. Он все еще жив, чтобы свидетельствовать о нашей верности. Да, кровь наших вождей была пролита на поле битвы за то, что, как вы тогда сказали нам, было нашей общей страной. Это было смешано с кровью ваших врагов, убитых нашими[254]руками, и это тоже по вашей просьбе, в то время, когда вы сказали, что нуждаетесь в нашей помощи. Почему же тогда у нас не может быть мира в стране, мир в которой мы помогли купить такой ценой?

“Это правда, что нас сейчас мало и мы слабы; вы многочисленны и могущественны, но вы также великодушны. Великие сердца, которые бьются в груди ваших вождей и первых лиц, не позволили бы им угнетать остатки какой-либо нации, почти стертой с лица земли, не говоря уже об остатках друзей, которые когда-то сражались и проливали за них кровь.

“ Это правда, мы почти истощены. В самом маленьком из ваших десяти тысяч городков проживает больше людей, чем во всей нашей стране. И может ли тогда быть какое-то удовлетворение для Соединенных Штатов от того, что они наступили на шею старику, который даже сейчас, пошатываясь, спускается в могилу? Мы не можем понять этих вещей. Мы хотим, если нам всем суждено сойти в могилу и исчезнуть с лица земли, лежать вместе в одном прахе с нашими предками. Чужая, неосвященная земля других стран будет тяжело давить нам на грудь. Будет холодно — мы не можем спать в таких могилах.

“Мы не сможем процветать там, если наших сердец там нет, если мы пойдем против своей воли, если нас выгонят оттуда с разбитыми сердцами и подавленными. Нет: люди будут голодать и погибнут на самой плодородной земле на земле, если будут вынуждены вступить во владение ею при таких обстоятельствах. Мы должны уйти довольными - мы должны уйти радостными, чтобы воспользоваться любезными предложениями правительства; и, прежде всего, мы должны уйти сплоченными. Узы, которые держали нас вместе, разорваны. *Теперь* между друзьями и братьями разгорается пламя раздора. Если вы поспешно столкнете нас всех вместе, мы будем только пожирать друг друга, пока сами не будем уничтожены. И даже если бы мы не уничтожили друг друга полностью, мы не смогли бы процветать. Дуб, расколотый ударом молнии, больше не вырастет. Добрая, нежная[255]рука могла бы пересаживать росток за побегом и, возможно, вырастить там лес. Но после удара молнии ни корень, ни ветка не сохраняют способности к прорастанию. Какой вред может нанести вам то, что осталось? Какая польза от нескольких тысяч акров земли такой стране, как Соединенные Штаты? Но почетное имя — любовь и дружба тех, кого Бог доверил вашей заботе, и, прежде всего, СОЗНАНИЕ ТОГО, ЧТО ВЫ ПОСТУПАЕТЕ ПРАВИЛЬНО, будут иметь огромное значение.

“Таким образом, мы открыли вам наши сердца. Наши воины, наши женщины и дети пойдут своим путем, чтобы заявить о своем согласии. Мы надеемся, что вы внимательно обдумаете то, что мы сказали. Мы долго злоупотребляли вашим терпением, но когда на карту поставлены ДОМ и СТРАНА, могилы наших отцов и честь Соединенных Штатов, мы не могли бы сказать меньше. Пусть Великое Существо, управляющее советами и судьбами народов, приведет вас к правильному решению”.

Биг Кеттл стал еще одним отрадным примером того, что индеец может противостоять искушению и сохранять свою целостность в самые мрачные часы невзгод и самых тяжких обид. Среди его соплеменников и среди белых людей есть много тех, кто знал его, кто называет его более великим человеком, чем Красная Куртка. Он дожил до более позднего дня и острее, если это было возможно, ощутил беды, которые, казалось, с годами все гуще и быстрее обрушивались на индейца. Его голова всегда была ясной, потому что ни одна капля огненной воды никогда не касалась его губ. В его поведении было больше мягкого достоинства и больше приветливости в манерах, чем при общении с Красной Курткой. Он обладал более тонкой чувствительностью, и хотя в его речах часто проскальзывала нотка сарказма, она не была такой горькой, как та, что сквозила почти в каждом слове Красного Пиджака. Он оставался[256]язычником до дня своей смерти, хотя, казалось, отчасти утратил интерес к языческим церемониям. Он искренне стремился возвысить свой народ и способствовать распространению истинно нравственного духа. Выдающийся государственный деятель и безбожник, предложивший основать школу для пропаганды безбожия, однажды попал в компанию к Большому Кеттлу и попытался убедить его, что Бога нет, и настроить его против миссионеров, и возбудить в нем ожесточенную вражду к религии; но вера индейца в Великого Духа не была поколеблена, и хотя он не понимал христианского Бога, его пронизательный ум быстро обнаружил ошибочность аргументов атеиста, и он былглубоко возмущен его грубыми манерами и разговорами, а также отсутствием принципов, которые были очевидны. в его мотивах.

Он сказал, что отречься от огненной воды его побудило то, что он стал свидетелем ее пагубного влияния на своего отца и тех страданий, которые она принесла в их счастливую семью.

Он буквально умер от разбитого сердца. Среди вождей были те, кто выступал за заключение договора, и однажды в доме совета раздор достиг такой силы, а дискуссия стала такой жаркой, что томагавки были обнажены, и возникла опасность чего-то более страшного, чем словесная перепалка. Я видел тот, что сверкал в руке Большого Кеттла в тот раз, но ему не было позволено причинить вреда, и именно это огорчало патриотичного старика больше всего на свете - видеть, как ирокезы враждуют друг с другом. В старые времена все было не так. О, как все изменилось! Когда-то все индейцы были братьями; но теперь они разделились. Видеть их истощенными было не так печально, как видеть их сломленными и вырождающимися. Он скорбел и не желал, чтобы его утешали, и, как Логан, ушел в лес и заперся в одинокой хижине, чтобы умереть.[257]

Миссионер узнал о его убежище и навестил его, пытаясь утешить его дух, но тщетно. Он также пытался привести его к христианскому Богу и объяснить ему христианскую веру. Но и это было тщетно. Он сказал, что Великий Дух не счел нужным давать индейцу хорошую книгу, о которой говорили белые люди, и поэтому он не будет наказывать его за то, что он не знал, что в ней содержится. “Большой Кеттл, - сказал он, - никогда не причинял зла своим ближним. Большой Кеттл никогда не брал того, что принадлежало другому— никогда не лгал. Великий Дух знает, что Большой Кеттл любит его, и он заберет его в хорошее место, когда тот умрет. Итак, твердо веря в индийского Бога, он ушел в 1839 году, не испытывая ни малейшего страха смерти или нежелания уходить, и мы оставим его Великому Духу. “Он один является судьей”.

Речь Гаяшуты, обращенная к Обществу друзей.

Братья: Сыновья моего любимого брата Онаса.¹ Когда я был молод и силен, наша страна была полна дичи, которую Добрый Дух послал нам для пропитания; земли, принадлежащие нам,

простирались далеко за пределы тех мест, где мы охотились; у меня и людей моего народа было вдоволь еды и всегда было чем угостить наших друзей, когда они входили в наши хижины, и мы радовались, когда они получали это от нас; охота тогда не была утомительной — это было развлечение — это было удовольствие.

Братья: —Когда ваши отцы попросили землю у моего народа, мы дали ее им, потому что у нас было более чем достаточно. Гаяшута был одним из первых, кто сказал: "Отдай[258]землю нашему брату Онасу, потому что он хочет ее, и он всегда был другом Онасу и его детям".

Братья: —Ваши отцы видели Гаяшуту, когда он был молод; когда он даже не думал о старости или слабости; но вы слишком далеко, чтобы увидеть его теперь, когда он состарился. Он очень стар и немощен, и он удивляется собственной тени — она становится такой маленькой.

У него нет детей, которые могли бы позаботиться о нем, а белые люди отгоняют дичь, так что молодым людям приходится охотиться весь день, чтобы найти дичь себе на пропитание; они ничего не оставили Гаяшуте. И не только Гаяшута становится старым и немощным — все еще остается около тридцати ваших старых друзей, которые, будучи не в состоянии обеспечить себя или помочь друг другу, стали бедными, голодными и раздетыми.

“Братья!—Гаяшута посылает вам пояс, *который он получил давным-давно от ваших отцов*, и письмо, которое он получил не далее как вчера от одного из вас. Благодаря им вы вспомните его и старых друзей ваших отцов в этой стране; посмотрите на этот пояс и на эту надпись, и, если вы вспомните старых друзей*ваших отцов*, подумайте об их прежней дружбе и их нынешнем горе; и, если Добрый Дух вложит это в ваши сердца, чтобы утешить их в старости, не пренебрегайте его советом. Мы мужчины, и поэтому нам нужно только сказать вам, что мы стары, и немощны, и голодны, и наги; и что у нас нет других друзей, кроме вас, детей нашего любимого брата Онаса”.

Были попытки доказать, что Друзья, как и другие, были виновны в несправедливости, мошенничестве и лживости по отношению к индейцам, но я нигде не могу найти обоснования этим обвинениям; и для любого непредубежденного человека достаточно убедительно, что у краснокожих не сложилось бы общего впечатления, что Друзья[259]отличались бы от других белых людей, если бы они не видели, как это демонстрировалось. Будь то на Севере или Юге, Востоке или Западе, впечатление индейцев о бледнолицых одинаково. Пекоды и чероки, семинолы и дакоты испытывают одинаковое обращение и выражают одинаковые чувства.

Речь Черного Ястреба, когда после долгого и отчаянного конфликта он был схвачен и заключен в тюрьму, является всеобщим плачем.

“Солнце тускло взошло над нами утром, а ночью скрылось за темным облаком и стало похоже на огненный шар. Это было последнее солнце, которое сияло над Черным Ястребом. Его сердце умерло и больше не бьется быстро в груди. Теперь он пленник белого человека; они сделают с ним все, что пожелают. Но он может выносить пытки и не боится смерти. Он не трус. Черный Ястреб - индеец. Он не сделал ничего, за что индусу следовало бы стыдиться. Он сражался за своих соотечественниц, скво и папуасов, против белых людей, которые приходили год за годом, чтобы обмануть их и отнять их земли. Вы знаете причину, по которой они развязывают войну. Это известно всем белым людям. Они должны стыдиться этого. Белые люди презирают индейцев и изгоняют их из своих домов. Но индейцы не лживы. Белые люди плохо отзываются об индейцах и смотрят на них со злобой. Но индейцы не лгут; индейцы не крадут.

“Индеец, который так же плох, как белый человек, не может жить в нашей стране; он был бы предан смерти и съеден волками. Белые люди - плохие школьные учителя; они носят фальшивую внешность и совершают фальшивые поступки; они улыбаются в лицо бедному индейцу, чтобы обмануть его; они жмут ему руку, чтобы завоевать его доверие, напоить его и погубить его жену. Мы сказали им оставить нас в покое и держаться от нас подальше; но они последовали дальше и[260]преградили нам путь, и они обвились вокруг нас, как змеи. Они отравляли нас своим прикосновением. Мы не в безопасности, мы жили в опасности. Мы становились такими же, как они, — лицемерами и лжецами, прелюбодеями и ленивыми трутнями.

“В лесу не было оленей; опоссум и бобр разбежались; источники пересыхали, а наши скво и папуасы остались без пищи. Дух наших Отцов пробудился и обратился к нам, чтобы мы отомстили за наши обиды или умерли. Мы все выступили перед камином совета. Было тепло и приятно; мы установили боевой клич и выкопали томагавк; наши ножи были наготове, и сердце Черного Ястреба билось высоко в груди, когда он вел своих воинов в битву. Он удовлетворен. Он отправится в мир духов довольным.

“Черный Ястреб - настоящий индеец. Он переживает за свою жену, своих детей и друзей. Но он не заботится о себе. Он заботится о нации и индейцах. Они будут страдать. Он оплакивает их судьбу. Белые люди не снимают скальп с головы, но они делают кое—что похуже - они отравляют сердце; оно у них нечисто. С его соотечественников не снимут скальп; но через несколько лет они станут подобны белым людям, так что им нельзя будет доверять; и там должно быть, как в поселениях белых, почти столько же офицеров, сколько солдат, чтобы заботиться о них и содержать их в порядке.

Прощай, мой народ! Черный Ястреб пытался спасти тебя и отомстить за причиненные тебе обиды. Он взят в плен и больше ничего не может сделать. Его солнце садится и больше не взойдет. Прощай, Черный Ястреб!”

Я нигде не приводил выдержек из кровавых летописей войны или связанных с ними примеров индейского варварства; но если бы я их сделал, они составили бы приятную картину для размышления по сравнению с историей борьбы, которая велась между простой, доверчивой[261]бандой индейцев и ворами и разбойниками, которые вторглись к ним с оружием более смертоносным, чем томагавки и ножи для снятия скальпелей, — оружием, которого они не могли видеть и, следовательно, не могли отразить. Я дал лишь краткий обзор долгой борьбы; но я не буду останавливаться на ней дольше, поскольку, что касается ирокезов, мы надеемся, что она закончена, хотя все еще есть усилия и, возможно, надежда утомить индейцев и таким образом завладеть их владениями. Но это бесполезно; они расстанутся не с ними, а со своей кровью.

Что касается большинства из них, то те дни облаков и густой тьмы прошли, и вместе с ними должны исчезнуть предрассудки и взаимное недоверие, которые они породили.

Итак, индейцы на всех этих землях являются земледельцами, и вы можете проехать мили во всех направлениях и увидеть их плодородные поля и удобные жилища, свидетельствующие о трудолюбивом, в высшей степени мирном и счастливом народе. И если вы войдете в эту маленькую церковь, вы увидите, что они тоже христианский народ. Поначалу вы могли бы улыбнуться странностям в одежде женщин, потому что они упорно, и, я думаю, очень

правильно, отказываются от одежды, которую мы называем цивилизованной, но которая больше заслуживает названия варварской. Никакие винты или шнуровки не портят их формы, и их верхняя одежда по-прежнему короткая и очень свободная. Пожилые женщины сидят с непокрытыми головами, их длинные черные волосы заплетены в косы с яркими лентами на шее. Женщины помоложе практически повсеместно носят цыганские шляпы с веселыми лентами, и все носят шали, как правило, очень со вкусом подобранные и красивые. Этот костюм с насыщенным коричневым оттенком их мягкой кожи придает им живописный и приятный вид.

У них есть большие отрывки из Библии, сборник гимнов и несколько школьных учебников на их родном языке, а также богатая [262]музыка - это когда все они встают и поют "с духом и пониманием" старые добрые мелодии на их собственном богатом и особенно выразительном языке. Здесь есть пожилые мужчины и мужественные юноши, матроны, девы и крошечные младенцы; и все, не исключая самых маленьких, очень почтительны и серьезны в своем поведении.

Сегодняшнюю проповедь читает один из их соплеменников, вождь, и хотя для меня она греческая, что касается назидания, я слушаю более внимательно, чем иногда, то, что я могу понять, потому что есть что-то очень завораживающее в языке и в говорящем. Он не священник, но сегодня занимает кафедру, потому что оба миссионера отсутствуют, чтобы посетить ежегодное собрание в отдаленном месте; но он суперинтендант субботней школы, и хотя он проходит шесть миль, отсутствовал, по-моему, всего дважды за три года. Многие из присутствующих имели привычку проходить пешком восемь или девять миль, мужчины, женщины и дети, и они так же уверены в том, что будут присутствовать, как в том, что зазвонит субботний колокол.

Здесь индеец по-прежнему остается индусом, и среди юношей и девушек нынешнего поколения есть несколько благородных представителей этой все еще благородной расы; и смешение саксонской крови, где бы оно ни имело место, не привело к ухудшению положения.

Поскольку моя книга написана с надеждой распространить правду и, таким образом, устранить предубеждение, я приведу пример существующего предубеждения и не сомневаюсь, что такой же инцидент произошел бы в любом городе, где проводился судебный процесс.

В первую субботу, когда я посетил церковь, я заметил рядом с собой красивую женщину с ярчайшим оттенком чистой мингской крови на щеках и волосами цвета воронова крыла, мягкими струящимися прядями, вьющимися на висках и заплетенными сзади в классические косы. Высокая, дородная, с [263]достойными манерами, она особенно привлекла мое внимание, а милое и интеллигентное выражение ее лица говорило о том, что она не обычная женщина.

Я спросил, кто она такая, и узнал, что она была падчерицей их самого выдающегося вождя, Красной Куртки, и одной из тех, кого он особенно любил. Она была ребенком, когда он был стариком, и сидела у него на коленях, и гладила его иссохшую щеку, и целовала в лоб, и принимала его самые нежные ласки. Ее мать была второй женой великого оратора, верным другом миссионеров и последовательным членом маленькой миссионерской церкви все последние годы своей жизни. Таким образом, дочь получила христианское воспитание и является вполне разумной и очень интересной женщиной. Но пока я слушал этот ответ и делал эти замечания, я также выслушал историю, которая заставила меня покраснеть за мой народ.

Несколько лет назад, когда Американское правление проводило свое ежегодное собрание в одном восточном городе, жену миссионера, миссис Райт, попросили привести одну из индианок, которая говорила по-английски, а также была знакома с ее родным языком, чтобы еще многие могли заинтересоваться их трудом и увидеть плоды. Это была женщина, которую она выбрала себе в сопровождающие. Конечно, там была огромная толпа людей, а отели и пансионаты были более чем переполнены. В том доме, где они поселились, стол был окружен теми, кого на модном языке называют *благородными людьми*, и здесь миссионеры и дочь вождя гордой расы заняли свои места, как достойные занимать такое же положение и получать такую же вежливость. Каково же было их удивление, когда они увидели на лицах тех, кто сидел напротив них, негодование и сознательное оскорбление от того, что даме из другого народа и с более темным оттенком кожи [264] было позволено обедать с ними как равной! На их презрительные взгляды и жесты никто не обратил внимания, но каково же было удивление провинившейся стороны, когда за следующим ужином они обнаружили, что стол свободен — их оставили в покое. Затем хозяйка объяснила причину своего оскорбления и попросила, чтобы кто-то мог занять свое место за вторым столом, так как в противном случае они потеряют своих постояльцев. Миссионеры ответили, что, если она сядет за второй столик, они тоже должны это сделать; и на это предложение она, не краснея, согласилась; и в остальное время вульгарный аристократизм заведения не был нарушен присутствием двух достойных, похожих на леди христианок, которые были выше их понимания, как небо над землей. Они ели и пили без опасности заражения! Одна из особенностей индейцев - никогда не выдавать эмоций без повода, и хотя было очевидно, что миссис Л. понимала намеренное унижение, она никогда ни словом, ни взглядом не выказывала этого. Для них также характерно, что, будучи введенными в общество, где обычаи отличаются от их собственных и совершенно новы, они не проявляют смущения или невежества, но подчиняются с удивительным тактом; и хотя кажутся безразличными, на самом деле внимательно наблюдают, а потом рассказывают обо всем, что происходит.

Я не знаю, как эта оскорбленная женщина описала позорное и совершенно нецивилизованное поведение этих немногих, представляющих значительную часть того, что называется цивилизованным обществом, своему собственному народу. Я знаю только, что она перенесла оскорбление с христианской кротостью. Это женщина, о девичестве которой я рассказывал в "Жизни Красной куртки", и если бы он остался жив, его самые заветные желания относительно нее сбылись бы. Она выросла женщиной, которой он вполне мог бы гордиться. Ее муж - внук британского офицера, который полюбил [265] индийскую девушку и взял ее в жены. Когда его срок службы истек, он вернулся в Англию, но не без того, чтобы использовать все возможные уговоры, чтобы уговорить свою смуглую невесту сопровождать его. Она не согласилась уехать, опасаясь, что в таком отдалении ее могут не признать женой, и потребовала права, которое было предоставлено с большой неохотой, оставить себе их маленького сына. В течение многих лет его отец ежегодно вспоминал о нем и посылал золото и великолепные подарки, чтобы засвидетельствовать свою любовь, но в конце концов они прекратились, и больше о нем никогда ничего не было слышно. Поскольку у индейцев не было *фамилий*, ребенка не называли по имени его отца, и вскоре оно было потеряно для всех, кто когда-либо знал его по эту сторону воды. Если у моих индийских друзей есть двоюродные братья среди лордов или знати Англии, они, возможно, не захотят, чтобы я снабдил их ссылками, которые позволили бы им узнать друг друга; но я могу заверить их, что кровь дочери вождя ирокезов не умалила крови ни одного пэра Королевства. [266]

1 Онас - индийское слово, обозначающее *перо*, и под этим именем они всегда называли Уильяма Пенна.[↑]

ГЛАВА XIV.

ОБРАЗОВАННЫЙ ИНДЕЕЦ.

Следующие выдержки взяты из речей молодых образованных индейцев, которые все еще живут и трудятся среди своего народа. Первое было сделано перед Историческим обществом Нью-Йорка от имени небольшой группы каюгов, которые эмигрировали за Миссисипи и были доведены до таких крайних страданий, что значительная их часть умерла менее чем за год. Было предложено вернуть остаток, и с речью, призванной вызвать сочувствие и собрать средства, выступил доктор Уилсон, который получил на эти цели десять тысяч долларов, пятьсот из которых были пожертвованы членом Общества друзей в Балтиморе.

“Достопочтенный джентльмен сказал вам, что у ирокезов нет памятников. Разве он ранее не доказал, что земля Гано-но-о, или Эмпайр—Стейт, как вы любите ее называть, когда—то была пронизана нашими тропами от Олбани до Буффало - тропами, по которым мы ходили веками, тропами, настолько глубоко протоптанными ногами ирокезов, что они стали вашими собственными дорогами путешествий, поскольку ваши владения постепенно поглощают владения моего народа? Ваши дороги по-прежнему пересекают те же линии связи и связывают одну часть длинного дома с другой. Земля Гано-но—о-те Эмпайр Стейт — вот наш памятник! и мы хотим, чтобы его земля покоилась над нашими костями, когда нас больше не будет. Мы недолго[267]будем занимать много места при жизни; мы будем занимать еще меньше, когда нас не станет; единственное дерево из тысяч, дававших приют нашим предкам, — один старый вяз, под которым обычно встречались представители племен, — покроет нас всех; но мы хотели бы, чтобы наши тела были смертельно переплетены между его корнями на той самой почве, где он вырос! Возможно, он прослужит дольше после того, как будет оплодотворен их гнилью.

“Мне сказали, что первой целью этого Общества является сохранение истории штата Нью-Йорк. Вы, все вы знаете, что ирокезы, как в своих войнах, так и в своих договорах, задолго до революции составляли часть этой истории; что тогда они были единомышленниками с вами и их научили верить, что у них единые интересы. В вашей последней войне с Англией ваши краснокожие братья — ваши старшие братья — все еще приходили вам на помощь, как в старые добрые времена, на канадской границе! Неужели мы, первые владельцы этого процветающего региона, больше не участвуем в вашей истории? Рады были ваши предки, когда восседали на пороге "Длинного Дома"; богатыми они тогда были, получая от его дверей лишь подметки. Если бы наши предки отвергли вас, когда французы грохотали на противоположном конце, чтобы получить проход и сбросить вас в море, какова бы ни была судьба других индейцев, ирокезы все еще могли бы быть нацией; и я... я ... вместо того, чтобы умолять здесь о привилегии остаться в пределах ваших границ ... я... я... мог бы иметь ... страну!”

Это было произнесено экспромтом и было очень длинным, но сохранились только эти несколько предложений, и за них мы в долгу перед мистером Хоффманом, который посвятил автору и его теме большую статью в "Литературном мире" на следующий день.

Следующее было произнесено перед просвещенным собранием г-ном Марисом Б. Пирсом. [268]

Говорилось и повторялось так часто, что стало привычным словосочетанием, что *обреченность* индейцев — исчезать, подобно утренней росе, перед развитием цивилизации, перед теми, кто по *природе* принадлежит к другой, а по *образованию* и *обстоятельствам* принадлежит к высшей расе; и печально нам, обреченным, что история этой страны в отношении *наси* ее цивилизации дала столько оснований для высказывания, и за то, что придали этому значение.

“Но откуда и почему мы таким образом обречены? Почему мы должны быть раздавлены рукой цивилизации или реквием нашей расе должен быть пропет волнами Тихого океана, которым суждено поглотить нас? Скажите, вы, на кого постоянно падал солнечный свет цивилизации, в чьи руки Фортуна изливала свой рог до краев, так что вы наслаждаетесь *высшими* и наилучшими *духовными* и земными благами этого мира, скажите, если какое—нибудь существо из волшебной страны или с какой-нибудь далекой планеты явится к вам таким образом, что вы сочтете их детьми *большого света* и *высшей мудрости* по сравнению с вами, и вы должны открыть им гостеприимство ваших жилищ и *плоды* вашего *труда*, и они должны своей *высшей мудростью* ослеплять и поражать вас, так как то, что для них было *игрушками* и *погремушками*, должно обеспечить им более свободный доступ и более радушный прием, пока, наконец, они не заявят *оправе* на ваше имущество и охотиться на вас, как на диких зверей, в ваших давних и доселе бесспорных владениях, насколько вы были бы готовы научиться у них? Насколько сердечно вы открыли бы свои *умы* для убеждения, что они не собирались обманывать вас дальше и еще более фатально в своих предложениях притворной доброты?

- Насколько великодушно вы относились бы к ним и уважали их манеры и обычаи *you feel*? Разве "молоко человеческой доброты" в ваших [269] грудях не превратилось бы в желчь ненависти к ним? И разве с *нами*, исконными и бесспорными владельцами этой страны, не обращались хуже чем с *вами*, если бы любой предполагаемый случай был перенесен в реальность.

Но я пока оставляю рассмотрение этого вопроса, сказав то, с чем, я думаю, согласится каждый, кто меня слышит, - то, что манера, с которой белые люди обычно обращались с индейцами, заставляет их *удивляться* тому, что их ненависть к ним не возгорелась с удесятенной яростью, а не тому, что они не отказались от своих собственных специфических представлений и привычек и не переняли их у цивилизованных соседей.

В качестве примеров тех *природных* способностей, которые благодаря культивированию дают детям цивилизации их великие имена и далеко идущую славу, вспомните Филипа из Маунт-Хоуп, чьи непревзойденные таланты и умения сделали его ужасом белого человека, проявив эти таланты и это умение для уничтожения белого человека.

Вспомните *Текумсе*, благодаря незаслуженной связи с именем которого один из великих людей вашей нации обрел больше величия, чем он когда-либо заслуживал ни своими делами, ни своим характером. Вспомните *Красную Куртку*, бывшего вашего соседа, с некоторыми из вас знакомого, и быть другом и фамильяром, с которым никто из вас не считает *позором*.

Вспомните об Оцеоле, жертве предательства и жестокости белого человека, которого ни оружие, ни хитрость врага не смогли победить на поле боя, и который, в конце концов, был поглощен "мерзким дурансом", разъедающим его собственный дух. В *'durance vile'*, - говорю я. Вычеркните из летописи факт этой *вопиющей низости*, этого нарушения всех законов, всего *человечества*, какой когда-либо должна быть та страница истории вашей страны, которая содержит отчет об этом! Я говорю, выбросьте этот факт из головы, прежде чем вы подниметесь и назовете индейца вероломным или жестоким. [270]

“В качестве примера активной жалости, глубокой *рациональной активной жалости* и сопутствующих интеллектуальных качеств, я прошу вас вспомнить историю, *превосходящую романтическую историю* Покахонтас; она, которая бросилась между предполагаемым враждебным незнакомцем и смертоносной дубинкой, поднятой по суровому указу ее отца, и, вызывая к чувствам этого отца, каким бы диким он ни был, преодолела пагубные намерения, которые заставили его произнести приговор белому человеку. В ее груди горело *чисто и рационально* пламя любви, в соответствии с предписаниями которого она принесла себя в жертву на Гименейном алтаре, чтобы вступить в брак с сыном христианской Англии. Отпрыски этого брака были с *гордостью* названы *сыновьями* и гражданами благородного и достопочтенного штата Вирджиния.

“Вы, любящие молитву, парите в своем воображении вокруг кровати Брауна и прислушивайтесь к сильным мольбам, исходящим из пылкого сердца Кэтрин, а затем скажите мне, действительно ли

" — бедный индеец, чей необразованный ум

Видит Бога в облаках и слышит его в шуме ветра",

не способен путем совершенствования рационально постичь *истинного Бога*, чьим шатром являются облака, и который, тем не менее, дарует благодать смиренным.

“Несчастные чероки предстают в цветах живого света, избавляя индийский характер от грязных обвинений в том, что он невосприимчив к цивилизации и христианизации. Джон Росс предстает перед американским народом с характером как интеллектуальным, так и сердечным, которому многие белые люди, занимающие высокие посты, могли бы *позавидовать*, но все же никогда не смогли бы достичь! Ученый, патриот, честный и благородный человек; стоящий перед "сильными мира сего" в глазах Неба и людей, то требующий, то умоляющий эти силы уважать права человечества, [271] справедливости, закона — и все еще ученый, патриот, честный и благородный человек; хотя индийская кровь течет в его жилах, а индийский цвет придает оттенок его лицу, обрекает его, а также его детей и родственников на охоту на острие штыка. этими державами, ради их дома, имущества и страны, до "терра инкогнита за Миссисипи".

“На запад восходит звезда Империи“, и всякий раз, когда этой империей владеет белый человек, ничто не является безопасным или непреходящим против его жажды наживы. Население быстрыми шагами выходит за пределы Миссисипи и даже устремляет свои взоры с тоской на лесистые вершины Скалистых гор — нет, даже на избитый прибоем берег западного океана. И не будет ли со временем наша территория там так же подчиняться желаниям белых людей, как и та, которую мы сейчас занимаем?

Тогда я прошу от имени индейцев Нью-Йорка, чтобы наши белые братья не призывали нас делать то, чего справедливость, гуманность, религия не только не требуют, но и осуждают. Давайте жить там, где жили наши отцы, и пользоваться преимуществами, которые дает нам наше местоположение, чтобы мы, обращенные язычники, могли получить то наследие, которое Отец обещал дать Сыну, нашему Спасителю; чтобы пустыни и пустынные места расцвели подобно розе, а их обитатели возносили высокие хвалы нашему Богу.

“Правительство, учрежденное нашими предками много веков назад, отличалось своей мудростью и соответствовало тогдашнему состоянию нашей нации. Это было республиканское и чисто демократическое правительство, в котором господствовала воля народа. Никакая политика или предприятие не осуществлялось Советом Великих сахемов Конфедерации без санкции и одобрения народа, и было необходимо, чтобы это получало согласие [272] племен конфедерации. Согласия одних только воинов было сочтено недостаточным, но были также проведены консультации с женщинами — матерями нации; таким образом, путь мудрых сахемов был прояснен — их руки стали сильными, их решения непреклонными, они прекрасно знали, что пользуются единодушной поддержкой своих избирателей; следовательно, конфедерация ирокезов стала великой и крепкой, процветающей и счастливой; благодаря своей мудрости они стали государственными деятелями, ораторами и дипломатами; благодаря своей доблести и умению на военном пути они стали грозными — они покорили многие племена, в том числе и расширили свою территорию.

Таково было наше условие, когда бледнолицые высадились на восточных берегах этого великого острова. У каждой нации своя судьба. Теперь мы видим, как наши некогда обширные владения сократились до нескольких акров; наша территория, для пересечения которой когда-то требовались самые быстрые луны, теперь оглашается человеческим голосом. Да, Вожди при нашей древней форме правления сократили наши владения, так что теперь, когда мы бросаем семечко дыни в землю, оно прорастает, и его нежная лоза стелется по земле, пока не вторгается на земли БЛЕДНОЛИЦЫХ”.

Когда полковник Маккенни писал свою историю индейцев, он направил генералу Касу письмо с запросом, спрашивая, знает ли он когда-нибудь случай войны или резни с индейцами, которые не были спровоцированы агрессией белого человека. На это письмо он получил следующий лаконичный ответ:

Дорогой полковник! —

Никогда! Никогда! НИКОГДА!

Искренне ваш,
Льюис Касс.

[273]

Генерал Хьюстон в речах, недавно произнесенных в Вашингтоне и Бостоне, сделал то же самое заявление; и это подтвердит любой, кто досконально знаком с историей Индии. Если бы не было больше ничего, что могло бы пробудить свирепость индейцев, этого было бы достаточно, чтобы увидеть опустошение его любимых охотничьих угодий и осквернение могил его отцов. Мы не будем вдаваться в существо вопроса о том, правильно ли было бы допустить, чтобы столь обширная территория, способная прокормить миллионы, оставалась во владении столь

немногих. Это важный вопрос; но когда мы судим индейца, мы должны смотреть на вторжение так, как оно представлялось ему. В его глазах захватчики были ворами и разбойниками, да, варварами и дикарями. Их способ ведения войны и система уничтожения были более бесчеловечными и ужасными, чем все, что он когда-либо видел или представлял.

Ожидать, что они уступят свою территорию без борьбы, и отчаянной борьбы, было ожиданием, которое мог питать только идиот; и ожидать, что они откажутся от своих диких привычек бродяг и легкой, беззаботной жизни ради тяжелого труда, без каких-либо очевидных для них преимуществ цивилизации и христианства, было столь же нелепо. Повсюду они были вынуждены подчиняться ЗАКОНУ СИЛЫ, лишь изредка заглядывая в ЗАКОН ДОБРОТЫ. Добрый Джон Робинсон из Плимута Мемори даже в свое время “начал сомневаться, не было ли недостатка в той нежности к жизни человека, созданного по образу и подобию Божьему, которая была так необходима”; и говорит: “Было бы хорошо, если бы первые колонисты обратили кого-нибудь, прежде чем убивать”.

Еще в 1623 году иногда случалось, что “индейцы, дружелюбно окликавшие друг друга, были схвачены и закованы в кандалы”. “Однажды Суд общей юрисдикции Массачусетса[274]предложил по сто фунтов каждому за десять индейских скальпов; и сорок белых воинов отправились за призом и вернулись с десятью скальпами, натянутыми на шести, и получили тысячу фунтов!”

У индейцев не было другого закона, кроме “око за око и зуб за зуб”; но среди первых колонистов, вероятно, не было ни одного, кто не знал бы Евангелия Христа, а также Десяти Заповедей.

Что касается меня, то я удивлялся, как огонь мести и ненависти мог когда-либо погаснуть в душе хоть одного индейца; что он был готов принять миссионера и школьного учителя из числа людей, которые настолько утратили свое звание христиан и практиковали вещи, столь противоречащие их профессии. Но тот, кто возьмет на себя труд побродить по мирным долинам Каттарауга и Аллегани, убедится, что естественные и искусственные страсти индейцев могут быть усыплены, а желчь и горечь, которые несправедливость и угнетение породили в их сердцах, могут быть превращены в сладчайшее молоко человеческой доброты. Они научились отличать владельца от профессора; они научились ценить хорошие дары, которые в нашей власти преподнести, и готовы сидеть у наших ног и учиться мудрости.

У сенекас стало ежегодным обычаем устраивать национальный пикник, на который приглашаются все желающие. Церемонии проводятся так же, как на подобных празднествах у других народов, и я хотел бы, чтобы весь мир, бездумный и все еще непростительно невежественный мир, посмотрел на сцену, которую не так давно представляли в лесу североамериканские индейцы.

Несколько незнакомцев, оказавшихся здесь несколько месяцев назад, воскликнули: “Почему, как вы создали здесь такой рай, и никто никогда не слышал о нем?” Он [275]смотрел за границу на возделанные поля и удобные жилища и не мог поверить, что все это сделали индейцы. Они настолько самобытный народ, что, хотя живут недалеко от большого города и окружены любознательными и агрессивными людьми, они менее известны в обществе, чем китайцы или лапландцы.

Что привело к этой великой перемене? Тихий труд и тихий голос миссионера и школьного учителя. Насколько я мог, я представил индейца таким, каким он был, и теперь я хочу, чтобы вы посмотрели на него таким, какой он есть. Просто постоит со мной на этом маленьком холме и посмотрите на это веселое сборище людей. У наших ног раскинулась прекрасная роща вязов, дубов и кленов, на берегу серебристого ручья, такого прозрачного, что он идеально отражает сверкающую гальку на его дне. Она до сих пор носит индийское название Каттараугус и течет дальше, смешивая свои воды с озером Эри.

Вдалеке звучит музыка. Поднимите глаза, и вы увидите процессию. Его исполняет национальный оркестр Сенека в красно-белых костюмах, а мелодия - "Янки Дудл", хотя все музыканты - индейцы. Затем следует маршал, который в любом случае был бы отмечен наблюдателем как подлинный сын гордой расы благодаря своей прекрасной фигуре и благородной осанке. В своем богатом наряде, верхом на коне в попоне он поистине царственен.

Затем следуйте за детьми из шести школ, их тихие голоса сливаются в веселый гимн под присмотром своих учителей; все в праздничных нарядах, с отличительными значками и развевающимися на ветру флагами. Другой оркестр, "Сыны трезвости", замыкает тыл, и они медленно маршируют дальше, пересекая ручей по временному мосту, совершая несколько военных эволюций и выстраиваясь группами вокруг платформ,^[276] увитых вечнозелеными растениями, на которых стоят нынешний Президент и Спикер. Тот, кто председательствует, является одним из старейших и наиболее почтенных вождей своего народа. Он одет в черное, широкий белый шелковый шарф с малиновой бахромой пересекает его грудь и изящно ниспадает на бок. Вокруг него другие почтенные люди, чьи воспоминания легко восходят к тем временам, когда во всей стране не было ни одного христианина. Теперь пастор-миссионер, который двадцать лет трудился среди них и может совершенно справедливо оглядеться вокруг и назвать то, что он видит, плодом своих трудов, возвышает свой голос, желая благословения Небес на их праздничное собрание. Вы будете с интересом слушать последующую речь, хотя и не поймете языка, на котором произносятся некоторые обращения. Он не столь музыкален, сколь богат, и ложится на слух подобно глубокому голосу водопада, а не низкому журчащему ручейку. Но тем, кто думает, что у индейца нет жилки юмора и нет любви к шуткам, следует прислушаться к нему, когда он окружен только своими сородичами — теми, кто может оценить его по достоинству и кому он может доверять. Торжественность, энтузиазм и веселость попеременно играют на чертах собравшихся, но в нем так велико уважение к приличиям, что ничто так не беспокоит индийскую публику, как легкомыслие или несвоевременное беспокойство. Пока ораторы не рассядутся, царит самое почтительное внимание, а затем они собираются вокруг стола, который со вкусом и обильно накрыт в форме двойного квадрата. Вокруг него кружат гости, а внутри стоят те, кто раздает хорошие подарки, приготовленные для всех пришедших. Здесь тоже царит порядок, который редко характеризует такое большое количество людей с любым другим именем; и счастье, тихая, но ценящая счастье душа, сияет на каждом смуглом лице. ^[277]

Когда пир заканчивается, ораторы снова поднимаются на трибуну, и, как обычно после хорошего обеда, все более расположены к веселью. Перед вами тысяча людей всех возрастов, от седовласого девяностолетнего мужчины до самого крошечного младенца, который когда-либо открывал глаза навстречу свету. Вы можете увидеть там группу смеющихся девушек, возлежащих на траве в тени раскидистого дуба, в своих цыганских шляпах и ярких лентах, а рядом стайку матрон с волосами цвета воронова крыла, заплетенными в пышные косы, и в

плащах, собранных складками на талии. Музыканты заполняют паузы между выступлениями волнующими и жалобными мелодиями, пока дневной свет не начинает меркнуть и красные отблески заходящего солнца не золотят верхушки леса. Затем они снова выстраиваются в процессию и маршируют прочь. Детей насчитывается около двухсот; и осознаете ли вы все это время, что они являются теми, кого некоторые люди все еще упорно называют дикарями, и утверждают, что никогда не смогут стать образованными, утонченными и культурными людьми? неужели вы действительно верите, что они неспособны ценить науку, искусство, христианство и цивилизацию? Утверждая, что их следует увести далеко в западные леса, чтобы они вечно бродили дикими, чтобы белый человек не мог растоптать их, как он растопчет зверя и рептилию на своем пути? Работников было мало, слишком мало для этого прекрасного виноградника, но они выполнили огромную работу. Население сейчас растет, а количество школ и церквей увеличивается. Люди совершенствуются в сельском хозяйстве, и красивые фермы и дома начинают усеивать их холмы и долины. Они становятся христианами и общительными людьми.

Я присутствовал на одной или двух вечеринках или общественных собраниях в домах миссионеров, где их было, возможно, пятьдесят или шестьдесят, и видел гораздо меньше привлекательности и пристойного поведения среди того же числа[278]сыновей и дочерей Новой Англии. Индийцы обладают замечательным *тактом* в приспособлении к обычаям других народов, если они решают это использовать, и когда они полностью убеждены, что лучше всего отказаться от своих собственных специфических привычек, они очень легко перенимают новые. Если бы земельные спекулянты оставили их в покое, а государство полностью выполнило бы свой долг, они вскоре доказали бы, что последний из Сенекас еще не наступил и не надолго. Они стали бы ценным элементом нашей политической и социальной организации — опровергли бы клевету и стерли мрачные картины, которые историки имели обыкновение распространять о них за границей. Пусть я доживу до того, чтобы увидеть, как это делается, ибо глубже всего я научился краснеть за свой народ.

Речь, из которой я привожу следующие выдержки, была произнесена г-ном Н. Т. Стронгом. Президентом дня был Генри Туоганз, приемный сын Red Jacket, и вице-президент доктор Уилсон. Маршалом был мистер М. Х. Паркер, а оркестры состояли исключительно из индейцев.

Его речь также, как и предыдущие, была произнесена по-английски; и все они написаны на лучшем английском языке, чем многие, которые я читал у иностранцев из других стран, получивших те же преимущества образования.

“Дамы и джентльмены! — Я с большим недоверием приступаю к обязанностям, возложенным на меня организационным комитетом. Говорить на иностранном языке - трудная задача во все времена, и я боюсь, что мне это не удастся к удовлетворению себя или моей аудитории.

“В некоторых отношениях нынешнее событие является экстраординарным — никогда прежде белый мужчина со своими женщинами и детьми не встречался с краснокожим мужчиной, его женщинами и детьми на общественном пикнике. Это повод выразить нашу благодарность и порадовать нас, и я хотел бы в течение [279]момента представить прошлое состояние и отношения двух наций в противовес настоящему.

“То, что краснокожие были первыми обитателями этой земли, признают все. В этом мы положили начало белому человеку, возможно, потому, что Джон Буль и голландец в то время

не боялись янки, поскольку мы обнаруживаем, что после того, как произошла эта трансформация, белый человек во всем опередил нас!

“В 1647 году конфедерация Шести наций смогла собрать 30 000 воинов. У них было регулярно организованное правительство, в котором были четко определены права наций; но права отдельных лиц не были определены. Война и охотничий спорт были тогда занятиями красных людей. Их одежда была сшита из шкур животных, которых они убили во время охоты. Их пищей было мясо диких животных, а также кукуруза и овощи, выращенные женщинами, и вся работа в вигваме выполнялась ими самими. Завоевания ирокезов распространились далеко на юг и запад, и имя хо-де-но-сон-не наводило ужас на все окрестные народы.

Они кочевали от реки к реке и от долины к равнине в погоне за буйволами, медведями и лосями, переплывали озера и реки на своих легких каноэ в поисках бобра и выдры, чтобы добыть их меха. В назначенное время года они возвращались к кострам совета нескольких народов для ведения общественных дел и проведения ежегодных праздников.

“В 1776 году, более ста лет спустя, мы обнаруживаем, что их численность значительно сократилась, хотя обычаи у них остались те же. Могавки, жившие на берегах Гудзона и вдоль долины, которая до сих пор носит их имя, едва насчитывали четыреста душ. Племя онейда, расположенное к западу от них, насчитывало[280]полторы тысячи человек, а племена онондага, кайюга, сенека и тускарорас насчитывали около десяти тысяч и могли выставить две тысячи воинов.

Дамы и господа: — Давайте теперь посмотрим на белого человека в те же периоды. В 1647 году у них было всего 300 человек, способных носить оружие,*по всем данным!* Их занятиями были сельское хозяйство и торговля. У них была система правления и писанные законы. Права наций и права отдельных лиц были четко определены. Их религия была основана на Библии. Они были холодны и расчетливы, знали цену деньгам и их применение. Они также знали, что земля лучше, чем*деньги!* Поэтому они приложили все усилия, чтобы получить его. Белый человек *купил* это у своего краснокожего брата и *заплатил* ему мало или вообще ничего. Он тоже покупал меха по своим собственным ценам.

Мы снова находим его в 1774 году, насчитывающим 181 000 человек. Их численность, богатство, искусство и науки неуклонно росли. Леса пали перед лесничим — дичь и те, кто преследовал ее, тоже продолжали отступать, пока обе почти не исчезли. Таким образом, одно из занятий красного человека, как и у Отелло, “исчезло”.

“Земля красного человека стала возделанной — ‘дикая местность расцвела, как роза’. Белый человек строил города, поселки, деревни; он строил церкви, основывал колледжи, академии, обычные школы и другие учебные заведения.

“Да, *вы* построили каналы, железные дороги, и ваш электрический телеграф передает новости почти со скоростью мысли. Это чудесно! Краснокожий человек все еще едва ли может понять это. Ваша торговля распространилась по всему миру. Ваши корабли курсируют по всем морям, ваши пароходы - по каждой реке. За двести лет ваше население увеличилось с шести тысяч до трех миллионов.[281]

“Позвольте мне спросить, какую цену получил красный человек за эти обширные владения? Публичные документы свидетельствуют следующим образом: “Этими подарками мы делаем для

себя, наследников и преемников, ратифицируем, подтверждаем, даруем и подчиняем нашему самому Суверенному Господину королю Георгу, Милостью Божьей, королю Великобритании и т.д., защитнику веры и т.д., все земли, лежащие между ними, и т.д."; далее следует неопределенное описание помещений, включая озера, реки и т.д., *и никогда не платим за это ни цента!*

* * *

Дамы и джентльмены: — Из этого вы видите, что ваши предки причинили зло краснокожему человеку и воспользовались его невежеством. Это вы *сейчас* признаете. У краснокожего долгая история обид и горестей; хотя они и не записаны рукой человека, они записаны в Великой Книге Памяти, которую хранит Великий Дух, и Он рано или поздно разберется в этом из ваших рук, и Он воздаст справедливость своим краснокожим детям.

“Я ввел эти сравнения не для того, чтобы представлять красного человека как низшее существо, а вас как высшее. Нет. Эти результаты обусловлены обстоятельствами взлета и падения наций. И вы также должны иметь в виду, что Великий Бог на небесах, которому, по вашим словам, вы поклоняетесь, управляет делами как наций, так и отдельных людей. Могущественные нации, которые падают, и слабые, которые поднимаются, делают это одинаково по Его приказу.

Но я взываю к вам, не имеем ли мы права на ваше сочувствие, не нуждаемся ли мы в вашей помощи в попытках вырваться из того состояния, в которое погрузили нашу нацию невежество и предрассудки.

“Красный человек осознает свое состояние. Да, он глубоко это чувствует. Когда он смотрит на солнце, свет которого [282]позволил его предкам взглянуть за границу на великолепную страну, принадлежащую только ему, ныне населенную другой расой, он чувствует себя одиноким — чужаком из содружества. Здесь нет памятников в память о деяниях его предков, как в старом свете; но есть могучие реки и вечные холмы, которым он дал имена.

“Дамы и господа, Сейчас перед вами представлены Шесть наций. Президентом дня является Сенека, а достойным представителем своей нации — вице-президент справа от него является каюга*первой воды*, а слева достойный Онондага. Один из ваших поэтов сказал, что “в музыке есть очарование, способное успокоить даже дикаря!” и вот группа музыкантов, которые восхитили нас своими сладкими мелодиями, полностью состоящая из потомков Сенекас и Тускарорас, и я не сомневаюсь, что они порадовали *даже* цивилизованный слух!

Дамы и джентльмены: — Вы понимаете, что мы изменились. У нас уже есть школы, и книги, и церкви, и мы быстро перенимаем обычаи белых людей.

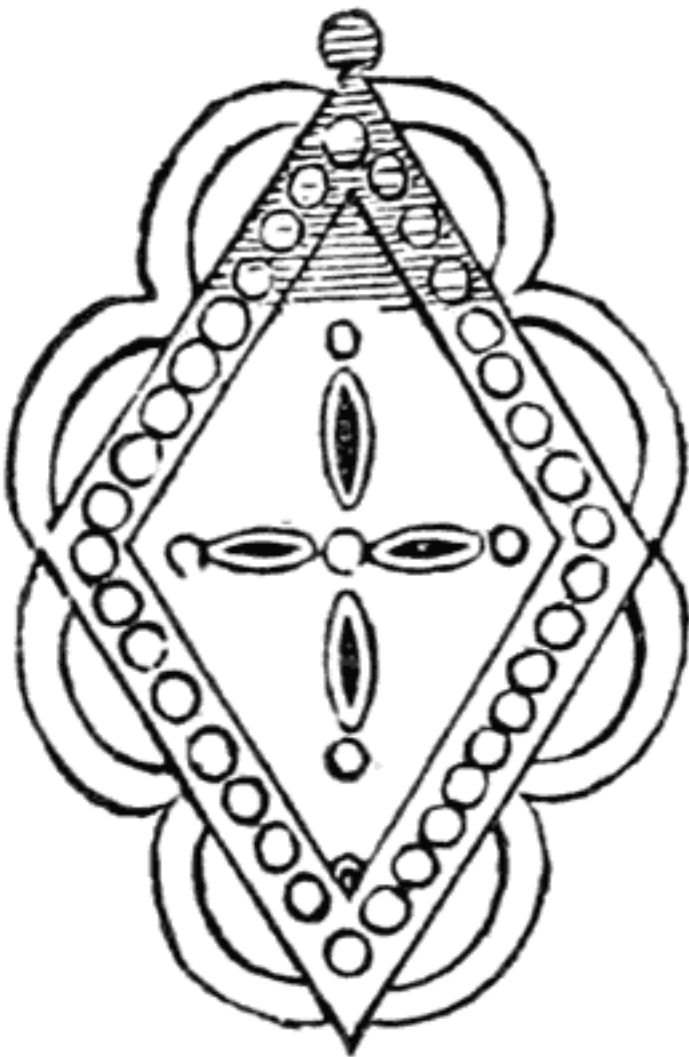
“За эти улучшения мы в основном обязаны миссионерам Американского совета. Велик наш долг благодарности этим настойчивым и преданным мужчинам и женщинам. И, о, если вы только продолжите протягивать нам правую руку дружбы, мы щедро вознаградим ваши усилия, и вы скоро увидите среди нас высокий уровень развития и утонченности.

“Миссионеры не поднимали большого шума по поводу своих трудов, трубя в трубы, но тихо и миролюбиво “ходили, творя добро”; и пусть они доживут до того, чтобы увидеть исполнение своих самых заветных надежд и ответ на свои горячие молитвы”.

Здесь я позволил индийцу говорить самому за себя, [283]и привел лишь несколько имеющихся у меня доказательств подобного рода, что ни образование, ни цивилизация, ни христианство не ослабляют разум или тело индийца.

Если бы мы жили тогда, когда жили наши отцы, очень вероятно, что мы были бы похожи на них; мы были бы виновны в тех же ошибках суждений и в тех же ошибках на практике. Но теперь, когда у нас нет страха и мы можем оглянуться на прошлое в целом, мы можем ясно видеть то, где актеры могли действовать только ощупью в темноте. И все же, имея многовековой опыт, которым можно воспользоваться, мы едва ли более готовы вершить правосудие.

Мы находимся в бесспорном владении всеми этими прекрасными владениями, и мы знаем, какую ничтожную цену мы заплатили за них. Мы знаем, что среди нас есть остаток этого гордого народа, которого наш долг и которого в наших силах спасти; и что мы сделали и что делаем для их спасения?

ГЛАВА XV.

БУДУЩЕЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ.

Каждый историк и пророк, который был до меня, повторял предсказание о том, что “гибель индейцев - вымирание!” Я не стану этому противоречить; но я бесстрашно заявляю, что так не должно быть. Разве это не клевета на христианство, что оно не подходит для всех людей земли? Разве это не клевета на Того, “кто сотворил из одной крови все народы”; кто сотворил небеса и землю; что Он думал о счастье только одной части и установил религиозную систему, пригодную лишь для немногих?

Он не говорит нам, что Христос пришел в мир, чтобы быть распятым и закланным только за саксов и норманнов! Он умер, чтобы искупить мир; и Он сказал: “Идите и проповедуйте Евангелие всем народам”. Если Он создал народ, неспособный принять Евангелие и извлечь из него пользу, то как странно повеление о том, чтобы оно было им проповедано! Мы смотрим на примеры вырождения среди образованной индийской молодежи и восклицаем: “Насколько бесплодны все наши усилия!”, не принимая во внимание истинные причины этого вырождения или неэффективность любых средств, которые до сих пор использовались для достижения нашей мнимой цели. Тем не менее, утверждается, что еще в 1846 году было больше чероки, которые умели читать по-английски или на своем родном языке, чем можно было[285]найти среди белых людей, пропорционально общему числу, в любом штате Союза!

В 1818 году Суперинтендантом по делам индейцев был разработан план обучения индейцев по всей стране, который, хотя и действовал всего несколько лет, убедительно доказал, что индеец способен к любой степени культуры. Он добился от Конгресса ежегодного выделения десяти тысяч долларов на свои цели; и при сердечном одобрении и сотрудничестве различных миссионерских и религиозных обществ основал школы среди индейцев по всей территории наших западных границ, от озера Верхнее до Чаттахучи, - в которых учились *восемнадцать сотен детей*, “получающих образование и делающих такие же быстрые успехи в различных зарождающихся отраслях образования, в сельском хозяйстве и механическом искусстве, каких достигают в любой части Соединенных Штатов дети белых людей”. Затем возникла новая власть; демоны алчности и эгоизма правили в советах нашей страны. Эти индейцы, которые стали христианским народом, исповедующим религию Христа в качестве своей религии, занимающим земли, богатые продуктами своей промышленности, — должны быть изгнаны, потому что они были народом более темного оттенка, чем мы. Итак, эти процветающие школы были распущены; эти счастливые дети были лишены всех средств к самосовершенствованию, а тысячи невинных людей были вынуждены покинуть свои дома и очаги и отправиться в пустыню, оставив дорогу, залитую их слезами и запятнанную их кровью.

И даже сейчас, что есть у индийской молодежи, чтобы пробудить надежду и возбудить честолюбие? Даже сейчас в штате Нью-Йорк ему не предоставлены привилегии гражданства, хотя его притязания как коренного американца превыше притязаний каждого сакса на ее земле. Он землевладелец, земледелец,[286]образованный, христианский человек, но с ним по-прежнему обращаются как с идиотом или животным.

История молодого Джеймса Макдональда, к которому полковник Маккенни и Филип Томас проявили такой большой интерес, иллюстрирует чувства каждого краснокожего, когда он думает о том, чтобы стать таким же, как его белые братья. Этот молодой человек был принят в

семью полковника Маккенни и, будучи ровесником его собственного сына, пользовался всеми привилегиями, которыми пользовался он. В семье и в социальном кругу они были равны, и им предоставлялись одинаковые преимущества образования. Индийский юноша был наделен всей личной красотой благороднейших представителей своей расы, “манерами самыми грациозными и обаятельными, “ сказал его приемный родитель, - и моралью, которая, как я никогда не видел, подвергалась посягательству”. Говоря о его успехах в учебе, когда он пробыл в школе совсем недолго, его учитель заметил, что “он пришел с более хорошо усвоенными уроками, и в одном из них было больше греческого, латыни и математики, чем класс, к которому он был прикреплен, мог осилить за неделю, поэтому он был вынужден поместить его в отдельный класс”.

Когда он закончил академическое образование, его благодетель выбрал для него профессию юриста. Но он начал думать о разнице между обращением, которое он получал тогда, и тем, что ожидало его, когда он выйдет в мир, и он воскликнул: “Почему? почему! Какая мне польза от моих нынешних или будущих достижений? О, сэр, -прижав руку ко лбу, он продолжил, - для меня все это будет потеряно. *Я индеец*, и, будучи индусом, я отмечен клеймом столь же глубоким и незыблемым, как то, которое носил Каин. Моя раса деградировала, на нее попирали, ее презирали. Затем он достал из-за пазухи письмо от своего брата, который был лейтенантом военно-морского флота и чей горький опыт выудил из него следующие слова:[287]“Остается только одно из двух: либо отбросить все, что принадлежит белой расе, и стать индейцем, либо перестать быть индейцем и стать белым человеком. *Первое вы можете сделать, второе — не в вашей власти*. Белый человек ненавидит индейца и никогда не позволит ему вступить с ним в тесное общение или воспользоваться какими-либо из его высоких прерогатив или выдающихся преимуществ”.

Когда юного Джеймса спросили, справедливо ли что-либо из его опыта в семье, в которой он жил, привело бы его к такому выводу, он ответил: “Нет, сэр; о, нет; в самом деле, нет. Но это исключение, и оно лишь подтверждает правило. Ты для меня отец. Моя благодарность тебе и твоей семье никогда не умрет. Я знаю, что ко мне относятся с величайшим вниманием, даже с нежностью”. Слезы навернулись ему на глаза; он сел и прижимал носовой платок к лицу, пока оно буквально не стало мокрым от слез.

Через некоторое время он заговорил, сказав: “Да, сэр; я поеду в Огайо и буду читать юриспруденцию у мистера Маклина. Я сделаю все, что вам будет угодно. Я действительно был бы неблагодарным, если бы хоть в чем-то помешал вашим добрым замыслам по отношению ко мне. *Но печать на моей судьбе!*”

Когда ему пришло время уходить, день за днем он все еще медлил, так велико было его нежелание покидать дом, и отца, и мать, и сестер, и друзей, чтобы навсегда стать, как он верил, чужаком. Но он пошел и примерно через половину времени, обычно затрачиваемого на приобретение этой профессии, был готов к работе в баре.

Он был чокто, и, закончив учебу, вернулся к своему народу, навестив свою мать. Находясь там, он был выбран одним из группы делегатов для поездки в Вашингтон по делам, и мистер Кэлхун и другие, которые были вовлечены вместе с ним в эту сделку, были[288]поражены его способностями и приобретениями. Но его приемный родитель с глубочайшей болью видел, что он пытается притупить свою обостренную чувствительность и заглушить конфликт в своей груди опьяняющим напитком. Он не мог вынести, что такой одаренный и такой красивый человек был

таким образом уничтожен, и искал множество возможностей возразить ему. В какой-то момент он напомнил ему о днях, которые тот провел под его крышей, — о днях невинности, чести и блаженства. Он вскочил на ноги и воскликнул: “Пощадите меня! о, пощадите меня! Именно эта мысль делает меня таким несчастным. Я потерял этот милый дом и его привязанность; завеса, которая была так любезно установлена между мной и моей индийской кастой, с тех пор сорвана. С тех пор мне дали понять, что я не могу, пока существуют такие аномальные отношения, какие существуют между красной и белой расой, быть кем-то иным, кроме *деградировавшего изгоя*.”

Его пригласили вернуться в это любимое место и заверили, что там его ждет такой же прием, какой он испытывал всегда; но он сказал: “О, не называйте это мне, сэр; я никогда не смогу поехать туда снова! Сама мысль о тех местах, где я когда-то был так счастлив, и о доброте, проявленной ко мне там, о том, что меня встречают таким, какой они есть, *исокрушают* осознанием того, кем я теперь являюсь, отвлекает меня”.

Но он в какой-то мере восстановил свою прежнюю уверенность в себе и жизнерадостность и вернулся, чтобы открыть юридическую контору в Джексоне, штат Миссисипи, где его перспективы были очень лестными. Затем пришла разочарованная любовь, и в его ушах снова зазвенела обреченность краснокожего: “Ты индеец, ты принадлежишь к *деградировавшей* расе”. Надежда улетучилась, и отчаяние овладело им; он взобрался на высокий утес, нависавший над рекой, и бросился в воду, чтобы больше не подниматься. “Почему? почему!” Он[289] мог бы трудиться и зарабатывать деньги — богатство может быть в пределах досягаемости даже индейца; но золото не может удовлетворить благородное сердце. Он не должен мечтать о почестях, он не должен мечтать о семейном счастье; и что такое золото, да, что такое жизнь, когда всего этого лишен?

Пусть всем молодым людям в наших колледжах внезапно откроется, как неизменная судьба, что они навсегда лишены отличий и надежды однажды создать для себя дом и быть окруженными кругом любимых людей, и что могло бы увлечь их на вершину науки? Разве не была бы парализована каждая энергия, и разве мы не должны были бы с уверенностью ожидать, что они пойдут навстречу гибели? Простая любовь к знаниям немного лучше, чем любовь к деньгам; но и то, и другое - очень низменные мотивы для вдохновения бессмертных умов и поддержки их в паломничестве по этому миру. Желание заслужить одобрение небес и быть полезным на земле может быть хорошим и, возможно, должно быть достаточным мотивом; но многие ли из наиболее образованных и христианских людей дрогнули бы, если бы их поддерживало только это?

Большинство людей придерживается мнения, что природа индейца совершенно не похожа на природу сакса. Это верно только в одном смысле — что образование и столетия потворства специфическим привычкам, как правило, делают их *второй натурой*. Индеец не одинок в том, что любит дикую бродячую жизнь, свободную от забот и тяжелого труда.

Еще в 1826 году нескольким женщинам, которые были взяты в плен и перевезены за озеро Верхнее, было предложено вернуться домой и к родственникам, но они отвергли это благо. Они полностью освободились от уз общества и заботились о том, чтобы не быть обремененными ими снова.

Шатобриан рассказывает, что, путешествуя по дебрям Америки, он услышал, что у него есть соотечественник[290], который стал жителем леса. Он посетил его не столько с желанием увидеть своего соотечественника, сколько пофилософствовать над его состоянием. После нескольких часов беседы он задал свой последний важный вопрос:

“Филипп, ты счастлив?”

Сначала он не знал, что ответить. — Счастлив? — переспросил он, подумав. — Счастлив? - да, но счастлив только с тех пор, как стал дикарем.

“И как вы проводите свою жизнь?” - спросил я. Он рассмеялся.

“Я понимаю вас, - продолжал я. - Вы считаете такой вопрос недостойным ответа; но не хотели бы вы вернуться к своему прежнему образу жизни и вернуться в свою страну?”

“Моя страна-Франция? Если бы я не был таким старым, я бы хотел *увидеть* это снова.

“И вы не остались бы там? Движение головы Филиппа в достаточной степени ответило на мой вопрос. - Но что побудило вас, - продолжал я, - стать тем, кого вы называете дикарем?”

“Я не знаю, — сказал он,-инстинкт”.

“Это выражение положило конец моим сомнениям и вопросам. Я оставался с Филиппом десять дней, чтобы понаблюдать за ним, и ни разу не видел, чтобы он хоть на мгновение отступил от сделанного им утверждения.*Его душа, свободная от конфликта социальных страстей*, казалась, выражаясь языком индейцев, спокойной, как поле битвы, после того, как воины выкурили вместе свою *калумету* мира”.

Сколько *охотников* привыкли к лесной жизни. Я никогда еще не слышал о ком-либо, кто добровольно вернулся бы к плугу и наковальне. Почему же тогда мы должны ожидать, что индеец будет их искать? На него должна быть возложена та же необходимость, что и на нас, прежде чем он начнет трудиться, и он должен быть вдохновлен [291] теми же мотивами, прежде чем он предпочтет знание невежеству.

Если бы в нашей стране не было войн, за исключением войн между колонистами и индейцами, христианству можно было бы обучаться не только наставлениями, но и личным примером. Но трижды со времени заселения Америки краснокожему человеку приходилось быть свидетелем и участвовать в кровавых конфликтах между теми самыми народами, которые заявляли, что пришли к нему с религией, осуждающей войну; и эти народы сражались из-за тех самых земель, которые они постоянно говорили индейцу, что с его стороны неправильно защищать ценой жизни, хотя они принадлежали ему по праву рождения и были дороги ему как наследие его отцов. Их захватчики сражались, защищая то, что им не принадлежало; почему бы ему не защищать то, что было его всем?

Странно, что было так много, а не так мало тех, кто был готов принять христианство и достижения цивилизации от своих угнетателей. Гордый владыка леса никогда не соглашался стать подданным или рабом. Когда он уступил, это было вызвано суровой необходимостью; и когда мы вспоминаем, от чего ему пришлось отказаться, и что когда мы забрали у него его имущество и все, что было ему дороже всего, не дав ему ничего взамен, кроме привилегии жить так, как он мог, никогда не называть его и не обращаться с ним как с братом или свободным

человеком, мы не можем не видеть, что он поступил именно так, как мы поступили бы в тех же обстоятельствах.

Как бы то ни было, труды Элиота и Мэйхью, Киркланда и Брейнарда и многих других в наше время не остались без награды. Мэйхью написал жизнеописание от одной до двух сотен “христианских мужчин и женщин и благочестивых служителей”, и нет никакой разницы между индийскими христианами и христианами других народов.[292]

Какой прекрасной иллюстрацией христианских принципов был знаменитый вождь племени онейда Шенандоа. В течение шестидесяти лет он наводил ужас на всех, кто слышал его имя, когда слушал евангельскую весть от мистера Киркланда, и сразу же превратился в маленького ребенка, исполненного кротости и всяческой христианской благодати. Он прожил более ста лет; и когда незадолго до смерти ему позвонил друг и спросил о его здоровье, он сказал: “Я старый цикута; ветры сотни зим свистели в моих ветвях. Я мертв на вершине (имея в виду его слепоту). Почему я все еще жив, знает только Великий Добрый Дух. Когда я умру, похороните меня рядом с моим добрым служителем и другом, чтобы я мог подняться вместе с ним при великом воскресении”.

Кусик был вождем племени Тускарора, и где нам искать более благородный пример дружбы, чем его отношение к Лафайету, или более твердых и верных христианских принципов, чем он демонстрировал в отношении своей пенсии.

Во время Революционной войны он находился под командованием Лафайета. Через много лет после заключения мира, проезжая через Вашингтон, он случайно услышал, как в офисе, где он остановился по делам, произнесли имя его старого командира. В тот момент, когда его ухо уловило звук, с глазами, загоревшимися и полными серьезности, он спросил:

-Он еще жив?”

“Да, - последовал ответ, - он жив, выглядит здоровым и бодрым”.

С глубоким акцентом он сказал: “Я рад это слышать”.

- Значит, вы знали Лафайета, Кусик?

“О да, - ответил он, - я хорошо знал его; и много раз в сражениях я бросался между ним и пулями,потому что любил его!”

Когда его спросили, есть ли у него чин, он ответил: “Да, генерал Вашингтон дал ему чин, и он был лейтенантом”. [293]Это навело его друзей на мысль, что он имеет право на пенсию, и при просмотре записей правдивость того, что он сказал, подтвердилась, и он получал ее в течение нескольких лет.

Впоследствии Конгресс принял закон, обязывающий каждого получателя пенсии поклясться, что он не сможет прожить без пенсии. Когда старого вождя призвали сделать это, он сказал: “Теперь вот моя маленькая бревенчатая хижина, и она моя собственная; вот мой участок, где я могу выращивать кукурузу, бобы и тыквы; а еще есть озеро Онейда, где я могу ловить рыбу; на это я могу прожить без пенсии, и сказать, что я не смог бы, значило бы*солгать Великому Духу*”. Это была честь индейского вождя; многие ли из наших соотечественников, получающих пенсии, поступили бы так же по совести? Кусик очень хорошо говорил по-английски, но когда

он произносил молитву вслух или произносил молитву за столом, он использовал свой родной тускарора, “потому что,” сказал он, - когда я говорю по-английски, я часто затрудняюсь подобрать слово; поэтому, когда я обращаюсь к Великому Духу, я не люблю быть сбитым с толку или отвлекаться на поиск слова. Когда я пользуюсь своим родным языком, это похоже на мое дыхание; я спокоен”. Это свидетельствует о том, что он полностью понимал почтение, которое испытывал к Великому Правителю.

Примеры можно было бы умножить во сто крат, чтобы доказать, что религия Христа может смягчить и обновить сердце самого свирепого воина пустыни, а также сердце дитя цивилизации. Отчеты миссий насчитывают сорок тысяч новообращенных индейцев; и если только половина из них стала подлинными последователями креста Христова, значит, терпеливый и верный миссионер трудился не напрасно.

Среди нас все еще осталось немного остатков; и если [294]им будет позволено погибнуть, это не будет виной наших отцов и темных веков, в которые они жили. Мы знаем их желания и способности и располагаем достаточными средствами для всех благ, которые нам заблагорассудится совершить.

Ирокезов насчитывается три тысячи; индейцев, находящихся под нашей юрисдикцией, - триста тысяч. Они должны быть гражданами нашей республики; их клятвы должны соблюдаться в наших судах; и их представители должны быть в наших национальных советах; тогда мы увидим, как в их сердцах зарождается надежда, а амбиции оживляют их энергию.

Тот, у кого были средства произвести оценку и не было причин указывать ее неправильно, говорит, что мы стали обладателями всех этих прекрасных владений по ничтожной цене в *два цента и три четверти за акр*! Грабя, мы разбогатели.

Не так давно в Конгрессе было предложено, чтобы “было нанято лицо для сбора и оформления договоров и других подлинных документов, призванных проиллюстрировать историю отказа коренных индейских племен от прав собственности на землю и подготовить такие средства иллюстрации, которые могут потребоваться для получения полного представления о получении Штатами права собственности на свои земли”. На что был дан ответ: “Давайте не будем делать ничего подобного. Давайте лучше соберем и уничтожим — предадим огню все, что свидетельствует о ходе наших приобретений. Оставьте только традициям или полностью забудьте о позоре, который мы приобрели благодаря титулам, которыми пользуемся, — ибо кто может равнодушно смотреть на пергамент, который рассказывает, сколько квадратных миль было куплено за несколько нитей жалких бус, — как были потушены костры совета, горевшие веками, и банды, которые собирались вокруг них веками, были рассеяны — их права первородства, их вигвамы и их охотничьи уголья были обменяны на десяток ничего не стоящих [295]винтовок или связку бесполезных безделушек, — как мы впервые унизили, а затем обманутые дети леса лишились всех своих холмов и долин, своих озер и рек, по которым разбросаны миллионы людей, представителей которых просят увековечить записи о зле, причиненном их предками. Несомненно, была необходимость в несправедливости — в истреблении одной расы, в увеличении численности другой. Но нет никакой необходимости в том, чтобы мы выставляли напоказ средства, с помощью которых это истребление было осуществлено. Их можно простить; мы можем, по крайней мере, забыть их”. ¹

Уже слишком поздно стирать эти темные записи; но еще не слишком поздно доказать, что мы

“Мудрее, чем были наши *"Отцы"*,

И лучше познайте Господа”.

Уверенно предсказано, что мы находимся на пороге новой войны с индейцами, более ужасной, чем когда-либо переживала наша страна; и все же с нашим богатым, могущественным и консолидированным правительством вполне возможно предотвратить эту войну. Индеец Запада такой же, как индеец Востока, и в тысячу раз лучше смягчить его сердце добротой, чем пронзить его пулей.

Путешественник описывает следующую сцену субботнего утра далеко за пределами цивилизации, среди чиппева, меномони и виннебагоев, где были только торговец и миссионер.

“Рассвет этого субботнего утра был необычайно прекрасен; *"розовые пальцы"*, казалось, действительно *"открывали врата света"*. Фиолетовый и пурпурный с широким и расширяющимся кругом *'восточного жемчуга'*, все это привлекло мой взор своим чарующим и наказывающим влиянием — а потом наступила такая тишина!^[296] Ни один лист не шелестел, и волны с более мягким шумом разбивались о берег. И все же, вся эта тишина была нарушена этим утром — ибо как раз в тот момент, когда небо на востоке стало мягким от солнечного света, и свет начал касаться вершушек деревьев и гор, и все стало так тихо, что моих ушей приветствовали сладостные звуки музыки! Они пришли из вигвама индейцев-христиан, который находился неподалеку в лесу. Они поднялись с наступлением дня, *"чтобы поклониться Богу"*! Они пели в трех частях: основной, теноровой и дискантной, с таким верным ритмом и такими приятными голосами, что добавляли гармонии даже самой природе. Пение дрозда и соловья звучит слаще, когда разливается среди рощи; так звучали эти лесные певчие птицы среди зеленой листвы и в тишине леса. Я присутствовал на их богослужении и снова был с ними вечером; и когда я слушал их хвалебные песни и молитвы, я чувствовал себя униженным и пристыженным за свою страну из-за того зла, которое она причинила *и все еще продолжает причинять* этим безлюдным и обездоленным детям леса. Там были цветы и драгоценные камни, которые нужно было только выращивать и полировать, чтобы от одного исходили такие же сладкие ароматы, какими когда-либо лакомились цивилизованные круги; а от другого исходил такой же ослепительный блеск, как и всегда, в диадеме царственной красоты. И все же ими пренебрегали и продолжают пренебрегать, их попирали, с ними обращались как с изгоями!”

Но ни одно миссионерское общество не располагает средствами для выполнения работы по распространению Евангелия и образованию среди такого множества кочующих людей на такой обширной территории страны. Это обязанность правительства, и при разумном планировании ее выполнение было бы не таким трудным. Это стоило бы не так дорого, как война, и спасло бы нас от возмездия, которое, несомненно, постигнет тех, кто использует жестокость и предательство в качестве денег для покупки^[297], чтобы завоевать территорию и обогатить ее кровью невинных и беспомощных.

Вымирание может быть обречено на гибель индейцев, но не требуется авторитета пророка, чтобы позволить нам сказать: *"Горе тем, от кого исходит это оскорбление"*. ^[298]

¹ *Daily Times*, 12 февраля 1855 г. [↑]

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ЯЗЫК ИРОКЕЗОВ.

Если индеец будет полностью изгнан за пределы наших границ, память о нем не умрет. Ибо, как я уже цитировал в другом месте,

- Их имена на наших водах,

Мы не можем их смыть”.

Диалекты Шести народов имели сильное сходство друг с другом, хотя все еще существовали различия, которые отличали их друг от друга. Те, кто понимал одну из них, могли общаться на языке каждой из других, и на совете представители каждой нации без труда интерпретировали то, что было сказано всеми. Ирокез и онейда сильно походили друг на друга, а сенека и каюга были одинаковыми. Онондага “считался ирокезами самым законченным и величественным”, в то время как для наших ушей он самый суровый, а онейда - самая музыкальная.

Они использовали девятнадцать букв, не имея губных или жидких звуков, за исключением того, что иногда среди ирокезов можно услышать звук L, а среди тускарора - звук F. Сенека и кайюга разговаривают весь день, не разжимая губ, и в их языке нет ругательств. Прежде чем индеец сможет сквернословить, он должен выучить французский или английский, а его язык тоже устроен так, что уклониться от ответа почти невозможно. Метафоры постоянно используются виндийской речи и разговорах. Если кто-то приходит в очень холодную погоду, он говорит: “Это[299]утро режет нос”. Если он хочет поразмыслить над предложением, прежде чем принять решение, он говорит: “Я положу этот вопрос под подушку и дам вам знать”. Он говорит об истощенном человеке: “У него сухие кости”. Пароход называется “Корабль, движимый огнем”. Лошадь - это “перевозчик бревен”, корова - “жвачка, которая жует жвачку”, а коза - “животное, пахнущее”.

В древние времена, когда охотники разбивали лагерь в лесу, они сохраняли тепло, укрываясь ветками болиголова, и теперь, если индеец собирается отремонтировать свою хижину, он говорит: “Я окружу ее ветками болиголова”, имея в виду, что я сделаю ее теплой и уютной. Когда вождь произносит речь на открытии Совета, он заканчивает словами: “Теперь двери открыты, вы можете приступить”. Посланника Шести народов к Сенекам называли “человеком, несущим огонь или дым”, что означало, что он отвечал за огонь Совета и поддерживал его ярким.

Ирокезы называют себя *настоящими людьми*; и в речах или беседах, если речь заходит о белых людях, они неизменно говорят “наши младшие братья”. Президента Соединенных Штатов называют “пожирателем городов”, а Вашингтон - “резиденцией пожирателя городов”.

У ирокезов был мужской, женский и средний роды. Мужской и женский род обозначались, иногда давая одному и тому же животному разные названия, как мы говорим “олень” и “лань”, а иногда добавляя приставки к словам, обозначающим мужчину и женщину. Все неодушевленные предметы были отнесены к среднему роду. У них не было неопределенного артикля или *an*, но они использовали *the*, а также обычные разновидности прилагательных и наречий. Они изобиловали междометиями, но не имели причастий. Вместо инфинитивного

наклонения они использовали слово *это*. Вместо того чтобы сказать: “Прикажи Хе-мо прийти и даровать нам дождь”, они сказали: “Прикажи этому Хе-мо прийти и даровать нам дождь”.

Они умели считать на один, два, три, почти до ста и использовали цифры "во-первых", "во-вторых", "в-третьих" и т.д.

Ниже приведены примеры имен, а также молитва Господня и гимн Сенеки. [300]

О-хи-ю,	<i>Прекрасная река.</i>
Ос-мы-уходим,	<i>Вытекаая наружу.</i>
Он-йит-ха,	<i>Птица с сильным крылом.</i>
Га-но-со-те	<i>Дом.</i>
О-он-ду-те	<i>На дереве.</i>
О-я,	<i>Фрукт.</i>
Дзе-да-до	<i>Птичка.</i>
О-я-хан	<i>Яблоки раскалываются.</i>
Га-но-ге	<i>Масло на воде.</i>
Га-осе-ха	<i>Детская оправа.</i>

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Gwä-nee' gǎ-o-yä'-geh che-de-oh'; sä-sa-no-do'-geh-teek; gä-o' ne-dwa na' sa-nunk-tä; na-huk' ne-yä-weh' na yo-an'-jä-geh ha'-ne-sä-ne-go'-dǎ ha ne-de-o'-dǎ na' gǎ-o-yä'-geh. Dun-dä-gwä-e'-wä-sǎ-gwus na' ong-wi-wä-na-ark-seh' na' da-yä-ke'-wä-sǎ-gwä'-seh na' onk-ke-wä-na'-ä-ge. Dä-ge-o'-na-geh'-wen-nis'-heh-da na' ong-wä-quä'. Sǎ-nuk' na-huh' heh'-squä-ä ha' gä-yeh na' wä-ate-keh' na-gwä' na' dä-gwä-yä-duh'-nuh-onk ha' gä-yeh na' wä-ate-keh'; na' seh-eh' na ese' sä-wǎ na' o-nuk-ta' kuh' na' gǎ-hus-ta-seh' kuk' na' da-gä-ǎ-sä-uh'. Na-huh'-ne-yä-weh. ¹ [301]

(Образец индийского гимна.)

ГАА НАХ 8. Л. М.

О гве ньюо "га", га деах'сик

Хе-хе-хе, да-да, это не так;

Та'а; та'а дех о гвэ ньюох",

Нех а' НОО'вак ни о Альда АБК.

Ии, саах, джи са'я да гвах",

На гат хва - это хах; ага но,

Гих шах, дех саях да гех хах,

А ты дас'те, о, не-е, не-е.

Дех ойва ясдох нага дех,

Я не гах са дья нохкда, о
Он йоан джаде, ку, он го-хе-хе;
Я, кух, надеюсь, что ты не уйдешь отсюда.
Деи ои вахгх на га деах ищут;
Та а, ваэ, Наис, хе са деах о,
Эй, ва неават ни ява, о,
Я вижу, де га ях сонт.
Да гья'да гех'ха аак, дих'шо,
Никогда не гони не а гес "никогда не хаак",
Он ни сах'саннона а гват,
Кух хе ни са да ни да о.

Число сенека по последней переписи составляло 2449 человек.

Три резервации, которые теперь остались за индейцами в Западной части Нью-Йорка, называются Тонаванда, Каттараугус, Аллегани и занимают в общей сложности около шестидесяти шести тысяч акров. Ни одной белой семье не разрешается селиться на этих землях, и закон запрещает доверять индейцу или продавать ему опьяняющие напитки.

В настоящее время насчитывается 14 школ, 16 учителей, 480 стипендиатов, одна школа-интернат с 50 стипендиатами, 8 миссионерами, 47 членами Церкви. [302]

№ II.

Зимой 1855 года Законодательное собрание Нью-Йорка приняло законопроект о создании Сиротского приюта и выделении двух тысяч долларов (2000 долларов) на строительство здания и десяти долларов в год за каждого ребенка, полученного и удерживаемого под опекой управляющих. Это одно из самых важных преимуществ, дарованных индейцам. Благодаря этому будет обеспечен дом для обездоленных малышей этого рассеянного народа. И если начать с самого начала, то появится возможность обеспечить им надлежащий курс моральной и физической подготовки и более надежно, чем каким-либо другим способом, уберечь их от уничтожения.

Сначала был опробован эксперимент по приему нескольких человек в семью доброжелательной леди, проживающей в Резервации, который оказался успешным и к государству был обращен искренний призыв о помощи.

Учреждение зарегистрировано под названием “Приют Томаса для сирот и обездоленных индийских детей” в знак признательности человеку, чье имя оно носит, за его долгие и искренние усилия по оказанию помощи нации Сенека.

Он расположен в резервации Каттараугус, но предназначен для приема детей из всех резерваций штата Нью-Йорк. Поскольку выделение десяти долларов в год на содержание и

образование каждого ребенка совершенно недостаточно для этой цели, есть надежда, что, если попытка сохранить от уничтожения эту благородную расу увенчается успехом, штат Нью-Йорк — единственный штат на атлантических границах этой Конфедерации, в котором было разрешено остаться организованной группе некогда многочисленных аборигенов нашей страны, — в дальнейшем продолжит оказывать этому учреждению свою воспитательную заботу и помощь.[303]

№ III.

Следующие документы Государственного департамента Индии покажут прогресс, достигнутый в науке управления и искусстве дипломатии:

Недавно в стране произошла настоящая революция, и народ заменил существовавшее до сих пор народное представительное правительство правительством Вождей. На Съезде, состоявшемся в Каттараугусе 4 декабря 1848 года, делегаты в очень формальной форме отменили старое правительство и провозгласили новый порядок вещей, очень похожий на манеру основателей нашего правительства. Их декларация не такая длинная, как на Мекленбургской встрече, хотя ее стиль мало чем отличается от стиля мистера Джефферсона. Конституция, определяющая обязанности и полномочия должностных лиц правительства, довольно детализирована. Высшая судебная власть состоит из трех судей, которые назначаются миротворцами. Законодательная власть в стране принадлежит Совету восемнадцати человек, избираемому всеобщим голосованием нации; но ни один международный договор не имеет обязательной силы, пока его не ратифицируют три четверти всех избирателей *и три четверти всех матерей нации!* Это можно считать достижением, выходящим даже за рамки законодательной теории Французского собрания. Одно положение этой Конституции демонстрирует определенную степень национальной бережливости, вполне достойную подражания тем джентльменам в нашем собственном Конгрессе, которые тратят так много денег “дорогих людей” на разговоры об их правах и интересах. Конституция Сенеки провозглашает, что вознаграждение членов Совета должно составлять по одному доллару каждому в день во время сессии; *“но ни один член не должен получать более двадцати шести долларов в течение любого одного года”*. С таким положением им не понадобится одночасовое правило, и не будет опасности того, что их Совет станет *“постоянным”*.

Среди актов Конвенции было переименование уважаемого гражданина Балтимора - Филипа Э. Томаса; джентльмена[304], которого Сенеки признают старым и верным другом. В знак признательности за множество проявлений доброты, которые они получили от него, они однажды сделали мистера Томаса Вождем, дав ему имя Сагаох (Доброжелательный). Но теперь возникла необходимость присвоить ему новый титул, и он был соответственно назван *Хай-ва-но*, что означает Посол. В протоколе Съезда говорится, что эта церемония прошла среди *“большой сенсации и одобрительных аплодисментов!”*

Декларация индейского народа Сенека — *Изменение формы правления и принятие Конституционной хартии:*

Мы, народ индейской нации Сенека, в силу права, присущего каждому народу, веря в справедливость и необходимость нашего начинания и смиренно призывая благословение Бога Народов на наши усилия по улучшению нашего гражданского состояния и обеспечению для нашей нации применения справедливых, полезных законов, настоящим отменяем нашу форму

правления Вождями, поскольку она не отвечает целям, для которых должны быть созданы все правительства.

Это не дает никакой гарантии в пользовании собственностью.

В нем нет законов, регулирующих институт брака, но допускается полигамия.

Она не обеспечивает бедных, но оставляет обездоленных погибать.

Это ставит людей в зависимость от иностранной помощи в плане получения образования.

В нем нет ни судебной власти, ни органов исполнительной власти.

Это безответственная, самостоятельно созданная аристократия.

Его полномочия абсолютны и неограниченны в лишении людей прав; но они бессрочны и не осуществляются при принятии муниципальных нормативных актов в их интересах или защите.

Мы не можем ни перечислить зло, проистекающее из столь несовершенной системы, ни подсчитать ее подавляющее влияние на прогресс совершенствования.

Но чтобы исправить эти недостатки, мы провозглашаем и устанавливаем [305]следующую Конституцию или Устав и умоляем правительство Соединенных Штатов и штат Нью-Йорк помочь в обеспечении нас законами, в соответствии с которыми будет возможен прогресс.

Раздел 1. Наше правительство должно иметь законодательный, исполнительный и судебный департаменты.

Раздел 2. Законодательная власть должна быть передана Совету из восемнадцати членов, которые будут называться Советниками нации Сенека, и которые должны избираться ежегодно в первый вторник мая каждого года; и которые должны распределяться по каждой Резервации в соответствии с ее населением — две трети из которых, собранные на очередную сессию и должным образом организованные, должны составлять кворум и быть компетентными для ведения бизнеса; но для всех законопроектов о выделении государственных средств необходимо согласие двух третей избранных членов, чтобы законопроект получил силу. закон.

Раздел 3. Исполнительная власть возлагается на Президента, в обязанности которого входит председательствовать на всех заседаниях Совета — имея на них только решающий голос - и следить за надлежащим исполнением всех законов; а также представлять Совету на каждой сессии отчет о состоянии национальной экономики и рекомендовать для решения Советом такие вопросы, которые он может счесть целесообразными. В отсутствие Председателя Совет может избрать временного председательствующего.

Раздел 4. Судебная власть принадлежит трем миротворцам в каждой Резервации; и двое из них имеют право созывать суды при условии подачи апелляции в Совет и в такие суды штата Нью-Йорк, которые разрешит его законодательное собрание. Юрисдикция, процессуальные формы и производство в судах Миротворцев должны быть такими же, как в судах мировых судей штата Нью-Йорк, за исключением проверки завещаний и распределения имущества умерших лиц - в этих случаях Миротворцы должны обладать такими полномочиями, которые предоставляются законом.

Раздел 5. Все дела, в отношении которых Миротворцы не обладают юрисдикцией, могут быть рассмотрены Советом или такими судами [306]штата Нью-Йорк, которые разрешит его законодательное собрание.

Раздел 6. Право заключения договоров принадлежит Совету; но ни один международный договор не будет иметь обязательной силы для нации до тех пор, пока он не будет представлен народу и одобрен тремя четвертями всех законных избирателей, а также тремя четвертями всех матерей нации.

Раздел 7. Должны быть клерк и казначей, и суперинтендант школ, и надзиратели за бедными, и ассессоры, и надзиратели за дорогами, чьи обязанности должны регулироваться законом.

Раздел 8. Каждое должностное лицо, уполномоченное получать государственные деньги, обязано обеспечивать такие гарантии, которые будут одобрены Президентом и прокурором нации Сенека.

Раздел 9. В каждой резервации (Каттараугус и Аллегани) должны быть маршал и два заместителя, которые должны выполнять все процедуры, назначенные судами, и выполнять другие обязанности, предусмотренные законом.

Раздел 10. Все должностные лица, указанные в настоящей Конституции или Хартии, должны быть избраны одновременно, одинаковым образом и на одинаковый срок в качестве членов Совета, а вакансии, возникающие на любой должности, должны быть заполнены в порядке, установленном законом; и каждый индеец мужского пола в возрасте двадцати одного года и старше, либо проживающий в одной из Резерваций (Каттараугус, Аллегани или Ойл-Спринг), либо владеющий любыми землями в любой из указанных Резерваций и занимающий их, и земли, которые могли облагаться налогом для строительства автомобильных дорог или других целей, имеет право голоса на всех выборах.

Раздел 11. Любой законный избиратель имеет право занимать любую должность, указанную в настоящей Конституции или Хартии; и все избранные должностные лица должны быть введены в должность и, при необходимости, подвергнуты импичменту с использованием таких форм и правил, которые будут предписаны законом.

Раздел 12. Вознаграждение членов Совета составляет один доллар в день во время сессии; но ни один член не должен получать более двадцати шести долларов в течение одного года. Вознаграждение всех должностных лиц должно быть предусмотрено законом.

Раздел 13. Совет собирается ежегодно в первый вторник [307]июня, и дополнительные сессии могут созываться Президентом в любое время, которое он сочтет нужным.

Раздел 14. Совет имеет право издавать любые законы, не противоречащие Конституции Соединенных Штатов или штата Нью-Йорк.

Раздел 15. Все преступления, которые подлежат наказанию по законам Соединенных Штатов или штата Нью-Йорк, должны быть рассмотрены и наказаны в Суде миротворцев или в Совете, как это предусмотрено законом.

Раздел 16. Право любого члена древней конфедерации ирокезов на занятие наших земель и другие привилегии должны соблюдаться, как и прежде; и Совет должен принять законы о

приеме любого индейца из других племен или наций в гражданство и усыновлении в индейскую нацию Сенека по его или ее заявлению, для него или нее, или семьи.

Раздел 17. Настоящая Хартия может быть изменена народным советом, созданным с этой целью, по предварительному уведомлению за три месяца путем голосования двух третей законных избирателей, присутствующих на таком собрании.

Раздел 18. Лесопилки в различных Резервациях, действующие в настоящее время, настоящим объявляются национальной собственностью, и средства, поступающие от них, должны быть выделены Советом на национальные цели. Но ничто в настоящей Хартии не должно быть истолковано как запрещающее возведение мельниц и других сооружений производственного или иного назначения любым частным лицом на его собственной территории, при условии, что при этом он не нарушает права любого другого физического лица; и все такие сооружения физическими лицами должны уважаться как строго частная собственность.

Раздел 19. Законы, принятые Законодательным собранием штата Нью-Йорк для защиты и улучшения положения индейской нации сенека, а также все законы и постановления, ранее принятые Вождями на заседании юридического совета, сохраняют полную силу и действие, как и прежде, за исключением случаев, когда они несовместимы с положениями настоящей Конституции или Хартии.

Настоящим я подтверждаю, что вышеуказанная копия была мной изучена [308] и сравнена с оригиналом, который сейчас хранится в Архиве индейского народа Сенека, и является точной расшифровкой того же самого и всей указанной Декларации, Конституции и Устава.

Уильям Джемерсон,
служащий племени индейцев Сенека,
резервация Каттараугус, округ Эри.

Нью-Йорк, 5 декабря 1848 г..

РЕЗОЛЮЦИИ,

Принят Конвентом индейской нации Сенека 4 декабря 1848 года.

Постановлено, — Что настоящий Конвент испытывает благодарность за религиозное и научное обучение, которым нас наделили доброжелательные общества и отдельные лица, а также за внедрение среди нас надлежащих средств для нашего совершенствования; и особенно мы хотим выразить нашу благодарность Обществу друзей; они были первыми, кто внедрил средства для нашей культуры и совершенствования, и заложили основу нашего образования и цивилизации, благодаря которым мы стали мудрее и просвещеннее, и смогли увидеть и понять наши права; они также подружились и помогли нам, когда у нас не было друзей и средств для собственного существования. во время опасности — всегда ревностны и неустанны в своих трудах на наше благо. Также Американскому совету уполномоченных по иностранным миссиям за то, что присылает нам миссионеров и учителей, которые просвещают наши умы, направляют нас к истинному свету и учат нас плану спасения: а также штату Нью-Йорк, за их доброжелательные усилия по принятию законов для нашей защиты и совершенствования, а также за большие и щедрые ассигнования, выделенные ими на возведение школ и оплату

школьных учителей среди нашего народа, и мы желаем, чтобы эти добрые услуги продолжались.

Решено, — Что поскольку мы упразднили наше прежнее правительство; что таким образом все назначения теперь аннулируются; следовательно

Решено, Что народ индейцев Сенека, собравшийся на этом Общем съезде, настоящим выражает свою благодарность [309]своему другу и брату Сагаоху (Филипу Э. Томасу) из города Балтимор и штата Мэриленд за добросовестное выполнение им своих обязанностей представителя нашей нации (при нашем покойном правительстве) при правительстве Соединенных Штатов в Вашингтоне, и, будучи не менее уверенными в его честности и способностях, мы настоящим учреждаем и назначаем его нашим послом при нашей новой форме правления, который будет представлять нас и отвечать за все интересы и дела индейского народа сенека правительству Соединенных Штатов в Вашингтоне.

Решено, — что, как это принято среди нашего народа, всякий раз, когда в истории нашей нации происходит какое-либо важное событие, будь то естественный переход от детства к зрелости, от Воина к Вождю или от Вождя к Сахему; поэтому мы заявляем, что в результате этой перемены в нашем Правительстве о его повторном назначении под новым, и с согласия родственников нашего друга Сагаоха, что имя Сагаох перестанет быть его именем, под которым он был назван и известен среди нас, и что отныне его имя будет Хай-ва. -но (Посол, Представитель или Временный поверенный в делах), потому что он должен представлять нашу нацию и народ, под этим именем он отныне будет известен среди нас, и чтобы церемония его крещения была немедленно проведена. После чего церемония изменения прежнего индийского имени и крещения Филипа Э. Томаса из Балтимора была проведена в соответствии с нашими обычаями Са-дай-на-ва (Джон Хадсон) и было объявлено, что упомянутый Томас отныне может быть известен под именем Хай-ва-но. (Сенсация и одобрительные аплодисменты.)

Постановлено, что секретарь и Президент настоящим уполномочены подготовить верительные грамоты Хай—ва-но (Филипа Э. Томаса), нашего Посла, которого мы настоящим учредили и назначили; и направить их ему как можно скорее вместе с декларацией и конституционной хартией, и попросить его немедленно отправиться в резиденцию Правительства Соединенных Штатов и представить их надлежащим властям, а также уведомить его об изменении [310]его имени и о его назначении должностным лицом Правительства Соединенных Штатов. Индейский народ Сенека.

Постановлено, — Чтобы копии Декларации, Конституционной хартии и резолюций настоящего съезда были направлены секретарем объединенному комитету Общества друзей по делам индейцев; и губернаторам штатов Нью-Йорк и Массачусетс с просьбой, чтобы они были представлены в соответствующие учреждения; и чтобы нашему Представителю было предложено представить копии этих документов Конгрессу Соединенных Штатов, который сейчас созывается в Вашингтоне, и военному министру с просьбой, чтобы они были представлены в их соответствующих департаментах.

Решено, Что мы испытываем неизменную уверенность в способностях и квалификации переводчика Соединенных Штатов (Питера Уилсона) для этого агентства, который всегда добросовестно исполнял свои обязанности, и что, поскольку покойные руководители при нашем бывшем правительстве ходатайствовали о его отстранении без справедливой и

разумной причины, настоящим мы просим нашего представителя выразить протест против его отстранения.

Решено настоящим проинструктировать секретаря подготовить и направить копии материалов настоящего Съезда издателям Buffalo Commercial Advertiser и New York Tribune с просьбой опубликовать их в их соответствующих газетах.

Настоящим я подтверждаю, что вышеуказанная копия была мной изучена и сравнена с оригиналом, который сейчас хранится в архиве индейского народа Сенека, и является точной копией того же самого и всех упомянутых резолюций, принятых Генеральной конвенцией.

Уильям Джемерсон,
клерк индейской нации Сенека.

Резервация Каттараугус,
округ Эри, Нью-Йорк,
5 декабря 1848 г.

Сэр: Настоящим Вы выдвинуты, учреждены и назначены Послом, Чрезвычайным посланником и Полномочным министром в резиденции Правительства Соединенных Штатов Америки Конституционным Собранием и правительством[311] индейского народа Сенека, проживающего в штате Нью—Йорк, для представления их от их имени, со всеми полномочиями и привилегиями указанной должности для принятия на себя ответственности за интересы и дела вашего правительства и нации: и что бы вы ни делали от нашего имени, это будет иметь для нас обязательную силу и тот же эффект как если бы мы присутствовали и давали на это согласие; и вы настоящим уполномочены заниматься делами вашей страны так, как они будут время от времени указывать, и так, как вы можете счесть справедливым и пристойным.

Настоящим вы также уполномочены и вас просят немедленно проследовать в резиденцию правительства Соединенных Штатов и предъявить это, ваши верительные грамоты, надлежащим властям.

Вам также сообщается, что ваши официальные обязанности начинаются с даты получения этого поручения и назначения на должность офицера индейской нации Сенека.

По приказу Конвенции и правительства индейской нации Сенека.

С. В. Маклейн, *президент*.

Уильям Джемерсон, *клерк*.
Резервация Каттараугус, округ Эри, Нью-Йорк,
5 декабря 1848 года.

ХАЙ-ВА-НО, (Филипу Э. Томасу,
послу и проч.,
Балтимору, Мэриленд.

№ IV.

Следующие выдержки из протоколов ежегодных собраний Друзей Балтимора в 1850 году дадут некоторое представление о нынешнем положении женщин и их понимании государственных, а также внутренних дел:

Таким образом, мы видим нацию Сенека с правительством, "рассчитанным", выражаясь их собственным языком, "на то, чтобы соответствовать цели, ради которой должны быть созданы все правительства". Мы находим, что их женщины в основном отозваны с поля боя и занимают свое^[312]надлежащее положение в своих семьях, — их дети должным образом воспитываются дома и в школе, получают литературное и научное образование. В течение нескольких последних лет у нас было Учреждение для обучения их дочерей ведению домашнего хозяйства и другим соответствующим домашним занятиям. Они обеспечены хорошими жилыми домами и амбарами, являются бесспорными владельцами плодородной почвы, достаточной для всех их целей, дающей больше, чем может потребить нация; и в дополнение к этим преимуществам они получают ежегодные выплаты, более чем достаточные для покрытия всех расходов своего правительства.

“Когда нынешние объединенные комитеты впервые посетили Резервации, в 1839 и 1840 годах, очень большая часть индейцев жила в вигвамах, или бедных бревенчатых хижинах, покрытых корой, досками или другими материалами, которых едва ли было достаточно, чтобы защитить их от непогоды. У многих из них были земляные полы, на которых они спали на бизоньих шкурах и одеялах. Они не накрывали на стол, не ели регулярно — не пользовались ни тарелками, ни ножами и вилками. Обычно над огнем ставили железный горшок, в который клали фасоль, мамалыгу и кусок какого—нибудь мяса - либо свинины, либо оленины. Когда кто-нибудь из членов семьи был голоден, он брал себе то, что хотел, кладя это в маленький деревянный сосуд и питаясь деревянной или железной ложкой. Внутреннее убранство жилищ обычно представляло глазу зрелище, никоим образом не рассчитанное на то, чтобы подогреть воображение в пользу индийской жизни. Правда в том, что эту женщину изгнали из ее привычной сферы, и никакое семейное счастье не могло войти в дом в ее отсутствие.

“Школа ручного труда была создана как одно из средств возвращения женщины на то место, которое, очевидно, было предназначено для нее по великодушному приказу ее Создателя, порядку, который нельзя безнаказанно нарушать. Эта школа проходила в доме, построенном для друзей в Каттараугусе. Среднее число учеников составляло около двадцати восьми человек, как, *twenty years of age*, и они учились в школе. Они содержались в семье за счет комитета, их учили рисовать на картах и прясть шерсть, вязать чулки, кроить и шить одежду и так далее. Часть их числа ежедневно принималась в^[313]семью Управляющего, где их учили стирать и гладить одежду и т. Д., Печь хлеб, готовить простые блюда и все другие отрасли хорошего домашнего хозяйства, относящиеся к сельской жизни. На это отделение все поступали по очереди, обычно по четверо за раз, и продолжали поступать до тех пор, пока не были достигнуты необходимые навыки. Когда они покидали школу, их места занимали другие, благодаря чему большое количество молодых женщин получили квалификацию, позволяющую

им руководить семьями и передавать последующим поколениям комфорт и благословения домашней жизни.”

Мемориал женщин рода Сенека, посвященный П. Э. Томасу.

[Оригинал отправлен в Индийское бюро.]

Резервация Каттарауг, 13 октября 1848г.

Нашему Уважаемому Другу Филипу Э. Томасу:

Женщины резервации Каттараугус хотят обратиться к вам с несколькими словами в это тяжелое для нас время, и мы делаем это с большей радостью, потому что наши Друзья всегда трудятся над тем, чтобы способствовать благополучию женщин среди индейцев и улучшить их положение. Мы также хотели бы попросить вас заручиться влиянием Общества друзей, чтобы наши слова укрепились и стали достаточно весомыми, чтобы их услышал военный министр, о том, что мы, женщины, имеем равные права на нашу ренту с мужчинами и вождями. Мы все находимся в одинаковом положении в отношении суммы, которую имеем право получать, — вожди и воины, мужчины, женщины и дети. Мы были рады, когда услышали, что Секретарь проинструктировала нашего нового Агента выплатить ежегодные выплаты за этот год главам семей. Мы не видим другого способа, с помощью которого можно было бы обеспечить соблюдение наших прав и отправление правосудия одинаково для всех. Мы надеемся, что вы убедите секретаря подтвердить его прежние инструкции, поскольку мы были сильно озадачены и обеспокоены, когда Агента вынудили задержать выплату на том основании, что начальники настаивали на соблюдении старого обычая в отношении этого. *Мы просим о наших справедливых правах и ничего более;* но мы повторяем, что *мы не считаем*, что наши права будут в безопасности, если эти инструкции Агенту будут отменены. Мы сожалеем, что Агент счел необходимым отложить [314]строгое выполнение его инструкций, но мы пока не впадаем в уныние, поскольку уверены, что Секретарь проявит должное уважение к нашим правам. Только мы просим разрешения повторить нашу просьбу о том, чтобы вы применили весь вес вашего влияния и влияния вашего Общества к этому вопросу, чтобы он был готов подтвердить свое прежнее решение и предоставить каждой индийской женщине и ребенку не меньше, чем другим, доли, которые по праву принадлежат каждой.

И мы хотели бы добавить, что мы уже сильно пострадали от действий вождей, с помощью которых наша бедность только увеличивалась, и мы хотим умолять, чтобы они никогда больше не лишали нас наших прав, но чтобы нам и нашим детям время от времени разрешалось получать полную и причитающуюся нам долю, которая по праву принадлежит нам. Мы полностью осознаем, что это тяжелый случай - иметь разногласия с вождями, но мы чувствуем, что они причинили нам зло, и наши дети уже страдали, причем в течение долгого времени, из-за их жадности и гордыни, и мы считаем, что то, что они говорили в свое оправдание, неправда. Именно благодаря нашей боли и горестям дети появляются на свет, и поэтому мы заинтересованы во всем, что касается благополучия наших детей. Мы рассмотрели этот вопрос и удовлетворены тем, что сторона, которая работает над равным разделением всей нашей ренты, действительно борется за наилучшие интересы наших детей.

Мы придерживаемся того же взгляда на этот вопрос, которого придерживались давно умершие старики, которые первыми заключили эти соглашения. Они решили, что каждый отдельный мужчина, женщина и ребенок имеют равное право на наши деньги и на наши земли - короче

говоря, на все наше национальное достояние; что так было с самого начала и так должно быть всегда. Мы взяли на себя смелость высказать свое мнение, потому что верим, что это истинная правда, и мы искренне желаем, чтобы президент и военный министр обеспечили нам сейчас и нашим потомкам на все грядущие времена выполнение первоначальных условий, согласно которым *до тех пор, пока растет лес или течет вода, [315]или пока Сенека доживет до того, чтобы увидеть свет солнца, эти ежегодные выплаты должны честно выплачиваться и справедливо распределяться.*

С большим уважением, ваши друзья,

Их

Бетси + Сноу.

Джулия + Энн Сноу.

Джейн + Скотт.

Ганна + Хох.

Полли + Джонсон.

Марта + Филлипс.

От имени женщин семейства Сенека.

Маркс.

Совершено в присутствии

Джозефа С. Уолтона,

Ашера Райта.

Мемориал женщин Сенека президенту.

Его Превосходительству генералу Закари Тейлору, Президенту Соединенных Штатов Америки:

Нижеподписавшиеся, матери, главы семейств, жены и взрослые дочери индейцев племени Сенека, проживающие в Западной части штата Нью-Йорк, с уважением заявляют нашему Отцу Президенту, что мы с крайним сожалением узнали о том, что образованный молодой человек из числа наших сыновей и братьев находится в Вашингтоне, настойчиво требуя от Президента свести на нет то хорошее, что было сделано для нашего народа его предшественниками, и свести на нет действие, насколько это касается сенека, мудрого постановления, согласно которому часть всех индийских ежегодных пособий должна распределяться только во время посева, каждую весну. в целях облегчения и поощрения сельского хозяйства. Мы желаем нашим сыновьям быть трудолюбивыми — вовремя работать в поле, взбалтывать почву, собирать обильный урожай как плоды Божьего благословения за их собственные честные усилия: не

оставлять выращивание кукурузы женщинам, как это делали их предки-охотники, рыболовы и воины. Дни охоты и рыбной ловли, а также, мы надеемся, и сражений с индейцами, прошли навсегда, и нам чрезвычайно больно, что наш образованный сын, к тому же такой умный и полезный, который, если бы он заботился о благополучии своего народа, мог бы сейчас пытаться, либо по своей собственной воле, либо под руководством тех, кого, если бы они стремились к [316]общественному благу, мы бы с радостью призвали наших вождей, помешать желаниям этого народа, ограничить занятия сельским хозяйством, и навлекают смущающую и сбивающую с толку нужду на обездоленных, которые полагались на стабильность советов правительства Соединенных Штатов для удовлетворения своих потребностей. У нас есть много и для нас весомых причин, по которым наш Отец, Президент, не должен прислушиваться к ходатайству нашего сына, которого мы не посылали говорить от нашего имени к Президенту; но чтобы не подумали, что у индийских женщин никогда не устают языки, мы только добавим, что нижеподписавшиеся искренне молятся от своего имени и от имени подавляющего большинства матерей, жен и дочерей народа Сенека о том, чтобы признание нового правительства было оставлено в силе; и чтобы нам выплачивали ежегодные выплаты в соответствии с правилом, принятым в 1847 году, для выплаты всем племенам, получающим ежегодные выплаты от правительства, то есть в течение текущего месяца; и ваши мемориалисты, как и положено по долгу службы, всегда будут молиться.

Подпись: Гуа-на-за и
еще девятнадцать женщин.

4 апреля 1849 года.

Ответ Филипа Э. Томаса этим женщинам.

Балтимор, 4 месяца 8 ноября 1849 г.

Мои уважаемые сестры: — Ваше обращение к Президенту Соединенных Штатов дошло до меня и привлекло мое пристальное внимание. Я рад сообщить вам, что все, о чем вы спрашиваете относительно порядка выплаты вашей ренты и признания вашего нового правительства, было решено так, как вы пожелаете. В дальнейшем ежегодные выплаты будут выплачиваться Агентом Соединенных Штатов главам семей — как женщинам, так и мужчинам, и больше ничего не будет выплачиваться вождям, за исключением их соответствующих долей.

Признавая вашу новую Конституцию, правительство Соединенных Штатов признает ту замечательную статью в ней, которая предусматривает, что никакая продажа Земли в дальнейшем не может быть произведена без согласия трех четвертей всех [317]матерей в стране. Это мудрое решение гарантирует вам безопасность ваших домов; ибо я слишком доверяю своим сестрам-индианкам, чтобы поверить, что их когда-нибудь удастся убедить отобрать землю у их детей и отправить их погибать в пустыне.

Мне доставило удовольствие прочитать ваше обращение к Президенту. Оно доказало мне, что вы начинаете понимать свои права и настроены ими воспользоваться. Я надеюсь, вы помните хороший совет, который комитет дал вам в 1845 году, и поскольку некоторые из вас, возможно, не слышали его тогда, я сейчас посылаю вам его копию под присмотром моего брата Джозефа С. Уолтона.

Запомните этот совет; это хороший совет, и постарайтесь применять его на практике.

Всякий раз, когда у вас возникнет желание связаться со мной, вы вольны это сделать.—Вы найдете во мне своего верного друга и брата,

П. Э. Томас. [319]

1 Если бы была предпринята попытка дать буквальный перевод каждого слова или фразы, это сделало бы необходимым перенос и в некоторых отношениях изменило бы образование слов, как показано ниже.

Гвайни', Отче наш, че-де-о' сущий в га-о-я-ге, небесах, га-са-нук', да святится имя твое, да придет твое са-нук-та' царство gä-oh' come, ese' thy sne'-go-eh will ne-ya-weh'. совершенно тобой на an-jä'-geh earth , as ne-de-o'-deh it is -гех. на небесах. Дун-да-гвэ-э-ва-сэ-гвэ Прости нам наши онг-ва-йех"его-хе" долги, как мы да-я-ке-а-ва-сэ-гвэ-сэ прощаем наши хо-йех'хи. должники. Да-ге-о' Дай не нам на-ге' wwen-nis'-heh-deh day e' our na-hä-da-wen-nis'-heh-geh daily o-ä'-qwa.,, хлеб. Нă-squä'-ah Веди е' us не not ha' into wä-ate-keh', temptation, na-gwä' but dă-gwä-yä-dan'-наке насне' us wä-ate-keh',, ибониствой - господь." королевствоо-нук'-тя, на-кух' и на га-хустес-хех, власть, на-кух' и да-га-я-са-о'. слава.

Na-huh'-se-yä-weh. ↑

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

Страница	источника	коррекция	редактирование расстояние
12, 13, 14, 15, 22, 24, 25, 29	Iriquois	ирокезов	1
13	Kamschatka	Камчатский	1
14	известных	известный	1
20	tney	они	1
22	”	[удален]	1
29	‘	“	1
31	Kamtschatka	Камчатка	2
48	suspervision	надзора	1
51	ncense	ладана	1
57	жертву	приносились	1
64	Аполлон	Аполлон	1
70	a ndthis	и это	2
76, 288, 330, 331	[нет в источнике]	,	1

78, 90, 313, 330, 334	[нет в источнике]	”	1
80	MOCASIN	мокасин	1
86	imformed	ранее	1
97, 111, 326	“	[удален]	1
103	растительное	которых	3
107	вариант	был	1
107	озеро	Озеро	1
117	приехал	приходят	1
121	на	[удален]	4
121	[нет в источнике]	в	4
125	мучителям	мучителей	1
132	самоуничтожение	самоуничтожение	1
134, 197, 220, 226, 329, 329, 330, 330, 330, 333, 334, 334	[нет в источнике]	.	1
145	Огонь, Вода,	Огонь-Вода	1
145, 146	потом	, чем	1
146	шо	, кто	1
155	до свидания	до свидания	1
177	черное пальто	черное пальто	1
185	осеasion	случаю	1
186	любую вещь,	что	1
211, 281, 334	[нет в источнике]	“	1
217	exemptyfyng	иллюстрирующих	1
220	начинаем	развивать	1
221	кукурузы плантатор	CORNPLANTER	1
255	детей	детей	1
265	ЭМ	срок	1
267, 329	[нет в источнике]	,	1
276	в	интернет	4
278	шаг сын	шаг сына	1
280	мысли	мысли	1
288, 292	,	[Удалено]	1
293	Tuscorara	Тускарора	2

309	Заряда	Имя	1 / 0
309	).	.)	2
310	период	созван	1
310	необыкновенное	неординарные	1
312	genererally	вообще	2
320	[нет в источнике]	по.	6
321	Худ Н	Хадсон	1
321, 325	.	,	1
322	Quixotte	Кихот	1
324	Фуше	Фуше	1 / 0
324, 329		—	1
325	их	там	2
329	бессознательного	бессознательное	1
330	,	;	1
332	[нет в источнике]	‘	1
333	l2mo	12mo	1
333	Buckhardt	Буркхардт	1
333	brimfull	увлечен	1
333	Parkyn по	Parkyns’	2
334	,	,”	2
334	:	;	1